I ТИХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы краеведческой научно-практической конференции

Брянск
2007

Управление культуры Брянской области

Брянская областная научная универсальная библиотека И. Тютчева

I ТИХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы краеведческой научно-практической конференции

14-15 ноября 2006 г.

Брянск
2007

ББК 63.3(2Рос-4Бря)
Т46

Редакционная коллегия:
Кукатова Г.И. - ответственный за выпуск
Кокунько О.П.
Симонова Т.Н.
Щедрова В.Е. – компьютерная верстка

Тихановские чтения (1; 2006; Брянск).
Т46 I Тихановские чтения : Матер. науч.-практ. конф. : 14-15 ноября 2006 г. / Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева. - Брянск, 2007. - 336 с., [4] л. ил.: ил.

ББК 63.3(2Рос-4Бря)

Доклады воспроизводятся с полным сохранением содержания, предоставленного авторами текста.

© Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И. Тютчева, 2007

Г.П. Поляков,
к.и.н., доцент Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского

Почеп. Первые страницы истории (XV - 30-е гг. XVI вв.)

Почеп - один из старейших городов России - впервые упоминается в письменном источнике XV в. - жалованной грамоте великого князя Литовского, сохранившейся среди актов Литовской Метрики - архива канцелярии Великого княжества Литовского без указания его статуса как населенного пункта и без точной даты. Большинство книг Литовской Метрики представляют собой сборники документов. Они содержат фрагменты посольских книг, жалованные и подтвердительные грамоты великих князей Литовских на земельные владения, грамоты по судебным делам и другую документацию. Жалованная грамота с упоминанием Почепа опубликована в первом томе Метрики, вышедшем в свет в 1910 г. Её текст: «Пану Захари(ю) Почап и Сетольск и Бобынина земля, а Шумьром у вотчину. Индикт 10. Пан Монивид" [1]. Из документа следует, что Почеп был дан некоему пану Захарию в держание (во временное владение), а не в вотчину, т.е. он находился в ведении государства, а не в частном владении.

Документ датирован десятым индиктом, который в XV в. приходился на 1402, 1417, 1432, 1447, 1462, 1477 и 1492 гг. [2]. Так когда же Почеп впервые упомянут в письменном источнике? Ответить на данный вопрос можно, проанализировав информацию комплекса актов Литовской Метрики, отложившихся в этом архиве вместе с жалованной грамотой о Почепе. Следующая жалованная грамота, упоминающая Лопазну и "сельцо Речицу" датирована "генваря 8, индикт 10" [3], т.е. грамота с

упоминанием Почепа, таким образом, была дана до 8 января. Год составления грамоты устанавливается следующим образом: в актах Метрики несколько позднее, но в непосредственной близости от интересующего нас документа, следует запись о даче брянскому боярину Елфимью Бокееву села Чернетово. Грамоту выдал некий пан Петраш "маршалок дворский", по всей видимости, наместник великого князя Литовского в Брянске [4]. Далее следует грамота великого князя Литовского и короля Польского Казимира IV: «Артюшку село Знобов, еще Свидригайло дал... а держати ему у вотчину» [5]. Обе грамоты датированы 12 индиктом. Вторая грамота не могла быть составлена ранее 1447 г., т.к. именно в этом году Казимир стал польским королем [6]. Следующая, третья грамота в этом комплексе документов Метрики сообщает о подтверждения королем Казимиром трубчевскому вотчиннику Данилу Першиничу его имения Груздово, а также подтверждении королем земельной дачи, совершенной упомянутым ранее паном Петрашом. Этот документ "писан у Бряньску, июля 4, индикт 12" [7]. Известный исследователь истории западнорусских земель XV-XVI вв. в составе великого княжества Литовского М.М. Кром датирует эту запись по рукописи Литовской Метрики 4 июля 1449 г. [8]. На 1449 год приходится 12 индикт, под которым и указаны нами три документа. Таким образом, интересующую нас грамоту с первым известным к настоящему времени упоминанием Почепа в письменном источнике, относящемся к 10 индикту, предшествующему 12, следует отнести к 1447 г., в связи с тем, что новый год по индикту начинался 1 сентября и заканчивался 31 августа, а следующая после почепской речицкая грамота Метрики датирована 8 января, то время составления почепской следует датировать временем с 1 сентября 1446 по 7 января 1447 г. При переводе на современную (григорианскую) систему летоисчисления этих дат XV в. юлианского календаря следует прибавить 9 суток, т.е. с 10 сентября 1446 г. по 16 января 1447 г. по новому стилю.

Так что же представлял собой Почеп в древнейший период его истории - в середине XV - первой половине XVI вв. как населенный пункт и где он располагался?

В краеведческой литературе местонахождение древнейшего Почепа связывается с селом Старопочепье, расположенном в 15 км северо-западнее современного города, где на сохранившемся до наших дней древнем городище в 60-е - 80-е гг. XX в. проводились археологические исследования [9]. Судя по опубликованным материалам археологических раскопок, данное поселение функционировало в XI - XIV вв., но не имело городского характера, т.к. его укрепленная площадь (0,3 га) достигала лишь 1/3 от размеров самого малого древнерусского города. Не являлось городище в Старопочепье и "сторожевой крепостью — пограничным форпостом", о чем высказывалось мнение в литературе [10], вследствие незначительности его укреплений, не представлявших серьезной преграды для врага. Данное городище и примыкавшее к нему неукрепленное поселение - селище являлось владельческим поселением - одним из сел черниговосеверских князей, таким же, как близлежащий летописный Рогов на р. Рожок или Вольжино (Красная Слободка) на р. Усе. Об этом свидетельствует характер и размеры его укреплений и обнаруженные в ходе раскопок находки XI - XII вв.: донце керамического горшка со знаком княжеской династии Рюриковичей, железный ромбовидный наконечник стрелы [11] и поступившие в Брянский краеведческий музей железные конские удила, украшенные золотой насечкой, относящиеся к аксессуарам княжеских дружинников. Таким образом, очевидно, что старопочепское поселение не являлось населенным пунктом городского типа и непосредственного отношения к истории Почепа, упомянутого в Литовской Метрике не имеет, т.к. здесь отсутствует культурный слой XV в.

На современной территории г. Почепа в конце 80-х гг. под руководством Е.А. Шинакова проводились археологические исследования с целью выяснения времени возникновения и характера поселения древнерусского времени. Раскопки произво-

дились в урочище "Покровщина" около Ильинской церкви. В результате работ было установлено, что на этом месте небольшое поселение существовало непродолжительное время в конце X - начале XI вв. Слои XII-XIV вв. отсутствуют. Но отдельные домонгольские вещи - шиферные пряслица, стеклянные браслеты и железные ножи - были найдены. Также имеются данные о находке в 1904 г. в местечке Почеп медного змеевика XII - нач. ХШ вв. [12].

По мнению Шинакова, в XVI в. здесь было построено квадратное в плане (5х5 м) деревянное сооружение, к которому примыкали остатки глиняного вала "вероятно, этого же времени" [13]. Е.А. Шинаков интерпретировал данное сооружение как башню Почепской позднесредневековой крепости, в основании которой был найден боевой топорик XVI-XVII вв. с секировидным лезвием [14]. По данным исследователя из раскопа была извлечена керамика XV-XVI вв., а также и более поздняя. Следовательно, очередное (после рубежа X-XI вв.) и окончательное заселение территории урочища "Покровщина" произошло в XV в., после чего жизнь на этом поселении не прерывалась вплоть до настоящего времени. Таким образом, археологические данные подтверждают информацию Литовской метрики о существовании в XV в. на территории современного Почепа поселения. Время его основания и статус можно попытаться установить гипотетически. Так как Почеп, в отличие от расположенных поблизости от него Мглина, Дрокова и Поповой Горы, не упоминается в "Списке городов русских дальних и ближних", датированного М.Н. Тихомировым 1387-1392 гг. [15], а недавно В.Л. Яниным 1375-1381 гг. [16], и на его территории пока не обнаружен культурный слой XIV в., то время его основания следует отнести к первым трем десятилетиям XV в. По-видимому, первые полвека его истории он являлся рядовым сельским поселением, о чем свидетельствует его упоминание в одном ряду с такими же поселениями, как Сетольск и Шумором. Сооружение в Почепе крепости и приобретение им городского статуса, вероятнее всего, произошло в первой половине 90-х гг. XV в. Необ-

ходимость в учреждении нового военного и административного центра на юго-Западном пограничном предполье Великого княжества Литовского между Стародубом и Брянском была вызвана внешнеполитическим фактором - новым курсом правительства великого князя московского Ивана Ш. Оно от чисто дипломатических методов борьбы за объединение всех восточнославянских земель вокруг Москвы, после смерти короля Казимира IV (7 июня 1492 г.) и распада унии между Литвой и Польшей перешло к военным действиям. Так, например, в 1492 г. Московское войско во главе с князем Дмитрием Воротынским разорило четыре брянских волости [17], а в августе того же года были взяты и сожжены московским войском города Мценск и Любутск [18].

В конце XV в. московско-литовские отношения вновь стали напряженными. Успешно прошли тайные переговоры московских дипломатов с удельными чернигово-северским князьями Семеном Ивановичем Стародубским (Можайским) и Василием Ивановичем Шемячичем - потомками Дмитрия Донского (их отцы в 1454 г. бежали в Литву) - владельцами обширных русских княжеств на территории Литвы: Стародубского и Новгород-Северского. Иван III гарантировал им не только полную сохранность, но и расширение их владений (то, что отвоюют от Литвы) в случае перехода на сторону Москвы. В результате оба князя весной 1500 г. объявили о переходе "на службу" Ивану III, после чего князь Семен Стародубский, кроме находившихся в его владении Стародуба, Чернигова и Гомеля в период с мая по 11 августа, как свидетельствует запись в Посольских книгах Московского княжества, получил еще Мглин, Почеп, Дроков и Попову Гору, соединив свои ранее разобщенные территориально владения [19]. Упоминание Почепа в ряду этих известных еще с XIV в. городов однозначно документирует приобретение им к началу XVI в. городского статуса•.

• Следовательно, в 2002 г. исполнилось 555 лет во времени первого упоминания Почепа в письменном источнике, а в 2007 г., соответственно, 560 лет

Данный статус подтверждается упоминанием в текстах московско-литовских перемирных грамот 1503 и 1508 гг. «города Почапа с велостьми» [20].

А теперь остановимся на характеристике Почепской крепости конца XV в.-30-х гг. XVI в., вернее двух крепостей, одна из которых последовательно сменила другую, представляющую собой интереснейший памятник позднесредневековой фортификации.

Первые летописные упоминания крепости в Почепе относятся к 1534 и 1535 гг. Постниковский летописец в статье 1535 г. (события происходили в 1534 г., т.к. Новый год составитель этого летописца считал с 1 сентября - Г.П.) сообщает: "Того же лета приходили литовские воеводы под Стародуб и под Почеп... А Стародубские и почапские посады приказчики городовые, а не Литва сожгли. А пошли Литва из земли лета 7043 сентября в 4 день" [21]. Из контекста следует, что при приближении литовских войск воеводы приказали сжечь посад для того, чтобы его постройки не мешали обстрелу из крепости. По всей видимости, в то время посад укреплений не имел. Сама крепость в этот раз не пострадала, т.к. это вторжение носило разведочный характер, но в июле 1535 г. польско-литовские войска под предводительством гетмана Тарновского осадили соседний Стародуб, осуществили подкоп под его стены, которые и были взорваны. Стародуб пал и был предан огню [22]. В связи с этими событиями и угрозой прорыва польско-литовских войск вглубь территории Русского государства, по сообщению Пискаревского Летописца: «Тое же осени ок/тября/ повелением великого князя зделан град Почап землян на старом же месте» [23], то есть максимум за три месяца в Почепе на месте старой крепости была выстроена новая - земляная. Казалось бы, никаких сведений об этой крепости мы никогда не узнаем, т.к. приведенным нами ранее летописным фрагментом исчерпывается вся информация о Почепской крепости. Но, несмотря на это, благодаря исследованиям выдающегося отечественного специалиста в области истории военного дела и фортификации А.И. Кирпичникова, устано-

вившего, что, несмотря на то, что укрепления русских крепостей бастионного типа XVI в. на протяжении XVI-XVII вв. неоднократно перестраивались, однако их перестройка не искажала существовавших ранее контуров валов и рвов. Вследствие этого отдельные планы российских городов XVIII в. позволяют судить об их первоначальных укреплениях [24].

Расположение крепости сохранилось на плане города Почепа 1746 г., составленном инженер-прапорщиком Симоном Лаптевым [25]. На этом чертеже напольный фронт образуют 4 расположенных на 60-130 м друг от друга прямоугольных в плане бастиона (возможно, первоначально бастионов было 6, что соответствовало числу существовавших в 1654 г. башен - Г.П.). Два из них снабжены воротами. За линию куртин они выступают на 20-36 м. Бастионы, судя по их очертаниям, несомненно, первоначальным, соединены куртинами и имеют перед собой ров. По данным 1664 г. «в том рву вода стоит летнею порою», на земляных выступах размещались башни [26], которые оставляли место для дополнительной защиты по краю своего земляного основания. Перед нами, следовательно, узел обороны, обеспечивающий многоярусную огневую защиту и сочетавший в себе выдвинутые в напольную сторону деревянные и земляные преграды.

Судя по конфигурации укреплений почепской крепости, она относится к староитальянской бастионной системе фортификации, выработанной в Италии в середине 20-х гг. XVI в. и с удивительной быстротой распространившейся в странах Западной Европы. Повышенное внимание к обороне углов крепости, ее башен способствовало применению и распространению бастионов, что позволило к невыгоде нападающих, во-первых, выдвинуть вперед узлы артиллерийской обороны и тем самым расширить зону боя вокруг крепости, во-вторых, пользуясь изломанными линиями фронта обороны, более эффективно, чем ранее вести заградительный огонь в нужных направлениях. Контр-штурмующая роль узлов артиллерийской обороны резко возросла, а сам бастион или больверк, прикрытый толстым сло-

ем дерна, было трудно поджечь, под него нельзя было подвести подкопы, его практически невозможно было сокрушить ядрами [27].

На первый взгляд может показаться, что, судя по плану, Почепский "град-землян" являлся традиционной для позднесредневековой Руси деревоземляной крепостью, которые продолжали строить и в эпоху господства огнестрельного оружия, только лишь дополненную бастионами. Но при строительстве земляного основания Почепской крепости была применена, кстати, лишь в третий раз в России (после земляного Китай-города в Москве в 1534 г. и крепости в Себеже в 1535 г.), невиданная ранее конструкция, выполненная из плетневых, заполненных грунтом стенок. С наружной и внутренней стороны это устройство, служившее платформой для деревянной надстройки, в противопожарных целях обмазывалось глиной и закрывалось дерном. Наименование построенных таким образом укреплений - китай-город - происходит от слова "китай", обозначавших в русских говорах плетеную, наполненную землей корзинку [28]. Появление укреплений из плетня объясняется их подкупающе простой и в то же время эффективной антипушечной конструкцией. Неприятельские ядра, проходя сквозь плетень, вязли в насыпной сердцевине, не разрушая преграды. Такие укрепления противостояли пушечному обстрелу не хуже, а иногда лучше каменных. Преимуществом плетневых сооружений была и скорость их постройки. В отличие от каменных, возводившихся порой несколько лет, рассматриваемые сооружались в течение одного строительного периода - от 3-х недель до 70 дней.

Первые плетнево-земляные укрепления староитальянского бастионного типа в России стали строить с 1534 г. под руководством опытных, преимущественно итальянских зодчих: возле рек, применительно к рельефу местности. Отечественные земляные конструкции дополнялись обычно традиционной деревянной срубной стеной с башнями. В такого рода крепостях подсыпанные землей бастионы являлись как бы цокольным эта-

жом увенчивавших их башен, а их брустверный фронт дополнялся, следовательно, 2-3 ярусами "высотного" пушечного огня.

Первое строительство земляных китай-городов в России (в Москве и Себеже на литовском рубеже) осуществлялось мастером городовым «Петроком (Петром) Малым Фрязиным архитектором" [29]. Не исключено, что и Почепская крепость возводилась в экстремальных условиях угрозы нового польско-литовского вторжения аврально военными и горожанами Почепа и «всеми людьми без выбора», под его непосредственным руководством [30].

Первые земляные города, созданные в 30-е гг. XVI в. просуществовали вплоть до середины XVIII в. Ремонты практически не изменили их плановой структуры, что говорит о таких фортификационных решениях, которые опередили свое время.

В заключении отметим, что план Почепа 1746 г. напоминает "черепаху", «голова и шея» которой вытянутые непосредственно вдоль берега р. Судость, вне сомнения, являются древнейшей частью Почепской крепости и представляют собой детинец и окольный город Почепа конца XV в., которые в 1535 г. были включены в оборонительную систему Почепского "града-земляна". Дальнейшие археологические исследования этой территории позволят в будущем открыть и прочесть новые неизвестные страницы древнейшего периода истории города Почепа.

Примечания

1. Литовская Метрика. Т.I. - Спб., 1910. - С. 48.
2. Пронштейн, А.П. Хронология / А.П. Пронштейн, В.Я. Кияшко. – М., 1981. – С. 111, табл. № 21.
3. Литовская Метрика. Т.I. - С.48.
4. Там же.
5. Там же.
6. Дружба и братство русского и украинского народов. Т.I. – Киев, 1982. – С. 100.

7. Русская историческая библиотека. Т.27. - Спб., 1907. Стб. 53.
8. Кром, М.М. Меж Русью и Литвой / М.М. Кром - М., 1995. - С. 58.
9. Археологическая карта России. Брянская область. - М., 1993. - С. 193-194.
10. Слюнченко, Ю.И. Старопочепское городище // Деснинские древности. – Брянск, 1995. - С. 111-112.
11. Там же. С. 111.
12. Архив ИА АН РАН. Ф.11895. №293. Лл. 362 об. 1904. №3.
13. Шинаков, Е.А. Археологические работы в Брянской области в 1988-1989 гг. (древнерусская эпоха) // Славяно-руськи старожитности Пивничного Левобережжя. - Чернигив, 1995. - С. 102.
14. Там же
15. Тихомиров, М.Н. "Список городов русских дальних и ближних" // Русское летописание. – М., 1979. – С. 88.
16. Янин, В.Л. К вопросу о дате составления обзора "А се имена градом всем Русскым, далним и ближним // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования в 1992-1993 гг. - С. 131.
17. Сборник русского Исторического общества. Т. 35.- СПб., I882. - С. 58.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 24. – Пгд., 1921. – С. 210.
19. Сборник Русского Исторического общества. Т. 35. – С. 430.
20. Акты, относящиеся к истории Западной России. - СПб., 1848. – Т. II. - С. 40.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 34. - М., 1978. Лл. 49 об. – 50.
22. Там же. Л. 50 об.
23. Там же. Л. 497.

24. Кирпичников, А.Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. - Л., 1979. - С. 474.
25. Центральный Государственный Архив Военно-Морского Флота. Ф.3. Оп. 25. №2480.
26. Акты юго-западной России. Т.Х. - СПб., 1878. - С. 835.
27. Кирпичников А.Н. Ук. соч. - С. 474.
28. Там же. С. 476.
29. Там же. С. 476, 495 прим. №39.
30. Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуция, датировка. - М., 1983. - С. 38.

Л.А. Астахова,
краевед, г. Сельцо

Сельцо
(Исторический очерк)

1. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ПРИРОДА И ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ.

«Словно пики
Ввысь уходят елки.
Сосны стали боевым кольцом.
Мы росли в большом
Лесном поселке
С древнерусским именем
С Е Л Ь Ц О».

Л.А. Астахова

Сельцо – самый молодой и самый близкий «сосед» Брянска, расположенный в 20 км северо-западнее от него, в мес-

те падения реки Сенны в реку Десну. Граничит с запада и севера с Брянским лесхозом, с юга и востока с Брянским районом. Город Сельцо имеет прямое сообщение желелезнодорожным транспортом с городами Смоленск, Санкт-Петербург, Анапа, Калининград.

Сообщение с областным центром осуществляется железнодорожным и автобусным транспортом.

Город расположен в пределах умеренно-континентального климата. Средняя температура самого холодного месяца (января) составляет -8,8°С, самого теплого (июля) +18°С, среднегодовая +4,7°С. Зимой и осенью преобладают юго-западные ветры, весной и летом ветры восточных направлений. Годовое количество осадков составляет в среднем 610 мм.

Необыкновенно красива природа, прилегающих к городу Сельцо окрестностей: хвойно-широколиственные леса, живописные берега озер и рек, пойменные и суходольные луга. Да и сам город буквально утопает в зелени: с запада и севера к нему подступают леса, а с юга и востока заливные придеснянские луга. Территория города имеет общий уклон к югу, куда и направлены притоки Десны - река Сенна, Кочевига, Серижа.

Главная река Брянской области Десна - несет свои воды к югу от Сельцо. К сожалению, со временем она потеряла свое значение, как транспортное средство, но активно используется местным населением для отдыха: рыбной ловли, купания, водного туризма. В реках водится лещ, плотва, чехонь, голавль, щука, сом, окунь.

В окрестностях города Сельцо расположены живописные озера: провальные - Игнатово озеро, пойменные – Кривое, Саловское; созданные руками людей - Вокзальное, Карьерное, Кочевижское. Территория Сельцо чрезвычайно богата питьевыми минеральными источниками. Далеко за пределами: Брянской области известна минеральная вода «Сельцовский родник». Эта вода добывается из Ряжского водоносного горизонта, который формировался в эпоху Палеозоя примерно 400 лет назад. Боль-

шая глубина залегания - 520 м, благоприятное геологическое строение, равнинный ландшафт, отсутствие литосферных сдвигов, приводящих к возникновению трещин и разломов, наличие нескольких мощных слоев водоупорных глин, которые препятствуют проникновению современных загрязнении - все это факторы сохраняют первозданную чистоту воды. Жители города могут гордиться тем, что употребляют в пищу чистую артезианскую (а не очищенную речную) воду.

Почвы преобладают дерново-подзолистые и пойменные дерновые (в пойме Десны и ее притоков). Они имеют небольшой запас гумуса, повышенную кислотность, поэтому нуждаются в известковании, внесении удобрений. Местные жители используют почвы для выращивания картофеля, овощей, ягодных культур, фруктовых деревьев.

Лесные угодья составляют 1101 га, заселенность территории составляет 45%. Основными лесообразующими древесными породами являются: ель, сосна, береза, осина, ольха, дуб. Кустарниковый ярус представлен малиной, крушиной, бересклетом, рябиной, дроком. В травянистом покрове встречаются майник, кислица, седмичники, брусника, черника, земляника, сныть, зеленчук, лапчатка, зеленые мхи. На верховных болотах растут - багульник, осока, торфяной мох-сфагнум, вереск.

Пойменные луга Десны и ее притоков очень красочны в летнюю пору. В состав луговой растительности входят различные виды колокольчиков, подмаренников, нивяник, изоваль, тимьян, лапчатка, погремок, одуванчик, клевер и. др. Большую ценность представляют эти луга с точки зрения использования их под сенокосы и пастбища. Близь города на лугах, в лесах, в водоемах можно встретить и редкие виды растений, занесенные в «Красную книгу» Брянской области: любка двулистная, кувшинка белая, ирис (касатник). К сожалению, численность вида выше перечисленных охраняемых растений продолжает сокращаться, главным образом из-за нарушений человеком естественных местообитаний.

Сто лет назад территория нынешнего города Сельцо была сплошь покрыта дремучим лесом с труднодоступными дебрями, топкими болотами. Леса и болота изобиловали дикими зверями и дичью. В озерах и поймах рек в изобилии водилась рыба, стаями плавали дикие гуси, утки. На берегах рек, заваленных деревьями, хлопотливо копошились бобры.

В настоящее время многие из диких животных вывелись совсем, а некоторые встречаются редко. Причина тому вырубка леса на больших площадях, осушение болот, активное освоение человеком прилегающих к Сельцо естественных ландшафтов. Редко встречается дикий кабан, косуля, лось, речной бобр, барсук, волк, лисица, заяц-русак, белка.

Акклиматизированы и прекрасно себя чувствует в местных водоемах жительница Северной Америки водяная крыса – ондатра. Птицы представлены видами, типичными для Брянщины. Распространены представители отряда воробьиных: трясогузка, белая ворона, грач., галка, сорока, синица большая, зяблик, дрозд. Большинство птиц обитает в лесу – вальдшнепы, тетерева, рябчики, очень редко, глухари. На озерах, старицах, заливных лугах гнездится кряква, чирок.

Из минерально-сырьевых ресурсов на территории города имеются глина, песок, есть залежи торфяников.

Экономическое и социальное развитие города, расширение его границ ведет к обострению экологической обстановки. Сократилась площадь леса и лугов, сокращаются пастбища для скота. Жилые массивы выросли на местах, где был сосновый лес, луга, клюквенные болота.

Канализационные воды отравили рыбу в речке Сенне. Асфальтный завод и склад минеральных удобрений ухудшают экологическое состояние в городе.

Под угрозой лес на западной окраине города. Не украшают город и мусорные свалки.

Сегодня все жители города должны объединить свои усилия для решения возникших экологических проблем и превращения нашего любимого города в зеленый оазис.

11. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ГОРОДА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

С е л ь ц о! *Этим нежным словом названо много населенных пунктов.* Только в нашем крае их четыре: деревня Сельцо на Десне, деревня Сельцо-Рудное, деревня Сельцо на Ветьме, город Сельцо разместился наш город не на черноземах, как те деревни, а на песках и болотах. И биография его намного короче, чем у деревень с таким названием. Своим возникновением Сельцо обязано строительству железной дороги Орел-Рига.

Отправными точками роста Сельцо стали следующие события:

►Лесоразработки и строительство железной дороги Орел-Рига (60-70 годы XX века).

► Массовый приток населения из деревень в период коллективизации - 1929-1933 гг.

►Строительство большого завода оборонной промышленности в лесу близ Сельцо - 1935-1939 г.г.

►Промышленное развитие в послевоенные годы. Завод №121 превращается в гигантское предприятие отечественной промышленности (60-70 годы XX века).

►Превращение рабочего поселка в город областного подчинения - август 1990 год.

►Электрификация железной дороги Брянск-Жуковка. Строительство шоссейной дороги Сельцо-Бежица. Развитие автомобильного транспорта.

В середине XIX века на территории Сельцо сплошным массивом стоял заболоченный лес. Со всех сторон небольшую возвышенность окружали полосы болот: Кочевижное, Сорочье, Волково, Ширяевское. Дорога от Десны к лесным деревням Дорожово. Домашово состояла из сплошных гатей и настилов.

Лес на территории Сельцо принадлежал Хотылевской церкви и помещице Саловой, которые находились на правом берегу Десны. Лес был полон зверей, в том числе и волков. На болотных озерах гнездились водоплавающие птицы.

В 60-е годы на территории Сельцо начались лесоразработки. Купцы - промышленники скупали лес, вырубали его, строили лесопильные заводы, на которых производили доски, брусья, шпалы.

На заливных лугах в пойме Сенны и Кочевиги возводилась земляная насыпь. Началось строительство железной дороги Орел-Рига. По этой железной дороге предполагалось вывозить зерно из черноземных губерний России за границу через портовые города Балтийского моря.

В 1873 году в нижнем течении реки Болвы был основан рельсопрокатный завод, который стал градообразующим предприятием города Бежицы. Первоначально это был рабочий поселок Губонино. А железнодорожная станция в Бежице называлась Болва.

В строительство Риго-Орловской железной дороги и рельсо-прокатного завода вложили свои средства члены акционерного общества: инженер-промышленник Тенишев Вячеслав Николаевич, купец первой гильдии Губонин Петр Ионович и инженер Голубев Виктор Федорович.

В 1868 году от Бежицы до Дубровки прошел первый поезд. Поселка Сельпо еще не было. На его территории близ железной дороги образовались склады дров, досок, брусьев. Здесь работали крестьяне-поденьщики. Жили они в деревнях за Десной.

Первые жилые дома в Сельцо стали появляться в конце 70-х годов XIX века. Это были доходные дома помещицы Саловой А.А. Всего таких домов было 7. Все эти дома арендовали купцы-промышленники. Самый первый дом на территории Сельцо был построен в 1877 году. В этом доме разместилась семья управляющего имением помещицы Саловой, усадьба которой находилась на правом берегу Десны. Долгие годы управляющим в имении Саловой А.А. был Данила Григорьевич Казачинский. Под его руководством были заложены: фруктовый сад, оранжерея и огороды для выращивания овощей в районе современной агробазы.

В 1876 году был построен вокзал «Сельцо-Городцы». Для сбора мягкой кочевижной воды была построена на Кочевиге плотина и образовалось озеро. Рядом с вокзалом поднялась водонапорная башня. На станции Сельцо были построены четыре линии железной дороги. Здесь останавливались все поезда, чтобы налить в тендеры паровозов воды, которая не давала накипи и известковых отложений на котлах.

В конце 70-х годов на средства купца Губонина П. И. в Сельцо были построены четыре барака. Комнаты в бараках были большие. Жили в них лесорубы, подрядчики, бригадиры и начинающие купцы-промышленники. Эти бараки просуществовали до 1943 года.

В годы Советской власти в больших комнатах этих бараков были размещены поселковый кинотеатр, библиотека, школа и другие учреждения.

Первыми промышленными предприятиями в Сельцо были лесопильные заводы: Кучкина, Дрейщева, Китаева. Самым крупным предприятием был лесопильный завод купца Дрейщева. Этот завод просуществовал около 30 лет. Находился завод в районе торгового центра «Старый рынок».

С 1986 по 1914 год в Сельцо действовал небольшой металлургический завод.

На этом заводе была литейная мастерская и кузница. Завод назывался «Губонинский». Находился он на территории современного деревообрабатывающего комбината. В начале XX века и до 1917 года в Сельцо действовали две ветряные и одна паровая мельницы, лесопильные заводы (их количество доходило до 10), мыловаренные заводы. На северной стороне поселка купец Авилов открыл большую лавку и трактир, постоялый двор и паровую мельницу. Самая большая мельница была у купца Акимова. Она находилась рядом с домом управляющего имением помещицы Саловой. О сельцовских мельницах знали далеко за пределами поселка. Сюда везли молоть зерно крестьяне из многих лесных деревень от Глаженки до Умыслиц. Поль-

зовались услугами Сельцовских мельниц и крестьяне задеснянских деревень.

Лесопильные заводы, мельницы, мыловарни, первые торговые лавки принадлежали богатым купцам: Акимову, Авилову, Дрейщеву, Китаеву, Боголюбскому, Кухтикову, Четверикову, Соколову, Васюкову. Жили купцы в больших добротных домах. После Великой октябрьской революции эти дома были конфискованы. В них разместились поселковый Совет, почта, школа, больница, молокозавод (сепараторный), библиотека, ветеринарный пункт, лесничество, хлебопекарня, магазины.

В густом сосновом лесу, на южной стороне, профессор Петербургского университета Оскар Грейлих построил особняк-дачу, в которой поселилась его больная дочь Наталия. Наталья Оскариевна Грейлих была первой учительницей в Сельцовской школе, которая открылась в доме купца Васюкова в 1902 году. На этом месте, где сейчас начинается улица имени Ленина, по правую сторону за зданием церкви богатый купец Мудров открыл первую в Сельцо столовую.

Называлась она «Харчевня Мудрова». Рядом с «Харчевней» были созданы огороды, где выращивались овощи, там же находился скотный двор. Услугами «Харчевни» пользовались крестьяне, приходившие на заработки в Сельцо, люди, сопровождающие обозы по большаку на Дорожово, временные рабочие.

Первые улицы в Сельцо сформировались в 20-е годы XX века. Дома первых постоянных поселенцев строились беспорядочно вдоль дороги. Двенадцать домов, построенных вдоль большака, за трактиром Авилова долго называли «Богачевка».

Все жители Сельцо занимались сельским хозяйством, имели скот, обширные огороды и полосы для зерновых культур. Кроме того, каждый дом представлял собой лавку промышленных изделий. В этой торговле была строгая специализация. Федины торговали нитками, иголками, наперстками. Ружицкие имели лавку скобяных изделий. Степановы торговали керамической и стеклянной посудой. Кухтиковы торговали ситцем, платками. У купца Авилова можно было купить лошадь, сбрую, те-

легу, колеса. Только один двор имел право торговать спиртными напитками. Это был дом Шаховских. Их винная лавка называлась монополия.

Самым красивым ухоженным местом в Сельцо на рубеже XIX и XX веков была железнодорожная станция. Здесь были посажены декоративные кустарники (шиповник, акация, боярышник), около вокзала заложен обширный розарий. Была попытка создать аллею в честь детей, родившихся в Сельцо. В помещении вокзала находился церковный пункт, где крестили детей и проводили воскресные службы.

В 1908 году в доме для железнодорожных служащих, в семье помощника начальника вокзала Лягина А. И. родился сын Виктор, будущий герой Советского Союза. В честь его рождения были посажены две липы, которые простояли 83 года. Привокзальный перрон был местом свиданий и прогулок сельцовской молодежи.

Для предупреждения беспорядков и правонарушений в 1905 году в Сельцо был учрежден жандармский пост. Жандарм с семьей проживал в одном из домов купца Дрейшева.

Октябрьская революция в Брянске победила сравнительно легко. Брянский Совет взял власть в свои руки без вооруженного восстания. Попытка эсеров поднять мятеж в войсках провалилась. В ноябре 1917 года в Сельцо был создан Совет рабочих. депутатов. Первым председателем Совета был Шацкий Василий Васильевич.

В 1918 году был создан комитет бедноты. Его председателем был избран Хабаров Захар Тихонович. В первую ячейку Российской социал-демократической партии большевиков входили:

Сергутин Николай – секретарь
Шукин Василий
Верхутин Григорий
Посохин Николай

В 1918 году образовалась комсомольская организация. В нее входили:

Сачко Петр
Рывдик Татьяна
Соколов Леонид
Сладковская Надежда
Бельский Александр
Везмитин Василий
Дворянкин Иван
Корольков Владимир
Сергутин Илья
Сергутин Владимир
Самошкин Михаил
Лягина Анна

Комсомольцы проводили работу среди молодежи окрестных деревень по мобилизации на Южный фронт, который находился в районе города Орла. На станции Сельцо несколько дней стоял бронепоезд, командиром которого был красноармеец Александров А.И. Здесь формировался эшелон с добровольцами. Провожали на фронт ребят добровольцев и бронепоезд все жители Сельцо ближайших деревень.

В годы новой экономической политики в Сельцо развернули торговлю бывшие купцы-промышленники: Ширяев, братья Боголюбские, Васюков, Четвериков. Универсальная лавка Боголюбских находилась в начале современной улицы Чкалова. Васюков купил монопольное право на торговлю вином. Ширяев завладел огромной полосой богатых лугов, которые сдавал в аренду. На южной окраине поселка рядом с домом-особняком он открыл универсальную лавку, в которой можно было купить шелковые ткани, обувь, посуду, парфюмерные изделия и даже книги.

В 1922-1924 годах в окрестностях Сельцо бушевали пожары. Сгорела мельница Дрейщева и лесопильный завод Китаева, лавка Четверикова и «монополия» Васюкова.

В 1924 году в Сельцо было построено первое здание школы. В нем разместилась начальная школа. В 1927 году все купеческие предприятия были конфискованы. В большом доме

Васюкова разместилась семилетняя школа. Находилась эта школа там, где сейчас размещается суд. В доме Четверикова разместился ветеринарный пункт; оранжерея и сад Ширяева были преобразованы в агробазу. В 1929 году был заложен лесопильный завод и Утилькомбинат (территория современного Дока). В домах купца Авилова разместилась пекарня и сепараторный завод.

Поселок Сельцо с этого времени стал быстро расти. Из деревень сюда стали переселяться крестьяне, недовольные сплошной коллективизацией. Здесь можно было построить дом и найти работу на предприятиях Сельцо или Бежицы. В это время был введен пригородный поезд от Сельцо до Бежицы. В 30-е годы пригородные поезда стали ходить от Жуковки до Брянска.

К началу 30-х годов в поселке Сельцо были сформированы улицы. Самая первая улица была Сельцовская. Сейчас это улица имени Кирова. Самая большая была улица Советская. Небольшие улицы на Северной стороне поселка назывались: имени Сталина, имени Демьяна Бедного, имени Третьего Интернационала, Лесная. На Южной стороне были небольшие улицы имени Ленина, Красноармейская, Пролетарская. В 30-е годы выросли улицы Брянская, Октябрьская, Киевская, Московская. Это были короткие улицы, разместившиеся в микрорайоне под названием: «Сеновая». В 1925 году было основано Сельцовское кладбище (до этого года всех покойников хоронили в Хотылеве). Оно находилось в глухом лесу на северной стороне. Сейчас это место заняли жилые дома переулка имени Свердлова, почта, семейное общежитие и баня.

В 1935 году в лесу, в двух километрах от Сельцо был заложен большой завод оборонного значения. Строительство этого завода сопровождалось бурным ростом населения Сельцо. Для размещения квалифицированных рабочих, инженерно- технических работников и служащих создавались целые микрорайоны жилых домов. Назывались эти микрорайоны так:

«Первый участок»

«Второй участок»
«Городок ИТР»
«Промплощадка»
«Соц-городок».

В 1938 году было построено кирпичное типовое здание средней школы. Сейчас это школа №3. Но детей в Сельцо было так много, что по-прежнему школы размещались в деревянных приспособленных зданиях. На южной стороне на месте улицы Кочевига в 1939 году была открыта новая семилетняя школа в типовом деревянном здании.

Первые учителя Сельцовской школы:

Александра Ивановна Протасова
Матрена Олимпиевна Быстрова
Иван Макарович Морозов
Анна Алексеевна Боголюбская
Андрей Андреевич Боголюбский
Варвара Моисеевна Гарусина
Александра Ивановна Маркина

Директором семилетней школы был Тимофей Тимофеевич Бутов. В здание новой средней школы в 1939 году прибыли новые учителя с высшим образованием:

Буянов Илья Николаевич
Космодемьянский Анатолий Сергеевич
Лаврова Анна Алексеевна
Козинец Владимир Владимирович
Кочетов Иван Евсеевич
Шейкман Роза Михайловна

Директором средней школы был Кочетов И.Е.

В годы первой и второй пятилеток велось большое культурное строительство. На «Первом участке « был построен клуб с кинозалом. Рядом был оборудован стадион с местами для зрителей. Постоянно работала кинопередвижка в одном из губонинских бараков. На промплощадке строилось кирпичное здание для клуба. На северной стороне в лесу возводились три больших четырехэтажных дома. Одновременно закладывался

фундамент четвертого дома и здание хлебозавода. Здесь же было построено здание детского садика.

В 1939 году был сдан в эксплуатацию завод №113. Это был снаряжательный завод. Он выпускал артиллерийские снаряды. На строительстве и в основных цехах завода работали свыше тысячи человек. А население поселка Сельцо в 1940 году превысило восемь тысяч человек. В 1938 году поселку Сельцо официально было присвоено название рабочий поселок Сельцо. До 1938 года Сельцо именовалось так: «Станция Сельцо Орловской области Брянского района».

В годы третьей пятилетки Сельцо приобрело вид современного промышленного поселка. Окрестности Сельцо представляли собой строительные площадки. Строительство велось на многих участках. В лесу в двух километрах от завода строились капитальные складские помещения для боеприпасов. Этот район строительства условно назывался буквой «Г». По лесным дебрям и болотам к строящимся складам прокладывались шоссейная и железная дорога. От станции Сельцо до завода №113 была проложена железнодорожная ветка протяженностью три километра. В поселке шло большое строительство индивидуальных домов. На улицах началась прокладка сетей электрификации и радиофикации домов.

Мирный труд жителей поселка Сельцо был прерван нападением гитлеровской Германии 22 июня 1941 года. На второй день войны в армию были мобилизованы все мужчины с 1905 по 1920 год рождения. все трудоспособные женщины и подростки были направлены на строительство противотанковых рвов. Через неделю над поселком появились немецкие самолеты. Они летели бомбить станцию Брянск 1, Брянск 2, железнодорожные мосты и эшелоны с красноармейцами и боевой техникой. Несколько раз бомбили станцию Сельцо.

Все работники железнодорожной станции были переведены на казарменное положение. Они должны были в предельно сжатые сроки восстанавливать поврежденные пути, тушить пожары и не допускать скопления поездов на станции. А поезда

шли каждые 10 минут в сторону фронта с войсками и с эвакуированными предприятиями на восток.

В августе началась эвакуация завода №113.16 августа 1941 года часть оборудования и рабочие со своими семьями были эвакуированы в город Копейск на завод №114. Последний эшелон с оборудованием и рабочими ушел со станции Сельцо 10 сентября 1941 года. Этот эшелон был уничтожен в результате бомбардировки. При подходе врага на территорию района часть зданий мастерских на заводе №113 были взорваны. Эшелон с боеприпасами на заводской ветке был подожжен и взорван. Жилые дома на промплощадке и Соц-городке были сожжены.

В Сельцо немецкие оккупанты появились 13 октября 1941 года. Это была разведка. В последующие дни они появлялись регулярно, а на ночь уезжали. Постоянно обосновались оккупанты в Сельцо в январе 1942 года. В поселке создавался так называемый «новый порядок». Было создано волостное управление и полиция. Был объявлен приказ о сдаче оружия.

Арестованы и расстреляны еврейские семьи Ковалевых и Минькиных. В результате предательства были расстреляны люди, получившие задание создать антифашистскую организацию в Сельцо. Среди них начальник станции Сельцо Гурьянов, завуч Сельцовской средней школы Лаврова, активная общественница Верхутина Мария.

Уютный поселковый парк культуры и отдыха был превращен в кладбище замученных патриотов. Здесь была расстреляна ученица седьмого класса Сельцовской средней школы Васюкова Варвара. Врач-партизан Невдубский Николай Моисеевич и его мать Татьяна Ильинична были убиты здесь одной автоматной очередью. Девять рабочих, убитых на железной дороге на перегоне Сельцо-Чернетово, покоятся здесь в братской могиле. В парке похоронены летчики, погибшие в воздушном бою в 1943 году и танкисты, погибшие в боях у деревни Летошники в 1941 году. Скульптуры, игровые павильоны, танцплощадку, открытую эстрадную площадку оккупанты разгромили при помо-

щи минометов. Опасаясь нападения партизан, оккупанты объявили северную часть поселка мертвой зоной.

Все население было переселено в южную часть. Дома сожжены. На железной дороге выставлены круглосуточные патрули. На расстоянии один километр друг от друга были сооружены укрепленные казармы, где круглосуточно несли сторожевую службу отряды немецких солдат. Между станцией Сельцо и станцией Чернетово таких укрепленных блок-постов было шесть. Мощные укрепления были сооружены у железнодорожного моста через реку Сенну. Круглосуточно охранялся мост через Десну. Первый удар народных мстителей был нанесен по предателям Родины. Небольшой отряд партизан отряда имени Виноградова под командованием Дурнева Василиия на санях вошел в поселок днем. Партизаны заняли боевую позицию и по сигналу атаковали одновременно здание полиции и дом, в которых жили полицейские. В результате этой операции все полицейские были уничтожены. Три раза партизаны взрывали железнодорожный мост на Сенне. Темной ночью взорвали лесопильный завод, которой выпускал доски и брусья для нужд немецкого фронта.

На перегоне Сельцо-Чернетово в результате взрыва железной дороги сошел с рельсов немецкий бронепоезд. 7 ноября 1942 года на перегоне Сельцо-Хотылево (в черте современного города) юный партизан Анатолий Коршунов взорвал железную дорогу. Немецкий эшелон, отправившийся со станции Сельцо, не дошел до фронта. Выполняя это задание, Анатолий Коршунов погиб.

Несмотря на строжайшую изоляцию жителей Сельцо от внешнего мира, связь с партизанами не прерывалась. На заборах и домах, где жили оккупанты, появлялись партизанские листовки.

Год и одиннадцать месяцев продолжалась оккупация. 16 сентября части немецких войск и гестапо ушли из Сельцо. Немецкая армия отступала. 17 сентября в Сельцо пришли солдаты СС. Население пряталось в лесу между Сельцо и Коммунаром.

Они слышали взрывы гранат, видели пламя пожаров. Поселок был сожжен. На Московской улице уцелели четыре дома. Отступая, гитлеровцы взорвали мост через Десну (их тогда было два).

Освобожден был поселок 18 сентября 1943 года. В этот день в сгоревший поселок вошел эскадрон кавалерийского корпуса генерала Крюкова. Командовал эскадроном майор Григорьев Василий Павлович. Из леса на пожарища вышли не более двухсот человек. Они разместились в подвалах 3-х домов на соц-городке, в уцелевших погребах и в шалашах. Многие ушли в деревни к родственникам.

23 сентября 1943 года в Сельцо с правительственным заданием прибыла группа ответственных работников из Москвы. В группу входили следующие товарищи: Мейпариани Вано Васильевич, Изотов Григорий Нилович, Карцев Валентин Михайлович. Им было дано задание организовать восстановление завода №113, в кратчайший срок наладить выпуск боеприпасов для фронта. Задание казалось абсолютно не выполнимым. Но это было время, когда все люди работали и жили под лозунгом «Все для фронта, все для победы».

Женщины и подростки, мобилизованные из районов Орловской области, составили основную массу рабочего коллектива завода. Все уцелевшие жители Сельцо и молодежь окрестных деревень пришли на завод добровольцами.

Мастерские снаряжательных цехов оборудовали в уцелевших зданиях складов. Тепловую энергию дали два старых паровоза. Тракторные двигатели дали электрический ток.

Самым трудным и самым сложным был вопрос обеспечения людей жильем, хотя бы землянкой или местом в подвале. Ведь по мобилизации на завод прибыли около тысячи человек и еще батальон военнослужащих для охраны завода, и еще батальон гвардейцев для выполнения тяжелых разгрузочно-погрузочных работ. Для размещения основной массы рабочих и батальона гвардейцев были приспособлены складские помещения микрорайона «Г». Огромные кирпичные здания без чер-

дачных перекрытий, без окон, с узкоколейной железной дорогой посредине, перегородили досками, создав, таким образом, комнаты-залы, в которых размещалось по 30-40 человек. Отопление - печное. В небольших комнатах были поставлены чугунные буржуйки, в больших - железные бочки. А еще нужна была баня и столовая. Первые продовольственные карточки рабочие завода получили в январе 1942 года. Хлебная карточка рабочего - это 700 граммов хлеба в день. Продовольственная карточка - скудный обед в столовой. Хлеб военных лет - это суррогат из небольшого количества муки и большого количества заменителей некалорийных, иногда несъедобных. Пекли этот хлеб в больших формах, смазанных олифой или другими смазочными материалами типа пушечного сала. Этим несъедобным запахом пропитывался хлеб насквозь. На тяжелых рабочих точках, таких как погрузка ящиков с боеприпасами в вагоны, в «горячей» мастерской, где плавился и разливался тротил, выдавались хлебные карточки по одному килограмму в день. Гвардейцам, если они не выполняли норму, выдавали в день 200 граммов хлеба.

Первую боевую продукцию завод (теперь он назывался №121 или п\я №5) дал в феврале 1944 года .В ночь на 23 февраля в цехе №1 была собрана первая авиационная бомба АО-25. В марте цех выпускал за смену 1000 бомб АО-25 и АФ-35. Технология производства этих изделий была несложной. Выпуская их, рабочие как бы тренировались, готовя себя к более сложным работам по производству реактивных мин для минометов безствольной артиллерии. Такие установки воины Советской армии называли «Катюшами». В апреле 1944 года цех №3 стал выпускать реактивные мины М-8. В мае производство тяжелых мин М-13 и М-31 было освоено в цехе №1.

В октябре 1944 года по итогам социалистического соревнования коллектив завода занял второе место среди заводов такого профиля.

Восстановление завода имело большое значение для дальнейшей судьбы поселка Сельцо: будет ли Сельцо промышленным центром или останется захолустным местечком.

Хронология событий

60-е годы XX века	Лесоразработки, сооружение земляной насыпи на заливном лугу восточнее Сельцо, строительство моста на реке сене.
1865 – 867 г.г.	Строительство моста на р. Кочевига, прокладка железнодорожных путей.
1868 г.	По железной дороге от Бежицы до Дубровки прошел первый поезд.
70-е годы XIX века	Создание «Городцов» - огороженных складов шпал, досок, брусьев, дров у железной дороги.
1876 г.	Построен вокзал с надписью «Городцы - Сельцо».
1877 г.	Построен первый жилой дом. В нем разместилась семья управляющего имением помещицы Саловой.
1877 г.	Год основания поселка Сельцо.
80-е годы X1X века	Возникновение купеческих предприятий (лесопильных, мыловаренных заводов, мельниц).
1885 г.	Построены бараки для купцов-подрядчиков «Губонинские бараки».
1887 г.	Построены семь доходных домов (Саловские дома).
1889 г.	Создано лесничество. Организовано лесовосстановительное хозяйство.
90-е годы X1X века	Созданы мельницы ветряные и паровая.
1900 г.	Созданы мыловаренные заводы.
	Открыта школа в доме купца Всюко-

1902 г.	ва. Первая учительница Наталья Оскариевна Грейлих.
1905 г.	Учрежден жандармский пост.
1908 г.	В семье помощника начальника вокзала А.И. Лягина родился сын Виктор – бузующий Герой Советского Союза.
1917 г.	Создан Совет депутатов «Совдеп».
1924 г.	От Сельцо до Брянска стал ходить один раз в сутки рабочий поезд (один вагон).
1929 г.	Введен пригородный поезд Жуковка-Брянск.
1929 -1933 г.г.	Приток населения из деревень. Создание улиц: Лесная, 111 Интернационала, Советская, Д. Бедного, им. Сталина, Пролетарская, Комсомольская.
1935 г.	Начало строительства завода №113. Созданы микрорайоны «Промплощадка», "Городок ИТР», "Первый участок», "Второй участок».
1936-1937 г.г.	Строительство заводской железной дороги. Создание улиц Брянская, Московская, Октябрьская, Киевская Болотная.
1938 г.	Открыта Сельцовская средняя школа в типовом кирпичном здании (ныне школа №3).
1939 г.	Пуск цехов завода №113. Завод выпускает артиллерийские снаряды. Строительство 4-х этажных домов «Соцгородка».
1941 г.	Завод эвакуируется в Нижний Тагил и Копейск.
Октябрь 1941 г.	Поселок оккупирован немецкими войсками.
Апрель 1942 г.	Северная сторона поселка сожжена немецкими оккупантами.

Сентябрь 1943 г.	Весь поселок Сельцо сожжен отступающими немецкими войсками.
Сентябрь 1943 г.	Начало восстановления завода. Новый номер завода 121 (п\я №5).
23 февраля 1944 г.	Первый цех завода выпустил первую авиационную бомбу АО-25.
Май 1944 г.	Завод №121 освоил выпуск реактивных мин для минометных установок М-8 («Катюша»).
Июнь 1944 г.	Завод №121 освоил выпуск реактивных мин «М-13» и «М-31».
945-1946 г.г.	Завод №121 освоил выпуск продукции для колхозов (зерносушилки) и для населения (мебель).
1946 г.	Построен клуб для рабочих завода Открыта школа рабочей молодежи.
1946-1949 г.г.	Восстановление 4-х этажных домов соцгорода.
1950 г.	Построено деревянное здание для средней школы (ныне здание администрации).
1950-е годы XX века	Создается микрорайон 2-х этажных домов (ул. Кирова, ул. Мейпариани, ул. Свердлова.
1953 г.	Построено здание школы на 360 мест (ныне школа №2).
1955 г.	Построены корпуса больничного городка. Открыта поликлиника и стационарный корпус на 310 мест.
1964 г.	Построено типовое здание для средней школы на 920 мест (школа №1). Построен спортивный зал.
1967 г.	Построен Дворец культуры.
70-е годы XX века	Создан микрорайон жилых домов по проезду им. Горького. Построен бассейн,

	спортивные площадки. По железной дороге стали ходить электропоезда.
80-е годы XX века	В больничном городке построены и введены в строй здания детского отделения, неврологического и гинекологического отделения.
6 августа 1990 г.	Поселок Сельцо преобразован в город областного подчинения.
1992 г.	В городе открыт приют для беспризорных детей.
2004 г.	Открыт Дом милосердия для пожилых людей.
2005 г.	Открыт новый корпус (4-х этажное здание) в больничном городке.

Именной указатель «Они были первыми»

Казачинский Данила Григорьевич	Управляющий имением помещицы Саловой.
Иевлев Семен Игнатович	Первый начальник вокзала на станции Сельцо.
Петров И.М.	Первый машинист водонапорной башни на станции Сельцо.
Китаев	Первый построил лесопильный завод, проработавший более 30 лет.
Авилов	Первый создал постоялый двор с конюшнями, банями и лавками.
Мудров	Первый открыл «Харчевня Мудрова».
Федин	Первый построил ветряную мельницу.
Дрейшев	Первый купец, доходы которого превысили сто тысяч, самый богатый человек в Сельцо в начале XX века.

Соколов	Первый обладатель винной монополии.
Мицкевич	Первый ученый лесовод, организовал воспроизводство леса на местах вырубленного леса.
Четвериков	Первый организовал мыловаренный завод.
Боголюбский А.Г.	Первый купец, аттестованный званием «Купец 11 гильдии».
Боголюбский Н.Г.	Первый аптекарь.
Васюков	Первый крестьяин, разбогатевший на лесоразработках и перешедший в сословие купцов.
Конопелькин	Первый почтальон в Сельцо. (Почта была в д. Дорожово).
Грейлих Н.О.	Первая учительница в Сельцо.
Протасова Зинаида Николаевна	Первая заведующая Сельцовской начальной школы.
Шацкий В.В.	Первый председатель Сельцовского Совета депутатов.
Хабаров З.Т.	Первый председатель Комбеда в Сельцо.
Сергутин Николай	Первый секретарь социал-демократической ячейки в Сельцо.
Сачко Петр	Первый секретарь комсомольской организации в Сельцо.
Бутов Т.Т.	Первый директор Сельцовской семилетней школы.
Кочетов И.Е.	Первый директор Сельцовской средней школы.
Чашин	Первый директор завода №113.
Мейпариани В.В.	Первый директор завода №121.

И.В. Злотникова,
старший научный сотрудник Брянского государственного объединенного краеведческого музея, соискатель НИИ теории и истории изобразительного искусства при Российской Академии наук

Святой Преподобномученик Александр Пересвет. Этапы формирования иконографии

Основным источником сведений об Александре Пересвете являются краткие и пространные редакции Задонщины, «Сказание о Мамаевом побоище», дошедшее до нас в восьми основных редакциях, сохранившихся более чем в 150 списках, из которых особенной торжественностью и назидательным смыслом отличаются девять лицевых списков «Сказания», а также «Житие Сергия Радонежского» в рукописных и лицевых списках.

«Задонщина» сохранлась в шести списках. В Краткой редакции "Задонщины" по Кирилло-Белозерскому списку (70-80 гг. XV в.) о Пересвете и Ослябе говорится: «Хоробрый Пересвет поскакиваеть на своемь вещемь сивце, свистом поля перегороди, а ркучи таково слово: «Лучше бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели нам от поганых положеным пасти». И рече Ослебя брату своему Пересвету: «Уже, брате, вижю раны на сердци твоимь тяжки. Уже твоеи главе пасти на сырую землю, на белую ковылу – моему чаду Иякову. Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубять, только часто ворони грають, зогзици кокують, на трупы падаючи».

В более поздних списках, например, Ундольском (XVII в.) к образу Пересвета прибавляются новые подробности: «Пересвета чернеца бряньского боярина на суженое место привели. И рече Пересвет чернец великому князю Дмитрию Ивановичи: «Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых

татар». Тако бо Пересвет поскакивает на своем добром коне, а злаченым доспехом посвельчивает».

В распространенной и последующих редакциях «Сказаний о Мамаевом побоище», говорится, что, назначив день сбора войска в Коломне, Дмитрий Иванович отправился к Троице, где прослушал литургию, вкусил монастырской трапезы, получил благословение Сергия и испросил у него двух иноков, Пересвета и Ослебю, «которых ранее знал как опытных военачальников и богатырей». Вызвав иноков, Преподобный «повелел им вместо золоченых шлемов возлагать на себя схиму с нашитым крестом».

В самых ранних источниках Пересвет предстает как знатный воин, «поскакивающий» на резвом коне и поблескивающий доспехами, затем он упоминается, как инок, и в наиболее полной редакции «Сказаний» перед нами предстает схимонах Александр Пересвет, бывший брянский боярин, посланный на битву молитвенником за землю Русскую Преподобным Сергием Радонежским в войско князя Дмитрия Ивановича Московского, сразившийся с татарским богатырем Челубеем и павшим на поле боя от копья противника.

Соответственно текстам образ Пересвета прочно вошел в миниатюры лицевых списков, где поединок Пересвета и Челубея занимает одно из главных мест.

Циклы миниатюр, иллюстрирующих Мамаево побоище, достаточно подробно исследованы и освещены в литературе. Хотелось бы только кратко остановиться на некоторых моментах изображения Александра Пересвета, так как именно в миниатюре следует искать корни иконографии святого инока.

В Лондонском списке XVII века (л. 38 об.) представлена схватка двух сил: физической мощи, подчеркнутой более крупными размерами ордынского богатыря, противопоставленной силе духа и самоотверженности Александра Пересвета.

В 4-х списках (Уваровский, л. 53, Р1, л. 45 об., П, л. 24 об, М, л. 21 об.) русский воин вонзает копье прямо в лицо противнику. [1]

В миниатюрах, помимо свободной мысли художника, также заметно влияние фольклорных мотивов. В некоторых лицевых списках (Ув, л. 67 об, Р1, л. 59, илл. 36, П, л. 32, М, л. 21 об.) у Пересвета вместо щита – книга, прообраз которой В.Д.Черный обнаружил в былине «Илья Муромец и Батай», где у богатыря Пересчета была книга, по которой он определял время битвы.

На миниатюре из Р1 (л. 60) изображены уже павшие богатыри. Помимо раскрытой книги, которую сжимает в левой руке Пересвет, обращает на себя внимание воинское, а не монашеское облачение Пересвета: высокий заостренный шелом, крестообразная перевязь, доспехи и безбородое лицо. Копье Пересвета лежит поверх короткого меча мертвого Челубея, который продолжает сжимать в правой руке щит. На этой миниатюре Пересвет представлен согласно краткой редакции "Задонщины", как воин, а не монах. ***(См. цветная вклейка Ил.1)***

В Лицевом Своде Ивана Грозного Пересвету посвящена целая серия. Особенное внимание обращает на себя миниатюра, показывающая исход поединка (л. 89 об.) Тела обоих богатырей находятся в нижней части миниатюры, Темир-Мурза недвижим и глаза его сомкнуты. Пересвет, лежащий поверх татарского богатыря, жив, глаза открыты, а рука производит какой-то жест, направленный на противника (добивает?). На следующей миниатюре на л. 90 Пересвет, помещенный в нижнюю часть миниатюры, приподнимается на локте левой руки, правая его рука с именословным сложением перстов благословляет русское воинство. На третьей миниатюре с изображением начавшегося боя, Пересвет уже находит упокоение, глаза его закрыты, он лежит неподвижно поверх Темир-мурзы, правая его рука сохранила именословное сложение. Такое изложение событий является исключительно представлением самого миниатюриста, не подкрепленное текстом, зато указывающее на благословение Божие Русского воинства. ***(Ил.2-4***)[2]

В отдельных списках распространенных редакций факт покрова своими одеждами тела противника расценивается как

символ грядущей победы: «И ту не возмогша ни един от единаго востати от земли, но вкупе уморша, токмо Пересвет над поганым лежит и всего разразив его, и край мантии старьческой сверчь печенега покрыта бысть, а сам Пересвет цел есть, нигде язвы не приим. И от сего мнози уразумеша – верху великаго князя быти над татары, еже и последи бысть». [3]

Самыми важными элементами в изображении Пересвета становится его монашеское облачение (принадлежность к кругу Преподобного Сергия), копье, которым он сразил противника, и сам момент поединка.

Местное почитание Великого Князя Дмитрия Ивановича, как главного действующего лица Куликовской победы началось много ранее остальных героев сражения. Произошло это в середине XVII века. Почитание Святого Димитрия было зафиксировано в "Книге, глаголемой описание о Российских Святых", в лике Московских чудотворцев. [4] На некоторых миниатюрах Великий Князь Дмитрий Иванович иногда изображался с нимбом, указывающим на причисление его к сонму святых, как например, на миниатюре из Жития Сергия Радонежского XVI – XVII в. (РГБ, фонд 178, №8663, л. 246), а также на иконе «Явление Угрешской иконы святителя Николая Великому Князю Димитрию Донскому» (конец XVII века, находится в собрании ЦАК МДА) или на иконе «Сергий Радонежский с житием» 1680-х гг. из Ярославля.

Появление образа Александра Пересвета в иконописи произошло значительно позже, поскольку Пересвет не был канонизирован Православной церковью, следовательно, не нуждался в разработке своей особой иконографии и мог присутствовать на иконе только в качестве одного из многих участников Куликовской битвы. Так как Дмитрий Донской не был канонизирован, то его облик в иконописи и миниатюре трактовался весьма свободно. Образ Пересвета был всегда ограничен рамками иночества и поединка в связи с очень краткими биографическими сведениями.

Поскольку предание включило Александра Пересвета и Андрея Ослябю в число учеников преподобного Сергия Радонежского, то и на иконах Александр Пересвет впервые появился в житийной иконе Преподобного Сергия.

Иконография житийных икон Сергия Радонежского складывалась на протяжении XV века, наиболее ранняя из дошедших до нас икон относится к концу XV века, другие созданы в XVI в. Сюжеты клейм этих икон иллюстрируют «Житие Сергия» в редакции Пахомия Серба, являющимся одной из ранних переработок «Жития Сергия», принадлежавшей Епифанию. На иконах XV-XVI в. отсутствует изображение не только двух иноков – Пересвета и Осляби, но и Великого князя Дмитрия Ивановича и Куликовской битвы. В составе клейм иконописец всегда ориентировался на те эпизоды из жизни святого, которые характеризуют его, как образец смиренномудрия, самоотречения и нравственности.

После создания лицевого жития Сергия Радонежского в конце XVI века, усиливается тенденция историзма, которая привела к появлению в житийных иконах преподобного Сергия в XVII в. эпизодов, связанных с событиями 1380 г.

Примером может служить икона «Сергий Радонежский в житии» конца XVII в – начала XVIII вв. из собрания А. Липницкого. В клейме №20 изображена битва с Мамаем на Куликовом поле, вверху - преподобный Сергий молится в Троицком монастыре «о победе еже на Мамая», иллюстрирующее гл. 22 Жития Сергия Радонежского, составленного Симоном Азарьиным. ***(Ил.5-6)***

Самый ранний факт появления образа Александра Пересвета на житийных иконах Сергия Радонежского происходит в конце XVII века (около 1680-го года).

Именно с XVII в. сохранилось наибольшее число списков «Сказания о Мамаевом побоище» различных редакций. Одна из таких полных редакций была положена в основу чрезвычайно интересной иконы из коллекции Ярославского художественного музея - "Сергий Радонежский в житии", написанной в середине

XVII века. По обилию исторических сюжетов этот большой образ уникален. Во второй половине XVII века (в 1680-х гг.) к иконе добавили внизу большую горизонтальную доску 27х113 см, на которой написали многофигурную композицию на сюжет "Сказания о Мамаевом побоище". ***(Ил. 7-8)***

Плоскость приставной доски разделена на два неравных по ширине регистра. В верхнем, более широком, показано, как из разных городов Руси собираются в Москву ратные силы. Рядом с панорамой Москвы художник поместил изображение самой Куликовской битвы. Кульминационным событием этого действа он сделал сцену поединка инока Троице-Сергиева монастыря Пересвета с ордынским богатырем Темир-Мурзой. События, последовавшие после сражения, иконописец поместил в нижнем, узком регистре. Здесь показано возвращение русских воинов, погребение погибших, бегство и гибель Мамая в Кафе (Феодосии).

Композиционно эпизод поединка Перевета с Челубеем не выделен отдельно, что придает ему особый динамизм и драматизм. В центре лавины русской конницы, среди всадников в золотых доспехах, на белом коне, вставшем на дыбы над поверженными воинами, летит Пересвет. Он едва заметно склонил голову вперед и устремил спокойный и твердый взор на противника. Тонкое копие направлено на несущегося воина, туго натянувшего тетиву алого лука.

Пересвет предстает перед нами в виде смиренномудрого инока, в летах, с длинной окладистой бородой. Андрей Ослябя, верхняя часть фигуры которого написана несколько позади Пересвета, устремил взор поверх голов воинов противника, словно обозревая Мамаеву рать. Взор его также спокоен, но преисполнен некой грусти, а жест правой занесенной руки дублирует жест Александра Пересвета. Особый драматизм эпизоду поединка придают фигуры поверженных русских ратников ниже фигур иноков. Один воин протянул руку со щитом, то ли распростершись в предсмертной судороге, то ли в последнем движении закрывая иноков.

Цветовое решение эпизодов Куликовской битвы, как и весь колорит иконы, выдержанно в золотисто-алых тонах и усилено черными мантиями и алыми ризами под ними, первые вторят черному позему, темным водам реки, вторые символизируют цвет жертвенной крови, которую принесут иноки на поле Куликовом.

Время создания ярославской иконы – 80-е годы XVII в. - 300-летие победы на Куликовом поле. Всплески интереса к героям битвы волнообразны и совпадают с круглыми датами победы на поле Куликовом. Особенно ярким в этом плане является век XIX-й. Появляются новые жизнеописания преподобного Сергия, авторами которых были Митрополиты Московские Платон (Левшин), Филарет (Дроздов), архиепископ Филарет (Гумилевский), архиепископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский), Е.Е. Голубинский, в которых образ Александра Пересвета представлен более развернуто и живописно. Ему посвящаются живописные полотна и гравюры. Среди иллюстраций к новоизданным Житиям появляются гравированные иллюстрации художника М. Рашевского, выполненные в характерной для конца XIX века живописной реалистической манере. На одной из них святой старец поручает своих иноков Великому Князю: на несколько статичной композиции слева расположена княжеская свита во главе с Дмитрием Московским, справа, на фоне деревянных срубов Сергий Радонежский указывает левой рукой на двух коленопреклоненных схимников, опирающихся на мечи, позади Старца стоят монахи, держащие икону для благословения. ***(Ил.9)***

Сюжет Куликовской битвы был очень популярен в народном искусстве XVIII-XIX в. Интересную трактовку образа Пересвета представил художник - миниатюрист И.Г. Блинов. В 1894 г. он создал 9-й лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище», известный как список «П» (РГБ, собрание Прянишникова, №203), а во второй половине 1890-х гг. рисует настенный лист «Ополчение и поход Великого Князя Дмитрия Ивановича против Мамая» (ГИМ, 42904, И III 61105). Настенный лист

представляет собой синтез народного лубка и традиций древнерусской книжной миниатюры. ***(Ил.10)*** [5]

Композиционным центром листа, к которому с двух сторон устремлено движение русских и татарских войск, является поединок двух всадников: богатыря Пересвета и великана Челубея. Сцена единоборства выделена большим масштабом и помещена свободно. Скачущие навстречу всадники сблизились, осадили коней и изготовили свои копья для решающего удара. Тут же ниже оба богатыря изображены убитыми и лежащими на земле. Несмотря на тонкость и подробность изображения деталей, художник акцентирует внимание зрителей именно на фигуре Александра Пересвета, облаченного в темные монашеские ризы, а края мантии, словно крылья, развеваются за плечами русского богатыря. От фигуры Пересвета веет той спокойной уверенностью, которая придает силы в борьбе за правое дело. В образе Пересвета нашло яркое воплощение национальной идеи, воплотившейся в призыве: «За веру, царя и Отечество!». За землю Русскую, за обиду Великого князя Дмитрия Ивановича, инок, схимонах, благословленный великим молитвенником Сергием Радонежским, не задумываясь, отдает свою жизнь. Александр Пересвет предстает, как герой, в народном сознании сопоставимый с Мининым, Пожарским, Сусаниным, людьми, готовыми на самопожертвование во имя веры и Отечества.

В конце XIX века над могилами иноков Пересвета и Осляби в Старом Симонове монастыре сооружается надгробие и сень над ним. В это же время создаются стенные росписи над могилами иноков-воинов. ***(Ил. 11)*** Теперь, наряду с поединком, одним из излюбленных эпизодов становится благословение преподобным Сергием Радонежским Александра Пересвета и Андрея Ослябю в войско Великого Князя Дмитрия Московского. Особенно актуально это становится в годы празднования 500-летия со дня преставления святого преподобного Сергия Радонежского в 1892 году.

В середине XX века традиция изображать эпизод благословения Великого Князя Дмитрия Московского Преподобным

Сергием с участием иноков Александра Пересвета и Андрея Ослябы была продолжена иконописцем матушкой Иулианией (Соколовой) при росписи Серапионовой палаты Троице-Сергиевой Лавры. Среди фресок, посвященных Преподобному Сергию Радонежскому: «Труды Преподобного Сергия», «Видение Преподобному Сергию птиц», «Беседа Преподобного Сергия со святителем Алексием» и другие, на фреске «Благословение князя Димитрия Донского» перед нами предстают два инока, со смирением принявшие послушание и терпеливо ожидающие, пока Святой Старец благословит Великого Князя Дмитрия Московского. Росписи Серапионовой палаты Троице-Сергиевой лавры были созданы в 1949 году.

Ко второй половине XX века иконография Александра Пересвета в миниатюре и настенных росписях ограничивалась только двумя сюжетами – поединком и гибелью и благословением Сергия Радонежского, в связи с тем, что Пересвет и Ослябя, несмотря на иночество, продолжали оставаться мирскими героями. Лишь с 1980-х годов появляется значительное число иконных изображений Пересвета и Ослябы. Это было связано с тем, что 10 июля 1981 года Определением Святейшего Патриарха Пимена было установлено празднование в честь Собора Радонежских святых, в который вошли и Куликовские мученики и подвижники. К лику местночтимых святых были причислены святой благоверный Великий Князь Димитрий Донской и преподобные Александр Пересвет и Андрей Ослябя, схимонахи-воины Радонежские. Святым Димитрию, Александру и Андрею были составлены тропари и кондаки, все трое прославлялись в них именно в связи с Куликовской битвой.

После 1981 года современными русскими иконописцами создается ряд произведений, в которых Пересвет и Ослябя предстают перед нами как святые преподобные подвижники, как, например, на иконе «Святые Александр Пересвет и Андрей Ослябя». ***(Ил.12)*** Александр Пересвет изображен фронтально, в рост, он облачен в сине-лазоревую схиму, фиолетовую мантию и темно-желтый, с подчеркнутыми алым прямыми складками,

подрясник до пят. Из-под него выглядывают алые сапожки. На такой же, как и схима, епитрахили, написаны алые Голгофы. У Пересвета длинная узкая борода, в правой руке он держит длинное тонкое алое копье, в левой – крест. Цвет одежд Андрея Осляби на тон темнее, борода широкая, средней длины. В правой руке он держит рукоять алого меча, направленного острием в землю, который по тону почти сливается с алыми складками ризы. В левой руке у Осляби крест. Позем нейтральный, темно-зеленый. Декоративное убранство иконы подчеркивает воинскую принадлежность святых схимников: фон и поля иконы покрывает оклад, поверхность которого выполнена в виде чеканных чешуек с точкой в центре, словно кольчуга, покрывающая тело воина.

В это же время находит новое воплощение традиция изображения Сергиева благословения. Примером может служить святыня монастыря в Старом Симонове. ***(Ил.13)*** В центре иконы изображен Преподобный Сергий Радонежский, правая рука его сложена в благословляющем жесте, в левой он держит раскрытый свиток с надписью: «Господь Богъ будетъ ти Помощникъ и Заступникъ и Той победитъ и низложитъ супостата твоя и прославитъ тя». По правую руку Сергия стоит святой воин-схимонах Александр (Пересвет). Он облачен в светлый подзризник, мантию и схиму, на епитрахили – две Голгофы. В левой руке у него крест, в правой, по диагонали, длинное тонкое копие. Строгие прямые черты лица, тонкие дугообразные брови, длинная борода, придают лику строгость и аскетичность, одновременно с глубоким внутренним спокойствием. По левую руку от Преподобного Сергия, также в схиме, стоит Андрей Ослябя. В левой руке у него крест, в правой он держит на весу за перекрестие рукояти длинный меч, не касающийся земли. По возрасту он моложе старца Пересвета. Ослябя более эмоционален: взгляд, отведенный вправо, складки, прорезавшие чело, нахмуренные брови и опущенные уголки губ придают его лицу скорбное выражение. Перед Сергием Радонежским, между воинами-схимниками, преклонив одно колено, стоит Благоверный вели-

кий князь Дмитрий Донской, облаченный в княжеские одежды. Он устремил взгляд вверх на Сергия, простер руки раскрытыми ладонями вверх, тем самым, испрашивая благословения у Преподобного Радонежского Чудотворца и указывая на Александра Пересвета. В верхней части композицию венчает изображение Пресвятой Троицы.

3 июня 1987 года по благословению Святейшего Патриарха Пимена было установлено празднование соборной памяти Всех Святых, в земле Тульской просиявших, а так как Куликово поле находится в пределах Тульской епархии, то в соборную память были включены имена подвижников и мучеников Куликовской битвы, в том числе святых воинов-схимонахов Александра и Андрея. С 1987 г. Александр Пересвет и Андрей Ослябя именуются не преподобными, а преподобномучениками. Ко дню празднования Тульских святых была написана икона: вверху – Казанский образ Божией Матери, святыня города Тулы, поддерживаемый Ангелом, справа и слева – Святитель Николай Чудотворец и преподобный Макарий Жабынский. Ниже – Всесвятский кафедральный собор, который окружают изображения святых земли тульской.

В 1988 г., к 1000-летию Крещения Руси, был расписан Никольский храм в с. Кочаки близ Ясной Поляны, Тульской области. Художники А. Чашкин, Ю.Черкасов, В. Литвинов, М.Типяков строго выдержали роспись храма в стиле стенной церковной живописи XVI века, выполненной темперой по сухой штукатурке. На одной из стен написаны: святой преподобный Сергий Радонежский, Александр Пересвет и Андрей Ослябя (художники Ю. Черкасов и В. Литвинов). ***(Ил. 14)*** Пересвет стоит справа от преподобного Сергия, повернув голову на ¾ влево, правая рука с раскрытой ладонью поднята на уровень груди, в левой, по диагонали – копье, мантия заброшена за левое плечо. Стоящий слева от Сергия Андрей Ослябя изображен фронтально. Правая его рука поднята вверх. Особенностью изображения является то, как Андрей Ослябя держит свой меч: не традиционно за рукоять, опущенным острием вниз, он держит левой рукой

меч за острие, а рукоять меча образует над плечами Ослябы символический крест. Художник принял буквально сообщение летописей о том, что Пересвет и Ослябя были братьями, и изобразил их с короткими окладистыми бородами, как две капли воды, похожими друг на друга.

Продолжает иконописную традицию Сергиева благословения икона из церкви Всех Святых на Варварской площади на Кулишах в Москве. Храм был поставлен на обратной дороге с Куликова поля в честь всех на нем убиенных русских воинов. Икона является списком росписи м. Иулиани (Соколовой) в Серапионовой палате Троице-Сергиевой Лавры. М. Иулиания выполнила свои фрески в цветовом решении в духе росписей Дионисия в Ферапонтовом монастыре. При создании иконы из храма на Кулишках иконописец оставил основную иконографическую схему благословения Преподобным Сергием князя Димитрия на битву с татарами, созданную м. Иулианией, при этом он внес дополнения и изменения в детали (пейзаж, строения) и изменил цветовое решение иконы, построив его на контрасте теплых желто-золотистых и алых тонов с холодным прозрачно-зеленым, что существенно повлияло на внутренне содержание произведения. Холодные тонкие оттенки в росписи м. Иулиании создают атмосферу тишины и намоленности места, куда князь пришел за благословением, смиренномудрия и одухотворенности Преподобного Сергия. Цветовая же гамма иконы словно говорит о будущей пролитой крови, и великой победе, что ждет великого князя Дмитрия Ивановича. Александр Пересвет и Андрей Ослябя, стоящие поодаль, оба с копьями и в чешуйчатых доспехах под мантиям, склонив к друг другу главы, со смирением принимают свое последнее послушание – принести себя в жертву ради победы русского воинства. И Дмитрий Донской, и воины-схимники написаны как прославленные святые, с нимбами. ***(Ил. 15-16)***

На Освященном Поместном Соборе, проходившем 6-8 июня 1988 года в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, было принято решение об общецерковном прославлении в лике святых

угодников Божиих, просиявших в Русской Церкви, Великого Князя Димитрия Донского. В службе Димитрию Донскому в славнике стихир "На хвалитех", кроме святого Димитрия, поминаются и его сподвижники, участвовавшие в Куликовской битве: схимонахи Александр Пересвет и Андрей Ослябя, князья Владимир Храбрый и Андрей Полоцкий, воевода Димитрий Боброк, боярин Михаил Бренк, "с ними же и прочии вои, за землю Русскую не пощадившии живота своего"

3 октября 2005 г. Определение Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси было установлено празднование дня Собора Брянских святых. В состав Собора, наряду с другими местночтимыми святыми, вошел святой преподобномученик Александр Пересвет. В трапезной Воскресенской церкви г. Брянска находится икона избранных Брянских святых кисти иконописцев А.В. и Л. М. Недоступенко, на которой вместе с мучеником Кукшей, Преподобным Поликарпом и Олегом Брянскими, в молитвенном предстоянии иконе Свенской Печерской Божией Матери написан Александр Пересвет. ***(Ил. 17)***

В 2005 г. художественно-производственное предприятие Русской Православной Церкви «Софрино» выпустило икону «Собор всех Святых в земле Брянской просиявших», на которой также представлен Александр Пересвет, стоящий в нижнем ряду, вторым справа, держа в руках щит и копье, в молитвенном предстоянии Свенской Печерской Божией Матери. ***(Ил. 18)***

В 2005 г., в год 625-летия победы на поле Куликовом, 1 сентября был освящен список чудотворной Донской иконы Божией Матери. ***(Ил. 19)*** Он написан мастерами художественно-производственного предприятия Русской Православной Церкви "Софрино". В среднике иконы изображена Донская Пресвятая Богородица, над Ней на верхнем поле ангелы держат убрус со Спасом Нерукотворным, на боковых полях в 6 клеймах помещены эпизоды, предшествовавшие Куликовской битве, на нижнем поле – само сражение. В трех из них мы видим изображение Александра Пересвета. В третьем клейме – благословение Сергия Радонежского иноков Александра и Андрея на битву. Пере-

свет и Ослябя в схиме, однако, под мантиями на них кольчуги, вооружены они копьями и щитами. Иноки, стоящие позади воинов, держат икону Спаса Нерукотворного, которая, по преданию, была помещена на захоронении Александра Пересвета.

На 5-м клейме – моление иноков-воинов вместе с князем Дмитрием Донским перед иконою Святителя Николая Чудотворца, на нижнем поле разворачивается Куликовская битва. Изображение поединка Пересвета и Челубея, который занимает центральное место в композиции, следует давно сложившейся в миниатюре и иконописи. Развивающаяся за плечами мантия открыла правую руку с длинным копьем, пронзающим противника. За Пересветом движутся русские полки, в первом ряду которых вместе с князем скачет Андрей Ослябя с мечом в руке. Русское воинство сопровождают летящие ангелы, вооруженные копьем и мечом. Татарское войско движется сплошной серой массой. Внизу композиции мы видим погибших Темир-мурзу и Александра Пересвета. Татарский богатырь лежит на земле вниз лицом, в последней смертельной судороге вытянув руку, словно пытаясь дотянуться до татарского войска и убежать от русского богатыря. Тело Александра Пересвета лежит головой в сторону врага, открыв небу спокойное и умиротворенное лицо.

В заключение хотелось бы отметить, что до церковного прославления святого преподобномученика Александра Пересвета основным источником иконографии являлись миниатюры, в различных редакциях, иллюстрирующих Куликовскую битву и изображавших поединок и гибель русского богатыря. В более позднее время, с возникновением пространных редакций «Сказания о Мамаевом побоище» и дополненных редакций «Жития Преподобного Сергия Радонежского» появился сюжет с благословением святым преподобным Сергием на битву, а также иночество и схимничество Александра Пересвета и Андрея Осляби. В иконописи первое изображение Александра Пересвета и Андрея Осляби относится к XVII веку.

После канонизации Александра Пересвета как местночтимого святого Соборов Радонежских, Тульских и Брянских

святых перед иконописцем открываются широкие возможности. При соблюдении канонической схемы при изображении преподобномученика, одновременное воинство Александра Пересвета представляет широкий простор для полета творческой мысли иконописца: поединок Пересвета с Челубеем и их гибель, различные варианты композиции «Благословение Сергия Радонежского», одиночные и парные иконы с Андреем Ослябей, изображение на иконах Радонежского, Тульского и Брянского Соборов, а также в связи с прославленными Русскими святынями – Донской иконой Божией Матери, икон Спаса Нерукотворного и Николы Угрешского.

«Святии мученицы-воины, на поле Куликовом жизни своя за Веру и Отечество положившия, молите Бога о нас!»

«Воини Христолюбивии, страдальцы послушания прехвальнии,
Александре дивный Пересвете и Андрее Ослябей именуемый,
Сергия игумена благодатные наследницы,
Куликовской брани ратницы духовнии.
Вы бо змия агарянскаго победисте,
но и нас своим заступлением не остависте.
Телами в храме Рождества Богородицы почиваете,
душею в превышнем селении пребываете.
Молите за весь род русский православный,
преподобнии сродницы наши.» [6]

Примечания

1. Уваровский – ГИМ, ОР, №999а, XVII в. Р1 – РГБ, Муз. Собр. №3123, XVII в. П – РГБ, собрание Прянишникова, №203, 1894 г. М – ГИМ, ОР, Муз. №2596, XVII в.
2. Библиотека Академии Наук, 31.7.30, т.II, л.89 об., 90, 90 об.
3. Шамбинаго, С.К. Повести о Мамаевом побоище // Общество любителей древней письменности. - Спб., 1907. Вып. CXXV. - С. 340.

4. Книга, глаголемая описание о Российских святых. Репринт 1887 г. - М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.
5. И.Г. Блинов. «Ополчение в поход великого князя Дмитрия Ивановича против Мамая». Вторя половина 1890-х гг. Бумага, тушь, темпера. Государственный исторический музей, 42904, И III 61105.
6. Тропарь в честь святых воинов-схимонахов Александра Пересвета и Андрея Осляби, глас 1.

Литература

1. Амосов, А.А. Сказание о Мамаевом побоище в лицевом своде Ивана Грозного // Куликовская битва и подъем национального самосознания : труды отдела древнерусской литературы. – Л., 1979. - Т. XXXIV. - С. 49-61.
2. Архимандрит Никон (Рождественский). Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Репринт 1904 г. - М. : Советский писатель, 1991.
3. Белоброва, О.А. О миниатюрах Куликовского цикла в Житии Сергия Радонежского // Белоброва О.А. Очерки русской художественной культуры XVI-XX веков. - М. : Индрик, 2005. - С. 239-242.
4. Болотцева, И. «Мастер Куликовской битвы» // Памятники отечества. -М., 1980. - 1 (1). - С. 96-98.
5. Брюсова, В. Деяния Сергия Радонежского в зримых образах житийных икон // Сергий Радонежский. - М. : Патриот, 1991. - С. 440-453.
6. Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия чудотворца. Написано Премудрейшим Епифанием // Памятники литературы древней Руси: XIV-середина XV века. - М., 1981. - С. 256-429.

7. Задонщина. Повесть о Куликовской битве / под ред. А.А. Зимина. - Тула : Приокское книжное издательство, 1980.
8. Икона святых воинов-схимонахов Александра Пересвета и Родиона (Андрея) Осляби // Приходская страница церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове.
9. Иконы из частных собраний. Русская иконопись XIV – начала XX века : каталог выставки. - М. : Тетру, 2004. - Ил. 54; С. 212-213.
10. История и святыни храма в Старом Симонове // Интернет-страница церкви в Старом Симонове. simonovo.muslib.com
11. Иткина, Е.И. Памятники Куликовского цикла в творчестве художника-миниатюриста И.Г. Блинова. Куликовская битва в истории и культуре нашей родины : материалы юбилейной научной конференции. - М., 1983. - С. 216-224.
12. Краткая редакция Задонщины по Кирилло-Белозерскому списку // Задонщина. - Тула, 1980. - С. 26.
13. Лепахин, В. Воинство в древнерусской литературе и иконописи. Часть 2 // Интернет-журнал Сретенского монастыря. www.pravoslavie.ru
14. Масленицын, С.И. Ярославская иконопись / С.И. Масленицын. - М., 1983. - С. 31-33.
15. Мешков, В. Священный зов.
16. Митрополит Филарет (Дроздов). Житие и чудеса преподобного Сергия Радонежского и всея России Чудотворца. - Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. - С. 28-29, 63-64.
17. Никитин, А.Л. Основания русской истории: мифологемы и факты. - М., 2001. - Гл.: Александр Пересвет и Сергий Радонежский.
18. Плякин, М.Е. Церковное почитание мучеников Куликовской битвы: от XIV века к XXI веку // Патриархия. ru
19. Пространная редакция Задонщины // Задонщина. - Тула, 1980. - С. 81.

20. Святой преподобный Сергий Радонежский. Жизнеописание, составленное к 500-летию со дня кончины Преподобного Сергия в 1892 г. иеромонахом Никоном (Рождественским), впоследствии архиепископ Вологодский и Тотемский. - Санкт-Петербург, 2005. - С. 188-198.
21. Святые воины. - М. : Глас, 2005.
22. Святые воины Пересвет и Ослябя // Интернет-страница церкви в Старом Симонове. simonovo.muslib.com
23. Собор Тульских святых // Журнал Московской Патриархии. - М., 1988.- №2. - С. 20.
24. Собор Тульских святых. // Официальный Интернет-сайт Тульской епархии. www/ortodox-tula
25. Современная православная икона. - М. : Современник, 1994. - С. 117, 126-127.
26. Список чудотворной иконы Божией Матери "Донская" // Патриархия.ru
27. Черный, В.Д. «Мамаево побоище» в древнерусских миниатюрах (миниатюра как культурно-исторический феномен) // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины : материалы юбилейной научной конференции. - М. : Издательство Московского университета, 1983. - С. 207-208.

В.В. Крашенинников,
к.и.н., доцент Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

Патрик Гордон и его пребывание в Севске

Среди военных деятелей России последней трети XVII в. одно из наиболее почетных мест занимает Патрик Леопольд Гордон, хотя начальные этапы его жизни ничего подобного не предвещали. Выходец из старинного шотландского дворянского рода, вынужденный из-за приверженности свергнутой королевской династии Стюартов в 1652 г. в 17-летнем возрасте поки-

нуть родину после установления власти О. Кромвеля, юный дворянин оказался в Германии, где сначала обучался в иезуитской школе, но покинул ее с несколькими монетами в кармане и мешком книг в руках. В 1653 г. П. Гордон в Гамбурге завербовался в войско шведского короля Карла X в качестве рядового кавалериста. Военные способности юноши были вскоре замечены, и ему было присвоено первое офицерское звание. Участвуя в шведско-польской войне, попал в плен, а в 1660 г., уже как офицер польской армии, впервые принял участие в боевых действиях против русских войск.

Находясь на службе в армии Речи Посполитой, П. Гордон в 1659 г. начал вести свой "Дневник", ставший впоследствии ценнейшим источником для изучения военной и политической истории второй половины XVII в. Принцип отбора материала четко определен автором "Дневника": "Одни события, главным образом военного значения…, я излагаю в строгой последовательности, другие наряду с фактами из своей собственной жизни; но во всех случаях я говорю о событиях, хорошо мне известных, в большинстве из которых я участвовал и наблюдал их сам". Особо П. Гордон оговаривал, что писал он, "не заботясь об одобрении со стороны других, так как… удовлетворить всех с давних пор считается делом невозможным".

В 1661 г., участвуя в переговорах с русской делегацией об обмене пленными, П. Гордон получил приглашение перейти на русскую службу и согласился его принять. В сентябре того же года он был зачислен в чине майора в драгунский полк своего земляка А. Кроуфорда. Несмотря на отдельные проблемы (П. Гордон отказался присягать российскому царю "на вечные времена", согласившись лишь на службу до окончания русско-польской войны, и продолжал считать себя британским подданным; до конца своих дней он оставался правоверным католиком, хотя обычно наемные иностранные офицеры соглашались переходить в православие), знающий, инициативный и добросовестный офицер был замечен и поддержан не только непосредственным начальством, но и представителями верхов, в частности,

тестем царя боярином И.Д. Милославским. В сентябре 1662 г. он уже получил чин подполковника, а после участия в 1663-1664 гг. в боевых действиях против польско-литовских войск был произведен в феврале 1665 г. в полковники, продолжая служить в Москве. Устроилась и личная жизнь П. Гордона – он женился на юной дочери находившегося на русской службе нидерландского полковника Ф. фон Бокхофена Катарине.

Получив известие о смерти старшего брата и о необходимости уладить дела о наследстве, П. Гордон обратился с просьбой об отпуске, но получил такое согласие не сразу и лишь при условии выполнения правительственного поручения, связанного с русско-английской торговлей. Успешно решить довольно щекотливый вопрос П. Гордону не удалось, что вызвало недовольство московских властей и удаление опального полковника из Москвы. В 1668-1671 гг. он находился на службе в Трубчевске, Брянске, Новом Осколе, а с 1671 г. оказался в Севске в качестве командира одного из драгунских комарицких полков. К сожалению, дневниковые записи П. Гордона с лета 1667 г. до конца 1676 г. не сохранились, что делает невозможным подробное рассмотрение обстоятельств его севской жизни и службы.

Впрочем, судя по дневниковым записям, еще в то время, когда П. Гордон не был в Севске, отдельные события в этом городе уже привлекали его внимание. В январе 1662 г. в "Дневнике" П. Гордона появилась такая запись: "Татары предприняли набег до самого Севска и 400 солдат нашего полка с русскими офицерами были направлены для удержания проходов через засеки – это полосы леса, растущего столь густо, что коннице не пробраться, да и пехоте едва ли, кроме как по большим дорогам, кои укреплены фортами. Оные татары, бесчинствуя до самого Карачева, захватили много пленных и богатую добычу, но на обратном пути, у д. Прутки, ночною порою были застигнуты врасплох и разгромлены князем Григорием Семеновичем Куракиным. Пленные и большая часть добычи были возвращены, а множество татар перебито и захвачено, среди пленных были

мурзы из князей Ширинских". Если в сведениях о засеках, о которых П. Гордон мог знать пока лишь по разговорам, он не совсем точен, то обстоятельства набега крымских татар и их разгрома переданы им верно и с некоторыми интересными деталями.

В октябре того же года в "Дневнике" появилась любопытная запись: "Полковник Штрасбург, будучи оскорблен и вызван полковником Лицкином на дуэль, убил его в Севске". Сравним ее с цитатой из книги А.В. Кацуры "Поединок чести. Дуэль в истории России": "Первая дуэль западного образца на русской земле случилась в 1666 г. в Москве, в немецкой слободе. Участниками дуэли были чужестранцы – англичанин майор Монтгомери и шотландец Патрик Гордон". Как видим, А.В. Кацура, подробно описавший названную дуэль на основании "Дневника" П. Гордона, неправ в главном – этот дуэльный поединок не был первым. Но и севская дуэль двух иноземных полковников тоже, оказывается, не была первой. В документах из фондов Оружейной Палаты, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, есть "Дело об убийстве сержантом иноземцем Петром Фельсом сержанта Григория Томосова на поединке". Относится оно еще к сентябрю 1639 г. и свидетельствует, что в дуэлях XVII в. участвовали не только иностранцы, но и русские военнослужащие.

Некоторые сведения "Дневника" П. Гордона связаны с продолжавшейся русско-польской войной. В июле 1663 г. он записал: "Мы весьма опасались замышляемого поляками вторжения. Князю Я.К. Черкасскому было приказано идти из Москвы к Севску". В октябре того же года: "Боярину П.В. Шереметеву велено идти на службу в Севск". Наконец, в феврале 1664 г. П. Гордон, сообщая о том же боярине П.В. Шереметеве (Большом), писал, что он "имел приказ примкнуть к боярину Черкасскому в Почепе, но был отозван и пошел в Севск". Таким образом, еще в 1660-х гг. П. Гордон уже располагал определенной информацией о Севске, о находившихся там воеводах и других начальных людях. С большой долей вероятности можно утверждать, что

эти сведения существенно пополнились в период службы П. Гордона в ближайших к Севску городах – Брянске и Трубчевске (возможно, что уже тогда ему впервые довелось побывать на севской земле), но точных данных на этот счет нет.

Что же все-таки можно установить о жизни П. Гордона в Севске? Во-первых, он как бы предвидел, что служба в Севске растянется на несколько лет (так, действительно, и случилось – его перевод из Севска произошел только в 1678 г.), и поэтому решил везти сюда жену и двух сыновей. Но сначала надо было создать условия для семейной жизни, и в 1672 г. П. Гордон построил в Севске собственный дом и необходимые надворные помещения. Сосновый лес для дома был куплен в с. Негино Трубчевского уезда, дубовый и другой лес для конюшен и прочих строений – в деревне Ивачевой, а "доски в Севску в торгу на свои денги". В доме было две комнаты и две горницы, а также рубленые сени, два погреба, три изразцовых печи (две белых, одна зеленая), 14 застекленных окон. По соседству находились: "изба чёрная, да паварня рубленая; мылня, перед нею сени рубленые, … ледник, амбар, сенник", а также три обширных конюшни. Все строения были покрыты дранью. К дому и хозяйственному двору примыкал огород и большой сад, в котором росли 96 яблонь, 32 вишни, 5 слив, 17 рябин, по одному дереву грецкого ореха и бузины, 4 больших куста крыжовника, куст барбариса, а также "гряда смородины белой в длину девяти сажен".

Сведений о семейной жизни П. Гордона в Севске практически не сохранилось. Его молодая любимая жена Катарина умерла, вероятно, не позже середины 1670-х гг. Двое сыновей, Джон и Джеймс (по-русски их называли Иван и Яков), жили с отцом – к 1677 г. им было соответственно около 10 и 9 лет. Их обучением и воспитанием занимался приглашенный П. Гордоном молодой образованный немец Эрнст Готтлиб фон Берге (позже наставник сыновей П. Гордона покинул Россию, жил в Англии и Пруссии, занимался литературным творчеством, в частности, первым перевел на немецкий язык поэмы выдающегося

английского поэта Д. Мильтона, а также перевел "с одного славянского манускрипта" описание Сибири).

Служебную деятельность П. Гордона в период его пребывания в Севске можно характеризовать лишь краткими штрихами: согласно послужному списку, он в 1674, 1675 и 1676 гг. "из Севска… был на службе в Каневе, Переяславе и в Чигирине при пленении Дорошенко", – естественно, во всех этих походах вместе со своим полком комарицких драгун. Не вдаваясь в подробности этих походов, связанных с угрозой вторжения на Левобережную Украину войск турецкого султана и гетмана Правобережной Украины П. Дорошенко, стоит лишь отметить, что дальние походы русских ратных людей (до Днепра и даже на его правый берег) не были достаточно обеспечены продовольствием, что приводило к большому количеству побегов.

Не случайно 26 октября 1676 г. П. Гордон и два его ближайших сотоварища по командованию полком комарицких драгун подполковник Александр Лэнделс и майор Вильям Хэй обратились с челобитной к царю Федору Алексеевичу. В ней они писали: "Служим мы, холопы твои, тебе, Вел. Государю, в Севском полку и в нынешнем… году были мы… на твоей… службе под Чигирином с комарицкими драгуны и октября в 9 день мы… с твоей… службы отпущены в Севск. А ныне ж… велено нам… быть с полком на твоей… службе в полку окольничего и воеводы у князя Григория Афанасьевича Козловского. И будучи мы… на… службе в зимних и летних походах, оскудали и одолжали и лошадьми опали, а твоего… жалованья на нынешний… год нам… ничего не дано. А нам… без твоего… жалованья служить и поднятца нечим. И о том… мы… в Севску в приказной избе стольнику и воеводе Леонтью Романовичю Неплюеву да дьяку Борису Остолопову подавали челобитную. И оне… сказали нам…: прислана де к ним в Севск… грамота, что без твоего, Вел. Государя, указу и без грамот из Разряду (Разрядного приказа, ведавшего служилыми людьми – В.К.) … денежной казны ни на какие расходы давать не велено. … Вели, государь, нам… для… службы и нашей нужды и скудости свое… годовое жало-

ванье на нынешний… год выдать, чтоб нам… было чем на твою, Вел. Государя, службу поднятца и впредь твоей… службы не отбыть".

Что касается отношений между П. Гордоном и подчиненными ему комарицкими драгунами, то они не были (да и не могли быть) безоблачными. Ведь во всех тяготах службы и походов ратные люди обычно винили, прежде всего, своих непосредственных начальников, а привычка к дисциплине и требовательность по отношению к подчиненным, присущие П. Гордону, нравились, конечно, далеко не всем комарицким драгунам, уже не раз писавшим в Москву челобитные с просьбами избавить их от воинской службы. Этим можно объяснить тот сообщаемый П. Гордоном в "Дневнике" факт, что в январе 1677 г. несколько драгун его полка, подстрекаемых генерал-майором А. Трауэрнихтом, подали на своего командира жалобу. Содержание жалобы было 26 января доложено царю Федору Алексеевичу и членам Боярской Думы, но все обошлось без серьезных последствий. В защиту П. Гордона выступил боярин князь Г.Г. Ромодановский, хорошо знавший полковника по службе, который заявил, что "это всего лишь клевета и ложь", поскольку П. Гордон "поддерживал добрую дисциплину и не позволял… проказ и отлучек". Во время разбирательства дела, 28 января П. Гордоном было получено письмо из Севска, в котором за подписями трех священников жители двух десятков селений, где размещался его полк, свидетельствовали, что они ничего против него не имели и к ходатайству против него не причастны. Письмо стало дополнительным подтверждением, что со стороны П. Гордона ни серьезных злоупотреблений властью, ни притеснений комаричан не было.

В Севск из поездки в Москву П. Гордон вернулся 1 апреля 1677 г. Относящиеся к этому времени дневниковые записи достаточно лаконичны, но в то же время называют немало примечательных лиц, бывавших в Севске. Так, уже в день прибытия П. Гордон встретил здесь боярина князя И.Б. Троекурова, направленного воеводой в Киев, но не слишком торопившегося

туда. 3 апреля П. Гордон пригласил на ужин боярина Троекурова, а также севского воеводу Л.Р. Неплюева "с начальными людьми", которые "явились и весело пировали". На следующий день полковник вместе с другими севскими руководителями "проводили боярина по дороге за ручей Сосню". До Киева сопровождал кн. И.Б. Троекурова отряд комарицких драгун из полка П. Гордона во главе с полковником А. Лэнделсом.

4 мая в Севск "явился генерал-майор Трауэрнихт, назначенный комендантом в Чигирин". Хотя с прибывшим генералом отношения у П. Гордона были натянутыми из-за поддержки (скорее всего, не бескорыстной) А. Трауэрнихтом жалобы комарицких драгун, автор "Дневника" ни здесь, ни в других случаях, когда упоминается генерал, не проявляет своих отрицательных эмоций, а, сообщая о его деятельности по подготовке Чигирина к обороне, отмечает его распорядительность.

9 мая в Севск из Киева прибыл окольничий А.П. Головин (позже – боярин), отец одного из виднейших в будущем соратников Петра I, дипломата и военного деятеля Федора Алексеевича Головина. Приехавший "на следующий день отбыл отсюда" и, как сообщал П. Гордон в "Дневнике", "мы обедали с ним на другой стороне севского моста", т.е. в Замарицкой части города.

В связи с угрозой нападения турецких войск на Украину 14 мая в Севск "прибыли шесть приказов стрельцов; трем велено идти в Киев и трем в Чигирин; всего в оных было около 4200 человек" (стрельцы расквартированных в Москве полков по традиции до 1680 г. делились на "приказы", каждый из которых состоял из нескольких "сотен"). 17 мая в Севск прискакал гонец из Москвы с распоряжением прибывшим стрельцам "немедля отправляться прямо в Киев и Чигирин", и 24 мая московские стрельцы выступили на Украину.

Еще раньше, 15 мая, прибыла царская грамота с приказом "держать полки в готовности к походу по первому уведомлению", и поэтому в начале июня П. Гордон послал своих офицеров собирать полк, а 9 июня был проведен смотр полка. Тем

временем к Севску приближалась еще одна группа войск, вышедших из Москвы, под командованием боярина князя В.В. Голицына. 12 июня П. Гордон "встретил боярина Голицына" и вместе со своим полком "сопроводил его в Севск". При боярине "находилось много дворян" и приказ стрельцов "примерно 700 человек".

На следующий день, как сообщал П. Гордон в "Дневнике", он "отобедал с боярином и предполагал снятся после полудня, но когда боярин заявил, что желает меня повидать в моем доме, я остановил свои подводы и угостил его как можно лучше". Тогда же в Севск прибыл "товарищ" князя В.В. Голицына по предстоящему походу думный дворянин А.В. Толстой (позже – окольничий, особенно известный как отец выдающегося политического деятеля первой четверти XVIII в. Петра Андреевича Толстого). Проездом в Севске оказался и дьяк Иван Михайлов, который "проследовал в Путивль", где ему было поручено организовать чеканку чехов (так на Украине называли польские серебряные монеты достоинством в полтора гроша, которые русское правительство пыталось вытеснить из обращения, заменив собственными аналогичными монетами; но в 1677 г. наладить выпуск "чехов" в Путивле не удалось, а сделано это было лишь в 1686-1687 гг. в Севске).

По росписи войск комарицкие драгуны, в том числе и полк П. Гордона, были включены не в состав армии боярина кн. В.В. Голицына, собиравшейся в Севске, а в состав армии боярина кн. Г.Г. Ромодановского, местом сбора которой был назначен Курск. 14 июня П. Гордон выехал из Севска к месту расположения своего полка – в деревню Девятино, на северо-восток от Севска (сейчас это селение относится к Дмитровск-Орловскому району). В 12 верстах от города он повстречал окольничего кн. Г.А. Козловского, направлявшегося в Севск вместе с двумя приказами московских стрельцов, "около 700 человек в каждом". Вечером того же дня П. Гордон прибыл к своему полку, стоявшему лагерем у д. Девятино. Последующий путь полка проходил через Власовку, Трояново, Гнань (эти селения сейчас отно-

сятся к Дмитровск-Орловскому и Железногорскому районам). Первоначальная дислокация полка П. Гордона и его путь позволяют сделать однозначный вывод, что районом комплектования полка и постоянного проживания его драгун был Радогощский стан Комарицкой волости (все перечисленные селения относились к этому стану).

К Курску полк П. Гордона численностью в 916 человек подошел 20 июня. Здесь уже находились первый московский выборный солдатский полк (2 тыс. человек) под командой генерал-майора А.А. Шепелева (позже был "думным генералом" и окольничим), приказ московских стрельцов (около 600 человек) во главе с полковником С.Ф. Грибоедовым, а также 4 полка из Белгородского разряда. 1 июля к ним добавились войска, приведенные из Москвы генералом В.А. Змеевым, а 5-6 июля – рейтарские полки И. Гулица и Я. Тауэра и солдатский полк Я. Ронауэра (Ронорта) – все из Севского разряда. К концу июля вся армия численностью свыше 42 тыс. человек была в сборе и 28 июля ее основные силы начали движение на Украину.

В "Дневнике" П. Гордона не сохранилось страниц, посвященных описанию дальнейшего пути его полка в составе армии боярина Г.Г. Ромодановского, но ни этот путь вместе с казаками гетмана И. Самойловича к Днепру, ни бои с турецко-татарскими войсками на правом берегу Днепра близ Чигирина не имели прямого отношения к севской службе П. Гордона. Однако проявленные им во время боев военно-инженерные способности, распорядительность и активность были замечены и его сотоварищами по службе (30 августа, когда турки уже отошли от Чигирина, П. Гордон был приглашен на обед генерал-майором А.А. Шепелевым и "весьма радушно принят им и его офицерами"), и руководством русской армии (боярин Г.Г. Ромодановский, узнав о намерении полковника покинуть русскую службу и уехать на родину, заявил ему, что "будет сему противиться").

Прибыв 28 августа в Севск и распустив в соответствии с полученным из Москвы указом свой полк по домам, П. Гордон

вносил в свой "Дневник" все сколько-нибудь существенные севские новости. Вот некоторые из них. 7 октября в Севск "явился генерал В.А. Змеев и сего же дня отбыл". 9 октября "приехал князь Василий Васильевич Голицын и пробыл два дня"; 11 ноября севские руководители, включая П. Гордона, "проводили его через севский мост" (армия В.В. Голицына численностью до 20 тыс. человек, среди которых были "многие князья и знатные вельможи", подошла к Днепру несколькими днями позже армии Г.Г. Ромодановского и непосредственного участия в боевых действиях не принимала). 23 октября "из Смоленска в Севск доставлено 4000 предметов вооружения – кирасы, карабины и пистолеты". 28 октября "в Чигирин для стрельцов, кои будут там зимовать, направлены шубы из овечьих шкур". 6 ноября "три приказа стрельцов с их полковниками С.И. Яновым, Л.А. Лопухиным и Н.И. Колобовым пришли из Киева и, оставив здесь артиллерию и боевые припасы, выступили к Москве". 17 ноября "генерал-майор Трауэрнихт с тремя чигиринскими приказами стрельцов прибыл в Севск и после двухдневного отдыха выступил… к Москве". 19 ноября П. Гордон выехал из Севска в Рыльск, где 21 ноября состоялось совещание боярина Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича и "было решено удерживать и оборонять Чигирин", усилив его гарнизон русскими служилыми людьми и украинскими казаками.

Тем временем из Москвы в Севск пришла весть, что в ответ на просьбу британского короля об увольнении П. Гордона царь Федор Алексеевич "милостиво пообещал… отпустить" полковника на родину "после… возвращения из кампании" и подачи соответствующей челобитной. Получив грамоту о приезде в Москву, П. Гордон 24 декабря 1677 г. "пустился в путь из Севска в сопровождении подполковника Лэнделса, трех прапорщиков", а также двух старших сыновей и их учителя Г. фон Берге. Первые три ночевки П. Гордона и его спутников были в селениях Комарицкой волости: деревне Красное Поле (Краснополье) (упомянутой П. Гордоном как "приписанная" к его полку), селе Радогощ, которое являлось центром одноименного ста-

на, где был расквартирован полк П. Гордона, и деревне Добрик, относившейся к Глодневскому стану.

Результатами зимней поездки в Москву полковник был "крайне разочарован". Вместо ожидаемого отъезда на родину он получил новое назначение. Царь Федор Алексеевич и его ближайшее окружение, как сообщал П. Гордон в "Дневнике", "известясь о моих достойных действиях в последнем и прежних походах, избрал меня для отправки в Чигирин". П. Гордон не счел возможным отказаться "от столь опасного и важного поручения". Назначение П. Гордона в Чигирин не было случайным: город в предвидении новых турецких нападений нужно было укреплять, а полковник, хорошо знакомый с фортификационным делом во многих странах, уже успел проявить свои военно-инженерные способности. У А.Г. Брикнера есть сведения, что во время службы в Севске П. Гордон участвовал в укреплении городских оборонительных сооружений, но, поскольку это сообщение приведено без ссылки на источник, уточнить и конкретизировать его не представляется возможным.

Получив жалованье для себя и своих офицеров, а "также барабаны и все необходимое" для своего драгунского полка, он 1 февраля 1678 г. выехал из соседней с Москвой Немецкой слободы и уже вечером 8 февраля прибыл в Севск. На этот раз пребывание его в городе было недолгим. Офицеры, посланные собирать драгун, быстро справились с этим делом, и 16 февраля полк П. Гордона прибыл к Севску. 18 февраля П. Гордон направил письмо к окольничему И.И. Ржевскому, который был назначен в Чигирин главным воеводой и должен был прибыть туда из Киева, с уведомлением, что он с полком выступает к Путивлю, а дальнейшее движение согласует с И. Самойловичем. В те же дни, 18-19 февраля, в Севск прибыли три приказа московских стрельцов общей численностью свыше 1,5 тыс. человек, которые были назначены идти в Чигирин. Во второй половине дня 19 февраля П. Гордон "выехал из Севска и ночевал с полком в поле у Поздняшовки", а на следующий день, приказав подполковнику идти с полком в Путивль, направился в Батурин для встречи с

гетманом. Проведя в течение двух дней переговоры с И. Самойловичем "по поводу укрепления и обороны Чигирина", П. Гордон 25 февраля прибыл в Путивль.

Здесь полковник получил две мортиры, стрелявшие гранатами, и 400 гранат весом в 2-3 пуда. В Путивле же П. Гордону была передана царская грамота, предлагавшая ожидать прибывшие в Севск стрелецкие войска и далее двигаться вместе с ними. В первых числах марта к Путивлю подошли сначала драгунский полк П. Гордона, "добравшийся сюда с большим трудом по причине плохой и узкой дороги и тяжелого обоза", затем – три стрелецких приказа во главе с русскими полковниками. Прибыл и оставленный ранее в Севске майор полка П. Гордона "с боевыми припасами", доставивший "2 орудия, 200 пудов фитиля, 200 пудов пороха и столько же свинца, 30 больших бочек сбитня, уксуса и масла, а также почти 2000 пудов пороха для магазина (склада – В.К.) в Чигирин; всего… 12 000 пудов разного рода боевых припасов и провианта, помимо личной провизии драгун, у каждого по полной телеге".

Фактически это последнее из сообщаемых в "Дневнике" П. Гордона сведений, связанных с Севском. На других страницах "Дневника" подробно описан ход проводившихся в мае – начале июля 1678 г. под руководством П. Гордона работ по укреплению Чигирина, а затем обороны города (с 9 июля по 11 августа), где полковник был сначала одним из главных командиров, а после гибели окольничего И.И. Ржевского – руководителем обороны города. Лишь изредка встречаются при изложении этих событий упоминания о комарицких драгунах, причем не только об их участии в строительстве оборонительных сооружений и последующих боевых действиях, но и о некоторых негативных явлениях. В частности, во время пребывания полка П. Гордона в Путивле некоторые драгуны совершили "большие бесчинства" по отношению к местным жителям (в чем они проявились, автор "Дневника" не сообщил), однако виновные были обнаружены и строго наказаны. Поскольку участие в дальних походах нарушало привычный порядок жизни комаричан, то

многие из них пытались избежать такой службы, что также было отмечено П. Гордоном. Он сообщал, что 7 июля, получив известие о переправе части драгун из его полка через Днепр и "зная их нравы", спешно послал нескольких офицеров с самыми верными солдатами, "дабы привести оных сюда", т.к. это "были те, кто либо не выступил в поход, либо послал вместо себя наемников и прислугу". Вечером 8 июля посланные офицеры прибыли в Чигирин "с драгунами, числом почти 400, кои пришли столь же охотно, как воры идут на виселицу".

К сожалению, действия главной русской армии, руководимой боярином князем Г.Г. Ромодановским, не отличались активностью, и, хотя она вместе с казачьими частями гетмана И. Самойловича почти не уступала по численности турецкому войску и находилась в непосредственной близости от Чигирина, боярин предпочел не вступать в генеральное сражение с турецкими войсками. Когда же оборонительные возможности Чигирина оказались исчерпанными и от князя Г.Г. Ромодановского поступил письменный приказ о его оставлении, П. Гордон последним из чигиринских командиров оставил осажденный город и лишь по счастливой случайности избежал гибели или плена. Полковник в ночь на 12 августа лишился "слуг, лошадей, доспехов, одежды, денег и всего, что имел при себе", за исключением палаша и пистолета, а также тетрадей с дневниковыми записями, которые он вел даже в дни осады.

Военно-инженерные и организаторские способности, личная храбрость полковника получили известность и признание и в августе того же 1678 г. ему было присвоено звание генерал-майора, а в адресованных ему царских грамотах его впервые начинают называть "Петром Ивановичем".

Поскольку после оставления Чигирина единственным крупным городом на правом берегу Днепра, подконтрольным Московскому государству и украинскому гетману, оставался Киев и можно было ожидать в близком будущем походов турок к этому городу, гетман И. Самойлович в начале октября обратился к царю Федору Алексеевичу с просьбой послать "на служ-

бу в Киев драгунского строю генерала майора Петра Гордана в скором времени, а он, Петр, к осадному времени в Киеве зело надобен". В результате, "по тому гетманскому челобитью", было указано генерал-майора П. Гордона "послать на… службу в Киев не замотчав". 18 октября грамота об этом была направлена главному киевскому воеводе боярину князю М.А. Голицыну, а 5 ноября был послан в Севск царский указ "генералу майору Петру Ивановичу Гордону", в котором сообщалось, что ему "велено… быть на… службе в Киеве и ведать пехотные, драгунский и солдатцкие полки". Соответствующий указ был послан "в Севеск к стольнику… и воеводе к Леонтию Неплюеву". В указе П. Гордону говорилось, что "как к тебе ся наша… грамота придет, и ты б на нашу… службу в Киев ехал немешкав, а что тебе ко охранению киевских крепостей каких ратных припасов и подкопных снастей и ратного всякого строю надобно, и ты б о том к нам… писал и прислал за своею рукою роспись".

Однако в Севске царский указ П. Гордона не застал. Вернувшись сюда из чигиринского похода в конце сентября 1678 г. и распустив по домам драгун своего полка, он наскоро подлечил полученные в Чигирине раны и в начале ноября выехал в Москву. Явившись 15 ноября в Малороссийский приказ, П. Гордон узнал о своем новом назначении, которое опять перечеркивало его надежду вскоре вернуться на родину. Десяток последующих дней П. Гордон подготавливал "роспись" о тех дополнительных людских и материальных ресурсах, которые потребуются для обеспечения обороноспособности Киева. Подготовленная "роспись" была рассмотрена 27 ноября, и основную часть запрошенного было решено выделить либо в ближайшее время, либо позже. Так, требуемые боеприпасы и материалы было приказано "отвести нынешним же зимним путем до Брянска, а изо Брянска отвесть в Киев самою первою полою водою на стругах, которые ныне делают в Брянске". Решив необходимые дела в Москве, П. Гордон ненадолго заехал в Севск и в конце 1678 г. прибыл в Киев. Начался новый период его военной службы.

Семья генерала (его вторая жена Элизабет Ронауэр и сыновья) некоторое время продолжала жить в Севске, но затем переехала в Киев. Дом, построенный П. Гордоном за собственные средства, после отъезда семьи был "взят на Великого Государя для постоя боярам и воеводам, как они с полками бывают в Севску". В частности, в этом доме проживал боярин князь В.В. Голицын в свою бытность в Севске в 1681 г. Однако материальной компенсации за дом и надворные постройки прежний владелец не получил, что побудило его в конце 1681 г. обратиться с челобитьем к царю с просьбой "тот… двор в Севску оценить и по оценке" за него "деньги выдать", поскольку, по словам П. Гордона, его сослуживцы, "которые со мною вместе дворы строили, и оне свои дворы попродали". Бояре, рассмотрев челобитную, послали в сентябре 1681 г. распоряжение севскому воеводе Л.Р. Неплюеву провести расследование, в ходе которого подтвердился факт строительства дома и надворных построек П. Гордоном за собственные средства. Однако события 1682 г. (смерть царя Федора Алексеевича и стрелецкое восстание) отодвинули решение по этому делу на задний план. В январе 1684 г. П. Гордон, уже в чине генерал-поручика, вновь напомнил о нем в своей челобитной на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей, оценив свои расходы суммой в 150 рублей, но окончательного решения дела не сохранилось. Можно предполагать, что просимую компенсацию П. Гордон получил. Дело в том, что именно в 1684 г. во время приезда генерала в Москву (по пути он дважды ненадолго останавливался в Севске) у него сложились довольно дружеские отношения со знакомым уже ему боярином князем В.В. Голицыным, бывшим фактически главой правительства царевны Софьи. По поручению В.В. Голицына П. Гордоном была подготовлена обстоятельная докладная записка с изложением соображений об отношениях России с Речью Посполитой и Османской империей. Им была, в частности, высказана идея о необходимости завоевания Крымского ханства, без чего невозможно обеспечить устойчивость русских границ на юге.

Жизнь и служба в Киеве были заполнены разнообразной деятельностью, поскольку на П. Гордона возложили и обязанности коменданта города, но не приносили большого удовлетворения, так как сам Киев в то время был удаленным от столичной жизни окраинным городом. П. Гордон продолжал стремиться на родину, однако на новую челобитную получил решительный отказ. Ему лишь позволили в 1686 г. совершить краткую поездку в Англию и Шотландию, но семья его должна была оставаться в Киеве. Вернувшись, П. Гордон вновь подал прошение об отставке, что вызвало раздражение властей. Оно стало еще больше, когда с просьбой отпустить П. Гордона на родину обратился сам король Англии Яков II. Царским указом П. Гордон был лишен генеральского звания и разжалован в младший офицерский чин поручика. Для заслуженного генерала, которому перевалило за 50 лет, такое решение было прямым оскорблением, но возмущение могло закончиться ссылкой в Сибирь. Внешне смирившись, П. Гордон взял назад свою челобитную. Тем временем от короля Якова II прибыло новое письмо, в котором сообщалось, что генерал П.Л. Гордон назначается послом Британии при московском правительстве. Возник непредвиденный дипломатический казус. Чтобы выйти из него без осложнений, правительство царевны Софьи вернуло П. Гордону прежнюю должность и генеральское звание, но повелело "послом не принимать" под предлогом предстоящего участия в большом походе.

Известный Крымский поход 1687 г. под руководством боярина князя В.В. Голицына, в котором участвовал П. Гордон, не принес для России решающего успеха, но в лучшую сторону изменил положение П. Гордона. В сентябре 1687 г. ему было присвоено звание полного генерала, а затем Петра Ивановича (так его теперь всегда именовали в официальных документах) перевели на службу в Москву и назначили командиром Бутырского выборного солдатского полка. В столичную Немецкую слободу переехала и семья генерала.

Участвовал генерал П. Гордон со своим Бутырским полком и во втором крымском походе 1689 г., а при отходе армии боярина В.В. Голицына от Перекопа командовал арьергардом и успешно отразил все наскоки отдельных татарских конных отрядов. На время этого похода приходится последнее кратковременное посещение П. Гордоном Севска. В том же году в период политического противостояния царевны Софьи и царя Петра генерал оказал поддержку молодому царю, с которым успел лично познакомиться в 1688 г. при посещении Петром Немецкой слободы. Переход лучшего в России солдатского Бутырского полка во главе со своим командиром на сторону Петра стал "решающим переломом" в ходе событий.

Последнее десятилетие жизни П. Гордона уже не было связано с Севском, но именно в 1690-е гг. его место в военно-политической жизни России стало особенно значительным. Он вошел в ближайшее окружение Петра I, не только участвуя в многочисленных развлечениях и празднествах молодого царя, но и являясь его военным наставником, чему способствовали весьма обширные познания П. Гордона в различных областях военного искусства, его большой личный боевой опыт. Оставаясь командиром Бутырского полка, П. Гордон по распоряжению Петра I начал руководить обучением Преображенского и Семеновского полков, организовывал и возглавлял столь любимые царем "марсовы потехи" – военные учения, вплоть до известных Кожуховских маневров 1694 г.

Не был чужд сухопутный генерал и военно-морским увлечениям Петра I. Он не раз приезжал в Переяславль, где строилась на Плещеевом озере учебная флотилия, сопровождал царя в его поездке в Архангельск, участвовал в военно-морских учениях на реке Москве, за что был удостоен адмиральского звания.

В 1695-1696 гг. П. Гордон был одним из главных руководителей русской армии во время Азовских походов, а после отъезда Петра I с "великим посольством" в Европу сумел силами солдатских полков подавить стрелецкое восстание в 1698 г., причем, стремясь предотвратить кровопролитие, он трижды

лично пытался убедить стрельцов прекратить мятеж и, лишь убедившись в тщетности этих попыток, приказал применить оружие. Не принимал он участия и в тех массовых пытках и казнях стрельцов, которые были проведены после возвращения Петра I.

В ноябре 1698 г. П. Гордон тяжело заболел, лишь изредка вставая с постели. 31 декабря он занес в свой "Дневник" последнюю запись, в которой выражал "благодарение Богу, что… смог приносить пользу столь долгое время". Петр I несколько раз посещал своего военного наставника во время болезни, а 29 октября 1699 г. царь "собственной рукой закрыл ему глаза, когда тот испустил дыхание". Похоронили П. Гордона с высшими государственными почестями при личном участии царя, всех бояр и генералов русской армии, послов иностранных государств, а также солдатских полков и тысяч москвичей и иностранцев.

В заключение приведем характеристику П. Гордона, данную австрийским дипломатом И.Г. Корбом: "Благоразумие, зрелая рассудительность и предусмотрительность во всем, заботливость украшали Гордона. Не гордясь своей известностью и отличаясь любезностью и приятностью обращения, Гордон особенно сумел привлечь на свою сторону московитов, по природе своей недоброжелательных к иностранцам… Часто величаемый государем именем "батюшка", почитаемый боярами, чествуемый думными, любезный дворянам и любимый чернью – он снискал себе всеобщее уважение".

Источники и литература

Гордон, П. Дневник. 1659-1667 / П. Гордон. – М., 2002.

Гордон, П. Дневник. 1677-1678 / П. Гордон. – М., 2003.

Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г. Ч. 1, 2. – М., 1892.

Брикнер, А.Г. Патрик Гордон и его дневник / А.Г. Брикнер. – СПб., 1878.

Кацура, А.В. Поединок чести. Дуэль в истории России / А.В. Кацура. – М., 1999.

Шишов, А.В. Знаменитые иностранцы на службе России / А.В. Шишов. – М., 2001.

В.П. Алексеев,
директор Брянского государственного объединенного краеведческого музея

Путешествие жиздринского купца в Палестину и Египет

Хожения были одним из самых популярных жанров русской средневековой литературы. В XIX в. количество путешественников, благодаря техническим усовершенствованиям – изобретению паровоза и парохода, а также политическим изменениям значительно увеличивается. Некоторые из них оставили после себя описания путешествий, которые представляют как исторический, так и литературный интерес.

Одним из таких поздних путешественников был жиздринский мещанин Онисим Симоченков. Рукопись с описанием его путешествия сохранилась в собрании Павла Никитича Тиханова, хранящемся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Общий объем рукописи, вместе с подшитыми с ней паспортом и письмами, составляет 247 листов. Онисим Симоченков был благочестивым человеком и давно хотел посетить святые места и особенно поклониться Живоносному Гробу. Этому препятствовали его торговые занятия и общественные обязанности. Наконец, в возрасте 34 лет, он нашел свободное время и получил у калужского губернатора разрешение на получение заграничого паспорта. Сопровождать его в дальнем путешествии вызвались жиздринские купеческие дети Федор Смирнов и Василий Маркасов.

2 августа 1857 г. Симоченков исповедовался в своих грехах у соборного протоиерея Иоанна Олерова и последний раз прослушал соборную литургию, которой он «…много насладился и после, в продолжении моего путешествия, такого пения редко где мог слышать, исключая Киев и Одессу». Утром 3 августа родные и знакомые помолились перед иконами с зажженными свечами, паломник простился с престарелой матерью, сел на повозку, проехал мимо любимого Александровского собора, пока лес не скрыл «отечественный наш город». В шести верстах от Жиздры путники свернули к небольшому леску, где жил отшельник Иоанн, и простились с ним. Тут с ними случилось первое происшествие: пока разговаривали с отшельником, ушла лошадь. С большим трудом ее догнали в двух верстах.

Дальнейшее повествование посвящено Брянской земле, на которой автор неоднократно бывал раньше. «Имели предметом заехать в Белобережскую пустынь. Ибо к этой пустыни еще с детства привлекалось мое сердце. И поныне нравится своим строгим уставом и чиноположением, как в церкви, трапезе и на послушаниях монастырских. В России во многих монастырях я бывал, но равного с ней чиноположения редко, где мог видеть. В этой обители братии до 150 человек и внешностно во всем приличествуют монашеской жизни». В тот же день прибыли в Брянск, где переночевали на постоялом дворе. 5 августа, утром пошел сильный дождь. Но, тем не менее, двинулись дальше. Проезжая мимо Свенского монастыря, решили поклониться иконе Свенской Божией Матери. В храме службы не было, но зато помолились в часовне на месте явления иконы. В монастырь зашли вдвоем, а третьего спутника послали вперед. Он же, не зная дороги, пошел по другой, и им пришлось его ожидать. 6 августа прибыли в местечко Почеп. Следующая остановка была в Стародубе. Во многих заметках автора чувствуется состояние духовного подъема и очищения, наполнившего его во время путешествия. В связи с прибытием в Стародуб, он пишет: «12 лет я каждый год бывал на ярмонке для покупки товаров и много я грешил, а ныне избег той сети».

Далее путь следовал через Чернигов к Киеву. На постоялых дворах останавливались редко, а ночевали у хорошей воды под вербой. «В таковой нравственной и выгодной комнате мы раскладались и разогревали свой дорожный самовар и пили чай с величайшим аппетитом, на огне готовили кушанье». Особенно хорошо путники чувствовали себя при луне. Во вторник 13 августа достигли Киева, где остановились у своего земляка. Посетили Лавру, пещеры. В Братском монастыре обратили внимание на могилу знаменитого путешественника Василия Барского, значительную часть маршрута которого им предстояло пройти. Вероятно, Симоченков читал книгу Барского о его путешествиях. В Киеве путники получили благословение у митрополита Филарета, выпускника Севской семинарии. По пути назад они уже не застали этого известного по всей России святителя живым. Далее их путь проходил через Васильков, Белую Церковь и Умань. 26 августа прибыли в Одессу, которая встретила их иллюминацией в честь коронования Александра II. 2 сентября в губернаторской канцелярии они получили заграничные паспорта, за что было уплачено по рублю серебром. Однако билет на пароход им удалось приобрести только на 10 сентября. Билеты были куплены самые дешевые - на палубу по 5 рублей. Билет в каюту 3-го класса стоил 7 руб., 2-го -18 руб., а первого - 28 руб. серебром. С собой разрешалось взять три пуда клади. Наконец пароход ««Церера» вынул якорь, Одесса убегала от нас. Прости, мать Россия, богом благословенная, прости Отечество». Так в задумчивости, сидя у борта, думал жиздринский купец. Кожаное пальто защищало его от ветра и морских пенистых брызг больших волн. Вскоре началось «возмущение внутренностей и кружение в голове, сильная рвота». Путь до Константинополя занял 42 часа. В 9 часов утра 12 сентября судно вступило в Босфор, окруженный прекрасными турецкими домами и садами, и остановилось напротив посольского двора, где передало почту. Симоченков отправил письмо своей матери в Жиздру. Путники увидели великолепное зрелище: множество пароходов, турок с большими чалмами в пестрых ситцевых одеждах, «множество

куполов. Особенно против прочих возвышалась св. София..., но ныне не без скорби и не без тяжелого вздоха взглянуть православному христианину на те огромные купола, на которые вместо креста господня, поставлены полумесяцы». Первыми их встретили таможенные осмотрщики, но путники заявили, что у них никаких товаров нет и пошлины платить не с чего. Переводчик посоветовал дать бакшиш, «чем допустить их погаными руками перебирать христианские вещи».

При первом же посещении греческой Николаевской церкви путешественники «были удивлены тем, чего в нашей благословенной России никогда не увидишь. Греки православного вероисповедания стояли в храме в красных шапках, наподобие колпаков, и к каждой пришита черная кисточка. Они называют их фесками. Странно тогда было видеть, как простой народ ходил около царских дверей». 14 сентября паломники отправились к Живоносному источнику. Дорога шла кривыми улицами, безобразно вымощенными. Повсюду нечистоты и навоз, стаи собак. Теснота часто приводила к пожарам. Куда исчезла красота города, которую видели с Босфора?

Жиздринцы осмотрели другие достопримечательности Константинополя: Влахернский источник, патриархат. В главную святыню – св. Софию, к их большому сожалению, турки не пустили. В русском посольстве помогли раздобыть фирман на посещение султанского дворца и Софии. Турок, служитель дворца, провел их по дворцовым покоям, устланным циновками и дорогими коврами, показал султанские драгоценности, провел через дворы с фонтанами. В арсенале, бывшей церкви св. Ирины, осмотрели коллекции оружия: сабли, стрелы, луки, ружья, пистолеты, шлемы. В Софии было приказано снять с ног сапоги. В храме было много турок, но Симоченков перекрестился и помолился. Он взглянул и удивился: «Боже мой! Какая рука созидала таковой величественный храм! Не что иное, как премудрость божия! Стены из мрамора и усыпаны драгой мозаикой. Величественный купол. Внутри гора золота. Стороны правая и левая двухэтажные, поддерживаются огромными мраморными

столбами. Где был православный алтарь – место возвышенное, как бывает в наших церквах. Место все устлано камышовыми циновками, на которых сидели турки и турчанки, принося скверные свои молитвы. Жалко и сострадательно было смотреть на величественный и опустошенный храм, в котором послы Владимира, внимая божественной литургии, слышали ангелов поющих трисвятую песнь…но к утешению православных христиан в царственной Софии остались знаки неизгладимые: над алтарным полукуполом была изображена в человеческий рост Матерь Божя, каковое изображение турки старались разгладить, но не могли, и поныне от лица ея видно сияние ... довольно посмотрели величественный храм, поболевши о нем, что владеют им поганые турки. Но есть не по силе их, пришлось завладеть такою святынею, а на это была воля божья». Путешественник отметил особенности наружной архитектуры: множество пристроек закрывало основной объем и уменьшало величественность здания.

20 сентября были приобретены билеты на французский пароход до Яффы. Билет стоил 14 руб. Любознательный путешественник отмечал не только христианские святыни, но и античные древности: место знаменитого города Трои, подробно пишет об одном из семи чудес света - о родосском колоссе – медной статуе ученика Линта высотой в 70 локтей, палец которого редко кто мог обхватить двумя руками. Сравниваются обычаи местных жителей с русскими: увидев ожесточенную драку торговцев на одном из базаров, Симоченков пишет, что в России такого бы не допустили.

Пароход останавливался в Александриетте, где путники искупались в море, Лаодикее, Триполи, Бейруте. В этом городе было множество лавок с разными товарами, продававшимися по недорогим ценам. Галеты из хорошей муки продавали по два с половиной лева за око, сыр - по 6 левов за око. «Разливали благоухание» крытые фруктовые базары. На берегу стояли склады для товаров. Вдоль узких переулков теснились дома из дикого тесаного камня. Путешественники отправились в русское кон-

сульство и попросили дать им проводника к тому месту, где святой Георгий убил змея и спас царевну. По пути к развалинам башни, где произошло это чудо, встречались вооруженные арабы.

3 октября в половине девятого часа утра пароход прибыл в Яффу и бросил якорь в двух верстах от берега. К нему подплыло множество арабов на лодках. "Каждый желал быть первыми, между ними крики и вопли, некоторые наскакали на пароход, тащили к себе пассажиров. Капитан приказал их гнать с парохода палками. В спешке бросали вещи на лодки, некоторые падали в воду, арабы хватали вещи и даже самих пассажиров в охапку или на плечи и выносили их на берег, они шумели, лопотали, бегали подобно муравьям. За переноску требовали бакшиш несообразно работе…и за всем этим хаосом пропажи не оказалось». В Яффе консул забрал у них русские паспорта, а на проживание в Иерусалиме дал разрешение на арабском языке. И от каждого путешественника взял на сохранение деньги – не менее трех российских полуимпериалов

В Иерусалим отправились на огромных страшных верблюдах. «Как было странно смотреть на тех извощиков в сравнении с русскими, как бывают при всей исправности обуты и одеты. На руках рукавицы, на голове шапки, ну все хорошо, а яффские извощики были полунагими, на ногах подвязаны изорванные портки, а некоторые и того не имеют, а в одной рубахе, без порток, широкий красный пояс всяк имеет, голова обернута чалмою, сами худые, истощенные, верблюды их тоже худые, истертые до костей седлами и на все это смотреть не без удивления. Тогда вспомнишь про матушку Россию, что она имеет».

От Яффы до Иерусалима 60 верст. Такое расстояние можно было бы преодолеть и пешком, но из-за частых грабежей арабов это запрещено. Местность по которой ехали была веселой. Кругом сады с лимонами, апельсинами и померанцами. На полях арабы пахали, вдали виднелись горы с селениями и стадами коз. По долине двигалось множество караванов верблюдов. Арабы были вооружены пистолетами, саблями, пиками, дуби-

нами. По пути останавливались на подворье греческого монастыря в Рамле. Здесь они удивились, что вместо колоколов звонили молоточками в деревянную доску и в подвешенную железную дугу. Дальше путь был труднее. «Наши скоты на которых мы сидели, ступали ногами с осмотрительностью и как бы чувствуя, чтобы не упасть вместе с человеком, я удивлялся их осторожности. Привесть туда русскую лошадь, она не может пройти не повредив себе.» В Эммаусе был дождь – первый за все лето от апреля. При подходе к Иерусалиму благоговение возрастало. Увидев город, Симоненков сошел на землю и поклонился. Русские паломники, ехавшие порознь, теперь собрались все вместе. Их насчитывалось около 60 человек.

9 октября 1857 года в 2 часа дня въехали в Яффские ворота. В патриаршем монастыре их встретили греческие монахи, которые отвели в залу без мебели, но с циновками и ситцевыми подушками. Русским людям было непривычно сидеть, поджав ноги. Их угостили виноградным вином, чашкой кофе, горсткой изюма. Греческий архимандрит по-русски поздравил с прибытием. Вечерняя трапеза состояла из маслин, похлебки из сарачинского пшена, пшеничного хлеба и виноградного вина. На следующее утро они проснулись с ударами колокола. Их отвели в особую комнату, где два инока, один с большим медным тазом, а другой с умывальником теплой воды подходили к каждому и мылом и водой умывали ноги. Имена прибывших были записаны в патриаршем синодике.

В 2 часа дня отправились в главную святыню христианства - храм Воскресения Господня. Величественные железные врата уже были отперты. Православные люди были огорчены, увидев слева от входа сидевших на коврах турок, хранителей ключей. Они были в чалмах, с трубками в руках. Перед ними стояли чашки с кофе. Паломники благоговейно обошли храм, через небольшую низкую дверь вошли в погребальную пещеру, где несколько раз приложились к святыне. Монах, находившийся у гроба, лил из сосуда на руки паломникам благоуханную воду. «…Часовня гроба господня находится в западной части хра-

ма, на обширной площадке из дикой скалы, обложенной мрамором, три стороны гроба не отделяются от скалы, сверху он закрыт мраморной доской ...перед гробом 36 лампад, 13 - греческих, остальные - прочих вероисповеданий. В великую субботу все они погашаются до получения новоблагодатного огня. В 6 часов вечера турки заперли паломников в храме. На ужин им дали сыр, селедку, кашицу из риса и по чашке вина. После трапезы отправились в ризницу, где записали себя и жертвовали, кто сколько мог. После этого каждый выбрал себе место, где читали молитвы. Симоченков уединился на Голгофе, где прочитал канон и акафист страстям Христовым, потом у гроба прочитал из Евангелия от Иоанна. Тут в церковь застучали и позвали на утреню. В 3 часа угостили изюмом и лозным вином. В 6 часов утра турки отперли двери. Паломников разместили жить в Михайловском монастыре, в келье на 4 человека. За проживание до пасхи они должны были заплатить по 3 рубля. После осмотра иерусалимских святынь, отправились к митрополиту Мелетию попросить благословения на путешествие в Синай. Митрополита не было, но к удивлению русских он прибыл пешочком, а не в карете, как русские иерархи.

Из Яффы пароходом прибыли в Александрию. В этом городе были широкие улицы с домами до 5 этажей. 23 октября по каналу отплыли к городу Махмудие. В Египте Симоченков опять отмечает местные обычаи: «Арабы по своему закону мыли зад и тайные уды, некоторые без зазрения совести, при многолюдстве садились для испражнений. Негодные арабы все в длинных больших рубахах, бес порток, некоторые не имели верхнего плаща». В городе нечистоты от многочисленных рабочих, копавших землю. 26 октября паломники были на приеме у патриарха в Каире, где им поднесли кофе и кренделя. Симоченков отметил особенности коптской иконописи: как и у армян «…иконы не искусны, и лицом широкообразны и бледны, руки и ноги несообразно толстые».

Побывали жиздринские путешественники и на самых знаменитых из чудес света – египетских пирамидах. С зажжен-

ными свечами они вошли в квадратный коридор, дошли до небольшого помещения, откуда по разломанным камням поднялись вверх, пока не остановились, как бы перед колодцем. Тут на путешественника напал страх и ужас: «Не обрушится ли сию минуту это огромное здание?» На память написал на пирамиде свое имя. Трое путешественников рискнуло по камням, как по лестнице добраться до самого верха, но Симоченкову было страшно смотреть вниз даже с середины. По его прикидке длина одной стороны пирамиды составляла около 250 шагов, а высота – около 70 саженей. Причиной строительства пирамид он объяснил «безумием тех царей будто они оставляли по себе надгробный памятник… Я смотря на эти исполинские здания не получил для души нисколько пользы и протчим никому не советую быть там по следующим причинам, во первых: надо тратить напрасно время, во вторых истощевать без пользы капитал, в третьих – надо иметь страх и трепет от бедуинов, что и случаются грабежи».

Путники поднялись на гору Синай, где Симоченков испытал страх, после посетили Вифлеем, монастырь Саввы Освященного. Страстную неделю они провели в Иерусалиме, где 23 марта 1858 г. встретили пасху. 3 апреля 1858 г. паломники выехали из Иерусалима. Путешествие по Святым местам привело к изменению жизненного пути Онисима Симоченкова. Он пишет письмо к иеромонаху Израилю настоятелю Карачевского Одрина монастыря с просьбой оказать помощь в выборе старца духовника и принимает монашество с именем Авраамия в Мценском монастыре. Его мирские занятия торговлей, финансовый опыт пригодились и в монастыре, где его назначили казначеем.

Святые места описывались многими русскими путешественниками, но рукопись Симоченкова интересна не только теми конкретными сведениями, которые в ней содержатся, но и ярко выраженным в ней мироощущением простого русского человека.

Источники

РНБ. Рукописный отдел Ф. 777 оп. 3 е.х. 992.

Н.В. Мартынцева,
к.и.н., старший преподаватель Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

Материалы для родословной Н.С. Лескова
(по документам государственного архива Брянской области)

В 2006 г. отмечается 175 лет со дня рождения замечательного русского писателя второй половины XIX в. Николая Семеновича Лескова (1831 – 1895).

Известно, что сам писатель с Брянщиной не связан – родился не здесь, никогда в наших краях не был, но на Брянской земле, в с. Лески Навлинского района (до революции – Карачевского уезда Орловской губернии), издавна жили его предки по отцу, служившие священниками в местной церкви. Как вспоминал сам Н.С. Лесков, "мой дед, священник Димитрий Лесков, и его отец, дед и прадед, все были священниками в селе Лесках, которое находится в Карачевском или Трубчевском уезде Орловской губернии. От этого села Лески и вышла наша родовая фамилия – Лесковы". [1]

По словам А.Н. Лескова, сына писателя, о родне с отцовской стороны в семье знали мало, "бабки по отцу точно и вовсе не было; даже имя ее не сбереглось". На то были свои причины: отец писателя по окончании Севской духовной семинарии, в 1808 или 1809 г., был изгнан отцом из дома за нежелание быть священником, больше никогда в родном селе не бывал и вспоминать о нем не любил. [2] Рассказ Н.С. Лескова об этом событии – практически единственный источник сведений о семье его деда: "Отец мой, Семен Дмитриевич Лесков, не пошел в попы, а пресек свою духовную карьеру тотчас же по окончании курса наук в Севской семинарии. Это, говорили, будто очень огорчило

деда и едва ли не свело его в могилу. Огорчение имело тем большее место, что места сдать было некому, потому что другой брат моего отца, а мой дядя, был убит в каком-то семинарском побоище и из-за какого-то ничтожного повода… Место было передано зятю, то есть мужу матушки Пелагеи Дмитриевны, который вскоре умер, и левитский род Лесковых в селе Лесках пресекся". [3] Согласно воспоминаниям А.Н. Лескова, Дмитрий Лесков скончался в родном селе в самом начале 1820-х гг., следом там же умерла его жена. [4]

Я решила узнать, сохранились ли в документах государственного архива Брянской области (далее – ГАБО) какие-либо сведения о предках Н.С. Лескова по отцовской линии, малоизвестных даже ему самому. Выяснилось, что метрических книг церкви с. Лески за вторую половину XVIII – первую половину XIX в. в ГАБО, к сожалению, не сохранилось, однако имеются ревизские сказки священнослужителей Карачевского уезда за 1795 и 1815 гг. (т.е. 5 и 7 ревизий). В них удалось обнаружить ряд сведений о предках и родственниках писателя.

Так, в ревизской сказке причта двуприходной Казанской церкви с. Лески Карачевской округи от 7 июня 1795 г. одним из священников значится **Петр Тимофеев** (фамилия не указана), умерший в 1786 г. Его жена – **Пелагея Ульянова**, умершая в 1785 г., их дети – **Дмитрий Петров**, 30 лет (т.е. 1765 г. рождения), "произведен в оное село во священники в 1790 г."; Праскева, выданная в замужество в 1785 г. в с. Павлово Дмитровской округи за дьячка Григория; Марья, выданная в замужество в 1787 г. за пономаря Дмитровской округи (село не указано) Савву Изотова. Дмитрий Петров был женат на **Марфе Ивановой** (возраст не указан), дочери священника села Бутре Карачевской округи, и растил двух сыновей – Алексея, 6 лет (т.е. 1789 г. рождения), и **Семена**, 4 лет (т.е. 1791 г. рождения). [5]

В ревизской сказке причта уже одноприходной Казанской церкви с. Лески за декабрь 1815 г. священник Дмитрий Петров (фамилия по-прежнему не указана), 50 лет, числится заштатным. Штатным священником значится Максим Попов, 25 лет, сын

диакона с. Воронца Кромской округи Захария Иванова, во время прошлой ревизии 1811 г. находившийся в семинарии, а "в оное село во священники произведен в 1812 г.". Его жена – Пелагея Дмитриева, 17 лет (т.е. 1798 г. рождения). [6] Как мы знаем, это – дочь Дмитрия Петрова. Других его родственников в данной ревизской сказке не значится. Судьба сыновей нам известна по воспоминаниям писателя (старший убит в семинарии, младший выгнан из дома), жена же, по-видимому, уже умерла, а, значит, сведения А.Н. Лескова о том, что его прабабушка скончалась после прадедушки, неточны.

Не совсем верны семейные воспоминания и в том, что зять Дмитрия Лескова умер вскоре после того, как стал священником церкви с. Лески. В ведомости о церкви с. Лески за 1841 г. священником значится Петр Павлов Лучезаров, произведенный сюда священником 24 декабря 1829 г. Среди причта числятся "бывшего в сем причте священника Максима Попова жена" Пелагея Димитриева, 43 лет, жившая в своем доме "на питании оставшегося после мужа имения", и ее дочь Александра, 16 лет (т.е. 1825 г. рождения). [7] Следовательно, вероятнее всего, М. Попов умер в промежутке 1825-1829 гг., прослужив священником 13-17 лет.

Благодаря указанию в ревизской сказке причта церкви с. Лески от 7 июня 1795 г. на отца жены Дмитрия Петрова удалось найти ряд сведений о семье бабушки Н.С. Лескова. В ревизской сказке причта одноприходной церкви Преображения Господня с. Бутре Карачевской округи от 11 марта 1795 г. священником значится **Иван Алексеев** (фамилия не указана), 55 лет (т.е. 1740 г. рождения), женатый на **Евдокии Дмитриевой**, 55 лет (т.е. 1740 г. рождения). У них значится пятеро детей – Петр, "по бывшему в 1784 г. разбору выбыл в крестьяне", **Марфа**, "выдана в замужество в 1784 г. Севской семинарии за дьячка Дмитрия Лескова [это единственная запись с указанием его фамилии – Н.М.]", Сергий, "в 1790 г. отбыл оной же округи в село Чичково во дьячка", Иван, 15 лет, в Севской семинарии, Григорий, 9 лет. [8] В ревизской сказке священнослужителей с. Бутре за декабрь

1815 г. Иван Алексеевич и его родные не значатся. Вероятно, он и его жена уже умерли, а младшие сыновья были назначены в другие приходы.

Ряд сведений о брате бабушки писателя, пономаре Сергее Иванове, и его семье имеется в ревизских сказках священнослужителей церкви Знамения Пресвятой Богородицы с. Чичкова Карачевской округи за 1795 и 1815 гг., а также в ведомости о церкви с. Чичково за 1841 г., но установить его фамилию (а, значит, и девичью фамилию бабушки писателя) не удается, так как Сергей Иванов и его дети везде записаны еще без фамилии. Метрических книг церквей сел Бутре и Чичково за конец XVIII – первую половину XIX вв., где могли быть, в частности, сведения о фамилии Ивана Алексеевича или Сергея Ивановича, в ГАБО не сохранилось.

Таким образом, по документам ГАБО удалось собрать следующие главные материалы для родословной писателя Н.С. Лескова по отцовской линии:

1) уточнен год рождения отца писателя, Семена Дмитриевича Лескова, – 1791 г.; это тем более важно, что, по воспоминаниям А.Н. Лескова, документов, которые устанавливали бы точную дату его рождения, не сохранилось, а в семье считали, что он родился в 1789 г. [9];

2) уточнены года рождения дяди и тети писателя – Алексея Дмитриевича Лескова (1789 г.) и Пелагеи Дмитриевны Лесковой, в замужестве Поповой (1798 г.);

3) уточнен ряд сведений о дедушке писателя, Дмитрии Петровиче Лескове, – родился в 1765 г. в семье священника с. Лески, женился в 1784 г., с 1790 г. до 1812 г. служил штатным священником в с. Лески, после 1812 г. – заштатный священник, умер после 1815 г.;

4) установлены имя и ряд сведений о бабушке писателя, жене Дмитрия Петровича Лескова, – звали ее Марфа Ивановна, родилась она в 1760-х гг. в семье священника с. Бутре, вышла замуж в 1784 г., предположительно умерла в промежутке 1795-1815 гг.;

5) установлены имена и частично годы жизни прабабушек и прадедушек писателя – священника с. Лески Петра Тимофеевича Лескова (умер в 1786 г. в с. Лески) и его жены Пелагеи Ульяновны (умерла в 1785 г. в с. Лески), а также священника с. Бутре Ивана Алексеевича (фамилию, к сожалению, определить не удалось) и его жены Евдокии Дмитриевны (оба 1740 г. рождения, предположительно умерли в промежутке 1795-1815 гг. в с. Бутре).

В завершение хочется добавить, что рассмотренная ветвь рода Лесковых – не единственная из духовного сословия с. Лески. В церкви данного села служили и другие представители этой фамилии. Встречаются Лесковы и среди мещан г. Карачева. Наличие или отсутствие у них родственных связей с предками писателя еще предстоит установить.

Примечания

1. Лесков, А.Н. Жизнь Николая Лескова : по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2-х т. – М., 1984. - Т. 1– С. 39.
2. См.: Лесков А.Н. Ук. соч. Т. 1. – С. 53, 76, 77.
3. Лесков А.Н. Ук. соч. Т. 1. – С. 40.
4. Лесков А.Н. Ук. соч. Т. 1. – С. 54.
5. ГАБО, ф. 23, оп. 2, д. 14, л. 510.
6. ГАБО, ф. 23, оп. 2, д. 23, лл. 155, 156 об. - 157.
7. ГАБО, ф. 247, оп. 1, д. 147, л. 181 об.
8. ГАБО, ф. 23, оп. 2, д. 14, л. 512.
9. См.: Лесков А.Н. Ук. соч. Т. 1. – С. 53.

В.А. Бобков,
к.и.н., преподаватель Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

Н.Г. Высочанский – работа на Брянском арсенале

Николай Григорьевич Высочанский родился в 1874 году в с. Смела Черкасского уезда Киевской губернии. На дворянскую стипендию ему удаётся поступить в Киевский кадетский корпус, а по его окончании - в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. [1]

Николай Григорьевич затем служил в 3-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде, дислоцированной в Варшаве. Но гвардейские требования (собственная верховая лошадь, именной серебряный прибор в офицерском собрании и многое другое) было невозможно совместить с жалким офицерским жалованием. В результате при первой же формальной возможности Николай Григорьевич держит экзамен в Михайловскую артиллерийскую академию и блестяще её оканчивает.

Как военный инженер-технолог Николай Григорьевич мог найти подходящую работу только на казённых артиллерийских заводах в Петербурге, Киеве или Брянске. Отсутствие собственных средств и необходимость жить только на скудное жалование заставили его выбрать наиболее дешёвый по образу жизни город, и он получил назначение в Брянский арсенал, где с увлечением организовал и возглавил металлографическую лабораторию. [2]

Из списка генералу, штаб и обер офицерам и классным чинам Брянского местного арсенала за 12 февраля 1907 г. видно, что Гвардии Капитан Николай Григорьевич Высочанский состоит на службе с 20 августа 1900 г., с 20 апреля 1904 г. назначен на должность начальника кузнечной мастерской. [3]

Н.Г. Высочанский был хорошим металлургом, автором многочисленных статей о свойствах разных металлов. Статьи эти он сам переводил на французский язык, которым им он владел в совершенстве - и печатал в парижском журнале «Ревю де металлуржи». Печатались эти статьи и в России, но гораздо реже, чем во Франции. [4]

Ярко иллюстрирует научный потенциал Н.Г. Высочанского его «Заметка по поводу статьи Д.К. Чернова о выгорании каналов в стальных орудиях» помещённая в "Артиллерийском журнале" за май 1914 г. [5]

В заметке Николай Григорьевич переносит явление, происходящее в каналах орудий (трещины) на штампы при штамповке стали, где протекают аналогичные процессы, в результате упрощается их исследование. [6]

В заключении он указывает: «настоящая заметка имеет целью обратить внимание лиц, интересующихся вопросами о выгорании метала в каннах орудий:

1. На необходимость ввести в дело изучения этого вопроса микроскопический анализ, который, как и в случае со штампами, будет способствовать более рациональному, и глубокому освещению вопроса.

2. На возможность начать изучение этого вопроса с изучения такого же явления в штампах. Исследования этого вопроса на штампах может привести к правильному выбору материалов для штампов, что может быть первым шагом к надлежащему решению вопроса о выборе материалов для каналов орудий. Опыты со штампами легко и удобно выполняемые и не дорогостоящие, во всяком случае, должны облегчить и ускорить решение вопроса о разгорании каналов в остальных орудиях». [7]

А вот, что писал о данном вопросе преподаватель Михайловской академии Д.К. Чернов: «параграф о стойкости стали против разрушительного действия пороховых газов, или о так называемом выгорании каналов стальных орудий при стрельбе… в русской литературе этот вопрос не разобран, я обратился к поискам о нём в иностранной литературе. Оказалось, что

единственная до того времени серьёзная работа над этим вопросом была произведена тогдашним начальником Вуличского арсенала, полковником Мэтландом, совместно с химиком сэром Эбелем. Она была доложена в 1886 г. в общем, собрании английского института вместе со стенографически записанными по этому докладу» [8] . Но по признанию самих авторов данной работы ни химический состав, ни механические качества её не дают никаких определённых указаний на стойкость стали против выгорания.

В последствии в 1898 г., в Англии была произведена новая работа по этому же предмету, принадлежащая Роберту-Остену, доложенная в Стокгольме на митинге института железа и стали 6 августа 1898 г. Однако и в этой работе всё внимание было сосредоточено на термохимических, механических и структурных явлениях, и вовсе не уделено внимание физико-геометрическим явлениям, играющим главнейшую роль в данном вопросе, следовательно, и на этот раз вопрос остался невыясненным. [9]

Из русских учёных техников артиллеристов образования сетки на металле при движении горячих газов заряда давал на проведённых им примерах нагрева поверхности металла при помощи паяльника Михаил Николаевич Коробков (1891-1893 гг. - начальник Брянского арсенала). Но Михаил Николаевич скончался в 1914 г. [10]

Следовательно, Николай Григорьевич затрагивал тему, не разработанную не только в России, но даже во всём мире не было аналогичных исследований.

Дирекция Акционерного общества брянских заводов предлагала Николаю Григорьевичу перейти к ним на работу технологом на паровозостроительный бежицкий завод под Брянском, Николай Григорьевич, побывав там, познакомившись с бытом рабочих казарм и переговорив с Георгием Максимовичем Паустовским, работавшим на заводе статистиком, сразу заявил, что эта работа не для него. Он понимал, что служба на частном предприятии будет ставить его в полную зависимость от

«хозяина» и целью работы на «хозяина» будет только погоня за прибылью любой ценой, прежде всего путём потовыжимания рабочих. Между тем работа на бежицком заводе оплачивались немного выше, чем в арсенале. [11]

В 1914 г. Россия вступила в первую мировую войну. В конце 1914 г. стало ясно, что русская артиллерия из-за бездарной политики царского правительства не имеет снарядов. Была создана по распоряжению Ставки Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части, но дело с производством снарядов двигалось медленно.

Казённые заводы не могли покрыть потребности армии в снарядах. Решено было для изготовления снарядов привлечь частные заводы.

Тем временем главное артиллерийское управление создало специальную организацию уполномоченного ГАУ Генерал-майора С.Н. Ванкова. В январе 1915 г. в Россию прибыла французская миссия для оказания технической помощи по изготовлению цельнокорпусных гранат. Особая распорядительная комиссия одобрила это начинание. Для организации дела был назначен начальник Брянского арсенала генерал-майор С.Н. Ванков. Организация Ванкова вначале кооперировала 200 предприятий для исполнения заказа ГАУ, к концу 1916 г. их число было доведено до 300. Заводы, объединенные организацией Ванкова, составили 7 районов: Московский, Одесский, Киевский, Южный, Тамбовский, Петроградский, Ярославский. [12]

Но на первом этапе попытки наладить производство снарядов по «французскому образцу» одна за другой терпят неудачу, и Семён Николаевич Ванков поручает Н.Г. Высочанскому экспериментальный выпуск снарядов в Брянском арсенале. Очевидно, это относится к первым месяцам 1915 г. После внедрения несколько изменённой «французской технологии» успех был достигнут.

25 февраля 1915 г. начальник Брянского арсенала генерал-майор Ванков сделал доклад председателю Особой распоря-

дительной комиссии по артиллерийской части об организации изготовления снарядов французского образца.

В журнале Военного Совета от 9 апреля 1915 г. говорится о том, что Ванкову поручается, заготовить 1000000 фугаских гранат французского образца. Это был первый заказ. Всего Ванков за время с 1915 г. по 1917 г. получил 23 заказа.

Управление уполномоченного ГАУ по заготовлению снарядов французского образца вначале своего существования, до его юридического правления, состояло из одной канцелярии, в которой сосредотачивалось всё делопроизводство и вся переписка с частными заводами и предприятиями по заключению договоров на поставку снарядов. Затем из канцелярии стали выделяться отделы. Юридически Управление уполномоченного ГАУ было оформлено 22 апреля 1915 г. Оно занималось:

а) урегулированием очереди и порядка исполнения срочных заказов разных ведомств - морского, интендантского, инженерного и пр.;

б) освобождением рабочих-специалистов от призыва на службу в войска и возвращением заводам мастеровых – работников и запасных, находящихся в тыловых войсковых частях и командах;

в) урегулированием снабжения заводов топливом, материалами и машинами и оказанием им содействия в деле перевозки;

г) устранением всяких технических затруднений, встречавшихся при заводском производстве.

С организацией Управления и выделением их из канцелярии, в канцелярии осталось общее делопроизводство и переписка по общим вопросам с заведующими районами, с артиллерийскими приемщиками и поставщиками.

Из канцелярии выделилась и «статистическая часть», на неё было возложено распределение и точный учёт как материала, так и всех предметов снаряжения, изготовленных по заказам Уполномоченного. Впоследствии из статистической части создался Отдел распределения материалов. Французская миссия

состояла из специалистов – французов. К концу существования Управление насчитывало 25 человек. Члены миссии обследовали по указаниям Уполномоченного предприятия, которым можно было дать заказ, наблюдали на местах за ходом работ, налаживали производство, давали технические указания.

Технический отдел – ведал разработкой технологии производства снарядов, изготовлением чертежей, давал технические указания по оборудованию заводов, осуществлял техническое руководство предприятиями и браковщиками. Вёл учёт, проектирование и изготовление проверочного инструмента.

Бухгалтерия вела военную и коммерческую отчётность по денежной и материальной части.

Отдел личного состава ведал приёмом и записью кандидатов на должности в Управление: вёл переписку о прикомандировании офицеров, чиновников солдат; о приёме по вольному найму; выдавал удостоверения о службе; вёл подробный учёт личного состава, составлял проекты приказов по строевой части и рассылал их копии. Заведуя отделом личного состава, стоял во главе юридической части, которая являлась как бы подотделом отдела личного состава.

Юридическая часть занималась выяснением условий по заключению договоров, составлением проектов контрактов. Вела переписку с администрацией заводов по чисто юридическим вопросам; ведала хранением подлинников договоров; вела книги и ведомости по начислению неустоек.

Хозяйственная часть вела переписку с личным составом Управления и обеспечивала канцелярскими принадлежностями, бланками печатями приёмщиков и т.п.; об обеспечении личного состава денежными довольствами, разъездными, квартирными и другими деньгами.

Отдел по распределению солдат был образован приказом по Управлению от 1 февраля 1917 г. №32, в нём сосредотачивались все дела и переписка солдат – рабочих.

Отдел вёл учёт наличия воинских команд на заводах среднего района и учёт наличия солдат, распределения их по заводам.

После октябрьских событий, в связи с прекращением заказов на поставку снарядов и ликвидацией заказов, была создана ликвидационная часть, которая занялась производством расчётов с поставщиками.

Формально своё существование Управление уполномоченного закончило 20 декабря 1917 г., когда отношением Заводского совещания за №262-5864 предписывалось Ванкову немедленно закончить производство снарядов. Но так как покончить с развёрнутым и организованным производством было не так просто и для этого требовалось время, то Управление ещё просуществовало некоторое время, постепенно ликвидируя свои отряды и районы. Окончательно Управление уполномоченного ГАУ закончило своё существование в июне 1918 г., ликвидационная комиссия - в апреле 1919 г.

Что касается Николая Григорьевича, то с июня 1915 г. он назначается помощником (заместителем) по технической части уполномоченного ГАУ по производству снарядов по французскому образцу. [13]

В результате во второй половине 1916 г. Николай Григорьевич был награждён французским правительством офицерским орденом Почётного Легиона (2-й степени), русским правительством – орденом Владимира (3-й степени).

В мае 1917 г. умирает исполнявший обязанности начальника Брянского Арсенала Генерал-майор Лукашов Анатолий Николаевич и на его место назначается Николай Григорьевич. [14]

По возвращении из Петрограда Н.Г. Высочанский был принят рабочими организациями арсенала, да и общегородскими Брянскими организациями, вполне спокойно, без эксцессов и недоразумений.

Однако работать ему пришлось недолго. Сперва в Петрограде, а затем в Москве уже советским правительством было

создано Центральное Правление Артиллерийских заводов. Во главе этого правления оказался В.С. Михайлов. Николай Григорьевич был назначен помощником 2-го отдела этого правления – отдела боеприпасов. [15]

Так Н.Г. Высочанский расстался с Брянским Арсеналом. В дальнейшем судьба Николая Григорьевича сложилась трагично: по обвинению в связях с иностранными агентами он арестован 26 марта 1929 г., расстрелян 21 октября 1929 г. Реабилитирован 16 января 1989 г. (По материалам центрального архива ФСБ). [16]

Литература

1. Высочанский, С. Наша семья. Её прошлое // Мир Паустовского. - 2000. - №15-16. - С. 14.
2. Там же. С. 15.
3. Архив ВИМАИВ и ВС, Ф. 6. Оп. 73/8. Д. 132. Л. 1.
4. Паустовский, К. Дядя Коля и тётя Маруся (из книги «Повесть о жизни») // Мир Паустовского. - 2000. - №15-16. - С. 12.
5. Высочанский, Н. Заметка по поводу статьи Д.К. Чернова // Артиллерийский журнал. - 1914. - №5. - С. 585-587.
6. Там же. С. 585.
7. Там же. С. 587.
8. Чернов, Д.К. О выгорании каналов стальных орудий (Доложено в собрании русского металлургического общества 10 мая 1912 г.) // Артиллерийский журнал. - 1912. - №7. -С. 841.
9. Там же. С. 842.
10. Крылов, И. Воспоминание о Генерал-лейтенанте М.Н. Коробкове // Артиллерийский журнал. - 1914. - №5.- С. 612.
11. Высочанский, С. Указ., ст. - С. 19.
12. Бескровный, Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. - М., 1986. - С.104; История организации уполномоченного Главного артиллерийского Управления генерала С.Н. Ванкова по

производству снарядов по французскому образцу. 1915-1918 гг. - М., 1918. - С. 33-34.
13. Высочанский, С. Указ. ст. - С. 15.
14. Там же. - С. 16.
15. Там же. - С. 20.
16. Паустовский, К. Указ., ст. - С. 13.

Монахиня Сергия (Ежикова),
настоятельница Брянского
Петро-Павловского монастыря

Разрушенные храмы и часовни Брянского благочиния

Изучение истории храмов и часовен Брянского благочиния является составной частью изучения новейшей истории Брянской Епархии Русской Православной Церкви. Основным систематическим изследованием в этой области было Историческое описание церквей и монастырей Орловской Епархии, изданное в Орле в 1905 году. В то время территория Брянского уезда была разделена на пять благочиннических округов. В течение XX столетия административно-территориальное деление несколько раз существенно изменялось. В настоящее время в состав Брянского благочиния входят город Брянск и почти полностью Брянский и Выгоничский районы. Описанию истории храмов, находившихся на этой территории, за исключением храмов ныне действующих монастырей, и посвящено настоящее изследование. В него не вошло описание сохранившихся храмов, которое опубликовано в Брянском Православном календаре на 2006 год. В изследовании использованы труды брянских авторов: Крашенинникова В.В., Коваленко З.П., Осипенко Л.Ф., Алексеева В.П., Исайчикова Ф.С., Кизимовой С.П., Зубовой Е.М., архивные материалы Государственного архива Брянской

области и фондов Брянского государственного объединенного краеведческого музея, а также материалы других архивов и воспоминания местных жителей. Ввиду нарушения преемственности исторических изследований, гибели многих исторических документов из-за гонений на Русскую Православную Церковь и Великой Отечественной войны, это описание лишь предварительное, в нем могут быть приведены неточные данные, а в некоторых случаях необходимых данных не удалось пока найти. Надеемся, что эта тема привлечет и других изследователей, так как только соборным трудом можно возстановить утраченную историю.

Град Брянск
Центральный район

Кафедральный Собор в честь Покрова Пресвятой Богородицы

Собор находился в центре города, на главной Московской улице (ныне ул. Калинина), на холме, возвышавшемся над уровнем улицы на 5 сажень (1 сажень – 2,13 м). На этом холме находился Спасо-Поликарпов монастырь, основанный Преподобным Поликарпом Брянским в XVI в. и упраздненный в 1764 году. Вот как был описан Спасо-Поликарпов монастырь в писцовых книгах 1626-1628 годов: «Монастырь, что на Козьей степи на реке Десне, что против Стрелецкой слободы, а в нем **церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа и Рождества Пресвятые Богородицы да церковь Преподобного отца нашего Поликарпа, Брянского чудотворца** (древняя клетцка, ветха)». В Смутное время монастырь был разорен, затем возстановлен. Древний деревянный Преображенский храм был продан в с. Коростовку и на его месте около 1694 года построили двухэтажный каменный храм, в верхнем ярусе которого был Престол в честь Преображения Господня, а в нижнем – во имя Святого Мученика Иоанна Воина. Под Алтарем последнего позднее была основана усыпальница князей Барятинских. В это

же время над Святыми вратами построили каменную **колокольню**. В 1694 году князь Даниил Афанасьевич Барятинский начал строительство храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы, которое окончил его брат князь Алексей Афанасьевич Барятинский. Этот храм был освящен в 1697 году. В 1710 году был построен деревянный **храм во имя Святого Мученика Иоанна Воина,** который в 1730 году заменили на каменный.

В 1766 году монастырь был упразднен. Храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы с 1768 года стал приходским, остальные храмы и здания обители передали Тверскому карабинерскому полку. С 1779 года в келлиях монастыря размещалось Духовное Училище, в 1798 году переведенное в г. Севск. Монастырские здания простояли до пожара 1845 года.

Брянским Кафедральным Собором издревле был Спасо-Преображенский на Владычних гробех храм. Вероятно, после упразднения Брянской кафедры (около 1500 года), Брянским Собором был наименован Покровский храм. Согласно указу Святейшего Правительствующего Синода Епископу Орловскому и Севскому Аполлосу от 12 ноября 1798 года Брянским Собором был наименован приходской Преображенский храм Поликарпова монастыря с оставлением прежнего названия «Покровский Собор». В 1862 году храм в честь Преображения Господня был разобран и вместо него на средства городского головы купца Николая Алексеевича Вязьмитина в том же году началось строительство соборного храма. В 1875 году храм был вчерне окончен, но 16 июля этого года произошел страшный пожар, во время которого сгорел и обвалился купол вновь построенного храма. Храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы так пострадал от пожара, что его в 1881 году вследствие опасной трещины разобрали. На месте этого храма был поставлен каменный столп с надписью о времени его построения и освящения. От построек времени существования монастыря сохранилась лишь каменная шатровая колокольня, облик которой был изменен при реставрации после пожара.

В 1876 году был освящен правый придел Соборного храма во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца, в 1879 году – левый придел во имя Святого Мученика Иоанна Воина. Главный Престол в честь Преображения Господня был освящен в 1897 г. Во всех трех приделах были устроены мраморно-мозаичные иконостасы работы академика живописи В.Д. Фартусова. По преданию, близ левой стороны Собора почивали мощи Преподобного Поликарпа Брянского. В Соборе находилась древняя икона Преподобного Поликарпа с крестом от его вериг, икона просветителя Брянского края Священномученика Кукши с частицей его мощей, Евангелие и иконы XVII века. В ризнице Собора было устроено древлехранилище. Ежегодно из Собора совершалось несколько Крестных ходов: 1) в праздник Вознесения Господня – вокруг Собора; 2) 29 июня, в день памяти Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла – в Брянский Петро-Павловский монастырь; 3) 12 июля с иконой Божией Матери, именуемой «Троеручица» на молебен к городским лавкам; 4) 11 августа, с иконой Божией Матери, именуемой «Свенская», накануне переносимой из монастыря в Собор – вокруг всего города: этот Крестный ход совершался в память избавления от нашествия французов на г. Брянск в 1812 году; 5) 15/28 августа в Свенский монастырь; 6) 1 октября ежегодно в Собор приносилась на один месяц икона Божией Матери «Свенская».

В **часовне**, принадлежащей Собору, находилась чтимая икона Божией Матери «Троеручица». Ежегодный Крестный ход с этой иконой установлен в память следующего события. В сороковых годах XIX столетия 12 июля в г. Брянск была страшная гроза. Молния ударила и в то самое место, где висела Святая икона Божией Матери, именуемая «Троеручица», но пожара не произошло, хотя кругом вблизи был большой пожар.

При Соборе была женская церковно-приходская школа, две школы грамоты, духовная библиотека и читальня.

После образования в феврале 1920 года Брянской губернии, в декабре того же года была образована Брянская Епархия.

Покровский Собор стал Брянским Кафедральным Собором. В конце 1923 года за право заключить соглашение с органами власти на пользование Собором боролись Православная и обновленческая общины. В 1924 году Собор был закрыт. Утварь, имеющая художественно-историческую ценность, была передана губмузею, подризники – мехартзаводу для проведения карнавала, остальная церковная утварь была роздана общинам Смоленского, Троицкого, Воскресенского, Казанского старообрядческого и Серафимовского храмов. В Соборе долго размещался народный дом им. 25 октября (клуб с кинотеатром), антирелигиозный музей. Собор сильно пострадал в Великую Отечественную войну. В начале 1960-х годов его разрушили. Осталась древняя колокольня. Были предложения отреставрировать ее и передать музею, но 20 июля 1968 года по решению местной власти колокольню взорвали. На месте Покровского Собора стоит кино-концертный зал «Дружба». Рядом построена часовня в честь Покрова Пресвятой Богородицы, освященная в 2002 году.

Храм в честь Преображения Господня (Спасо-Гробовской)

После разгрома ханом Батыем Черниговского княжества в 1246 году в г. Брянск (Дебрянск) под защиту лесов и городских укреплений были перенесены из Чернигова резиденция князя, а также кафедра Епископа, которая находилась при храме Святого Спаса. Когда был построен этот храм – неизвестно. В писцовых книгах 1626-28 годов этот храм описан так: «В верхней посопной слободе церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа на Владычных гробех, древяна, попово строенье, в церкви – образ местный Преображения Господня, да в приделе церковь Преподобного Никона; около церкви кладбище в длину 30, поперек 15 сажен». В 1770-х годах храм сгорел, а в 1778 году построен новый деревянный храм.

В летописи Спасо-Гробовского храма упомянуто, что «означенный храм построен на гробах брянских Архипастырей Нектария и Нафанаила, поэтому этот храм называется с

давних пор «Спасо-Гробовским» или – «что на Владычних гробех». Когда Брянский собор из Спасо-Гробовского храма был переведен в древний Покровский храм – не известно. По всей вероятности, это совершилось вскоре по упразднении Брянской Епископской Кафедры (в 1500 году). Храм был приписан к Брянскому Петро-Павловскому монастырю. После строительства в 1904 году каменного Спасо-Гробовского храма, стоявший рядом старинный деревянный храм бережно сохранялся. Вокруг храмов был разбит фруктовый сад, усадебная земля обнесена оградой.

Решением Брянского окрисполкома №21 от 17 ноября 1929 года, оба храма – старый и новый – были закрыты для Богослужения и переданы под клуб для рабочих мехартзавода (Арсенала). Это решение было подтверждено постановлением Западного облисполкома №811 от 11 января 1930 года. Впоследствии деревянный храм был разрушен.

Храм в честь Рождества Христова

Храм в честь Рождества Христова – небольшой, каменный, крестообразной формы; построен в 1823 году вместо старого деревянного храма на средства брянского купца Некрасова. Гора, на которой он стоял, называлась Рождественской. В приходе имелась школа грамоты.

Решением Брянского окрисполкома №21 от 17 ноября 1929 года храм был закрыт и передан под общежитие медтехникума. Это решение было подтверждено постановлением Западного облисполкома №811 от 11 января 1930 года.

Во время Великой Отечественной войны храм был почти полностью разрушен. Затем его разобрали. В настоящее время на его месте стоит торговый центр «Дубрава».

Храм в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы

Построен в XVII веке на Рождественской горе трубчевским помещиком, имя которого неизвестно. Находился в одной

ограде с храмом в честь Рождества Христова. Причт в обоих храмах был один. Неоднократно перестраивался, вместо продолговатой формы получил вид Креста. В храме было три Престола: главный – в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, в правом приделе – в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, в левом приделе – во имя Великомученика Феодора Стратилата.

В начале 1920-х годов в Брянске был зарегистрирован старообрядческий приход, которому передали Казанский храм. В 1929 году старообрядческая община отказалась от храма и сдала имущество государству. 17 ноября 1929 года Брянский окрисполком решил закрыть Христо-Рождественский и старообрядческий храмы и передать их под общежитие медтехникума. Это решение было подтверждено постановлением Западного облисполкома №811 от 11 января 1930 года.

Хотя в Зарецкой слободе был древний Казанский храм, Л.Ф. Осипенко предполагает, что старообрядцам был передан именно Введенский храм, который стал называться Казанским. Поскольку храмы находились в одной ограде, их и могли вместе передать под общежитие. Казанский же храм в Зарецкой слободе находится на значительном разстоянии от храма в честь Рождества Христова, и передача его под общежитие вызывает сомнение. Пока не представляется возможным достоверно утверждать, при каком храме была зарегистрирована старообрядческая община.

Во время Великой Отечественной войны храм был почти полностью разрушен. Затем его разобрали. В настоящее время на его месте стоит торговый центр «Дубрава».

Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы

Согласно писцовым книгам 1622-1629 годов за городом Брянском на посаде в Нижней посопной слободе (район вокруг современного сквера Кравцова) «церковь древяна во имя Бориса и Глеба, около церкви кладбище». Храм, известный брянцам как «Никола Нижний», был построен на Нижней посопной слободе

за счет прихожан в 1732 году на месте старого, видимо, деревянного, во имя Святителя и Чудотворца Николая. Сохранилось прошение прихожан Федота Преженцова, Григория Гридина, Тихона Сомова, Ивана Кондратьева, Петра Андросова и священника Петра Макариева, где сказано: «Церковь мирского построения весьма обветшала, и вкладчики средств желают церковь своим коштом разобрать до фундамента и к возобновленной церкви пристроить трапезу и придельный Алтарь во имя Пресвятые Богородицы Ее образа Казанской, которого во Брянске и Брянском уезде не имеется».

Согласно Историческому описанию церквей и приходов города Брянска и Брянского уезда за 1905 год, страшное разорение от пожара, бывшего в 1762 году, надолго задержало постройку храма, так что она была окончена лишь в 1783 году. Первоначально в храме был один Престол – в честь Успения Пресвятой Богородицы. Но в 1792 г. на средства купца Василия Горбунова пристроен был к Успенскому храму теплый придел с двумя Престолами: во имя Святителя и Чудотворца Николая и во имя Святых князей-мучеников Бориса и Глеба.

По данным Л.Ф. Осипенко, в 1762 году храм сгорел. В 1783 году на его месте купец Горбунов заложил каменную церковь, и в 1792 году церковь освятили как Успенскую, т.к. в Брянске уже был храм, посвященный Святителю Николаю (Горне-Никольский). Но придел во имя Святителя Николая в церкви сохранили и старое название – церковь Николы Нижнего, в народе сохранилось.

Главной святыней храма была чудотворная икона Успения Пресвятой Богородицы, присланная из Киево-Печерской Лавры. Икона эта неизвестно кем была похищена и скрыта, и лишь через 130 лет (в 1893 году) Божиим промышлением старица Прасковья Петровна Николаева, которая призревалась в Сергиевской Богадельне в г. Орел, возвратила образ в храм. В приходе храма имелась церковно-приходская школа.

В начале 1927 года под предлогом нескольких краж, отсутствия охраны и задолженности был расторгнут договор с

общиной храма. Во ВЦИК поступила жалоба от прихожан, и Брянскому губисполкому пришлось объясняться, что «в момент расторжения договора с группой верующих Успенской церкви, последняя группа по своему составу делилась на два течения, староцерковное и обновленческое. Вновь договор заключен с обновленческой группой. Преимущество отдано этой группе в силу того, что храма обновленческого течения в городе Брянске нет, между тем староцерковных имеется шесть»[1].

Постановлением Западного облисполкома №1180 от 6 марта 1930 года храм был закрыт с целью использования его под гараж. Затем в нем находились склады, мебельный магазин, в начале 1970-х годов храм был разрушен.

Перед этим, постановлением того же исполкома №811 от 11 января 1930 года решено было закрыть **часовню при Никольской церкви** и приспособить ее под газетный и книжный киоски. Эта часовня, встроенная в ограду Успенского храма, хорошо видна на сохранившейся фотографии начала XX века.

Храм во Имя Святой Троицы

Каменный Троицкий храм на Никольской улице (ныне ул. Арсенальная) был построен в 1867 году на средства братьев Бабковых вместо старого деревянного, существовавшего 125 лет и сгоревшего в 1864 году. Вероятно, и прежний храм был построен на месте древних храмов, так как в писцовых книгах 1622-1629 годов за городом на посаде упоминаются «церковь Живоначальной Троицы да церковь Святой мученицы Параскевы с приделом страстотерпца Георгия», которые имели общий причт. Одна из улиц, ведущих к храму, до сих пор носит название Пятницкой. Сохранилась фотография Пятницкого оврага, на одном из концов которого стоял храм.

В холодной части каменного храма было три Престола: главный – во Имя Святой Троицы, южный – в честь иконы Божией Матери «Казанская», северный – в честь Святой Великомученицы Параскевы Пятницы. В теплой части храма – два

[1] ГАБО. Ф. 80. Оп. 2. Д. 40. Л. 85.

Престола: южный – в честь Рождества Святого Иоанна Предтечи, северный – во имя Святой Великомученицы Варвары.

В 1918 году храм упоминается как действующий. Богослужение в нем совершалось до начала 1930-х годов. После освобождения Брянска «Пятницкий» храм отдали под склад. Затем он был разрушен.

Храм в честь иконы Божией Матери «Смоленская»

Первый приходской храм в честь иконы Божией Матери «Смоленская» находился на Авиловской улице (ныне ул. Горького). Затем в 1801 году он был перенесен в район завода Арсенал. В 1875 году земля, занимаемая им, была куплена казною под сборную мастерскую Брянского арсенала; храм был сломан, а Богослужение с этого времени совершалось во временно устроенном молитвенном доме. Наконец, в 1881 году было начато строительство каменного храма в честь иконы Божией Матери «Смоленская» с двумя теплыми приделами: во имя Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил безплотных и во имя Святой Великомученицы Варвары. Теплую часть храма завершили и освятили в 1886 г., в холодной же части из-за неимения средств работы затянулись. Иногда храм называли Архангельским или Смоленско-Архангельским.

26 мая 1927 года Брянский горсовет вошел с ходатайством в губисполком о закрытии храма и сносе его в целях занятия площади для расширения мехартзавода (Арсенала). Постановлением губисполкома №43 от того же числа ходатайство было поддержано, и храм разрушили.

Храм в честь Вознесения Господня

Находился в Зарецкой слободе, на месте древнего Песоцкого Предтечева монастыря (ныне ул. Зарецкая). Построен в 1701 году переведенной из Воскресенского монастыря игуменией Капитолиной, освящен в 1706 году. В 1796 году приписан к Петро-Павловскому монастырю. В 1826 году при храме учрежден одноштатный причт, но в 1843 году храм по недостатку

средств приписан к Воскресенскому храму, а в 1876 году – к Горно-Николаевскому. В 1883 году к храму был пристроен теплый придел. При храме стояла древняя шатровая колокольня. В храме хранились оловянные сосуды и служебник XVII века, иконы XVIII века.

В феврале 1930 года храм был закрыт и впоследствии разрушен. Сохранились остатки его фундамента.

Храм в честь иконы Божией Матери «Казанская»

Настоятельница Вознесенского монастыря Аполлинария Толбузина обратилась к Императрице Елисавете Петровне с прошением разрешить построить на Святых вратах обители новый каменный храм в честь Казанской иконы Божией Матери. 1 июля 1742 года такой указ был дан. А 16 марта 1753 года новопостроенный храм был освящен. Он находился на разстоянии 20 саженей на запад от Вознесенского храма. 10 марта 1766 года Вознесенский монастырь был упразднен. Территорию обители передали расквартированному в Брянске Тверскому карабинерскому полку. Граждане Брянска неоднократно пытались подавать прошения о возстановлении обители, но безуспешно. Определением Орловской Духовной консистории от 2 апреля 1826 года храмы Вознесенского монастыря были учреждены приходскими.

В начале 1920-х годов в Брянске был зарегистрирован старообрядческий приход, которому передали Казанский храм. Как уже говорилось выше, Л.Ф. Осипенко предполагает, что старообрядцам был передан не Казанский в Зарецкой слободе, а Введенский храм, который стал называться Казанским. В 1929 году старообрядческая община отказалась от храма и сдала имущество государству. 17 ноября 1929 года Брянский окрисполком решил закрыть Казанский старообрядческий храм и передать его под общежитие медтехникума. Постановлением Западного облисполкома №811 от 11 января 1930 года это решение было подтверждено.

В феврале 1930 года храм закрыли и впоследствии разрушили. Сохранились остатки его фундамента.

Храм в честь Богоявления Господня

Согласно писцовым книгам 1622-1629 годов за городом на посаде была «церковь Богоявления Господня да в приделе Святых мучеников Флора и Лавра в Ямской слободе» (ныне ул. Некрасова). Сохранились сведения о строительстве здесь в 1687 году деревянного храма – видимо, прежний был разобран из-за ветхости. В 1824 году деревянный храм был опечатан по ветхости, и начато строительство нового каменного храма с колокольней. В 1831 году был освящен теплый придел во имя Святых мучеников Флора и Лавра, а в 1834 году окончено строительство и освящен главный Престол в честь Богоявления Господня. В 1868 году храм был расширен и пристроен теплый придел в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Белый храм с зеленой кровлей был обнесен невысокой ажурной металлической оградой на кирпичном фундаменте. Вокруг храма был большой фруктовый сад, по двум сторонам стояли вековые липовые деревья. Все иконы в храме были в киотах. 18 августа по ст.ст., в день памяти Святых мучеников Флора и Лавра, вся площадь вокруг храма была заполнена пролетками, фаэтонами, дрожками с украшенными лошадьми. Лошадей украшали цветами, венками, блестящими уздечками, гривы заплетали в косы. Во время Крестного хода священник окроплял всех, в том числе и лошадей, Святой водой.

Во время кампании по снятию колоколов представители власти приехали в храм, стали снимать колокола и ломать церковную утварь. Настоятель храма священник Матфей Остроумов со всем причтом и прихожанами стремился отстоять имущество храма, уговаривал представителей власти. Он встал на колени и, горько плача, молился Богу, прося всех людей не грабить храм. К 1935 году храм перешел к обновленцам. Вероятно, в конце 1930-х годов он был закрыт и впоследствии разрушен.

Храм в честь Нерукотворного образа Спасителя (Митрофаньевский)

В 1773 году за Новой Слободой против Ямской слободы (в конце современной улицы Некрасова) была отведена земля под второе городское кладбище Брянска. В 1776 -1779 годах на средства прихожанина Брянского храма в честь иконы Божией Матери «Тихвинская» купца первой гильдии П.С. Устинова на кладбище был построен каменный храм в честь Нерукотворного образа Спасителя. Резолюцией от 21 апреля 1779 года новый храм было велено освятить игумену Брянского Петро-Павловского монастыря Паисию. В том же году начали пристраивать к храму каменную колокольню. Вероятно, в храме был устроен придел в честь Святителя Митрофана, Епископа Воронежского, потому что храм на карте Брянска 1906 года назван Митрофаньевским, а кладбище при нем называется в документах кладбищем Святителя Митрофания. В Историческом описании церквей и приходов города Брянска и Брянского уезда 1905 года храм не значится – видимо, там уже не было самостоятельного причта и прихода.

В 1929 году Брянский окрфинотдел предложил закрыть Митрофаньевский храм как неиспользуемый и находящийся в безхозном состоянии, что и было сделано в феврале 1930 года. Через некоторое время храм был разрушен, а в конце 1949 года закрыли кладбище.

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы при Тюремном замке

Время устроения храма неизвестно. Он упоминается в «Историческом описании церквей и монастырей Орловской епархии» 1905 года. В Списке священников Брянских церквей 1918 года указывается и священник Тюремной церкви. Вероятно, вскоре она была закрыта.

Домовый храм при военном госпитале

Госпиталь был построен в сер. XIX века недалеко от Галерного двора на красной линии застройки (ныне ул. Красноармейская, 1). Вероятно, изначально в нем был устроен Домовый храм.

В марте 1919 года храм был закрыт с целью использования его под лазарет, имущество его передали Успенскому храму. Здание госпиталя сохранилось.

Домовый храм Брянского технического училища во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла

Брянское среднее техническое училище располагалось на Петро-Павловской улице, вблизи нынешней гостиницы «Десна». Домовый храм училища во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла был выстроен на средства Брянского купца Павла Семеновича Могилевцева и освящен 27 октября 1902 г. В ГАБО сохранились фотографии и чертежи здания училища, на которых хорошо виден храм. В 1920 году он был закрыт, помещение передано техникуму, имущество – Успенскому храму. Здание училища было полуразрушено во время Великой Отечественной войны, а затем разобрано.

Часовня над источником «Подарь»

Святой источник «**Подарь**» находится у подножия Карачижской горы города Брянск. По преданию, название «Подарь» означает «Подарок победы» в память победы русских воинов над литовцами, которые при нападении на Брянск через этот овраг пытались тайно проникнуть в город, и попали в засаду брянцев. До Великой Отечественной войны над источником стояла часовня из красного кирпича, в которой находилась икона Божией Матери. Перед иконой горела лампада. Источник посещало много людей. Во время войны часовня была разорена, но Святой источник по-прежнему посещают верующие.

БЕЖИЦКИЙ РАЙОН ГРАДА БРЯНСК

Храм во имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла

20 июля 1873 года Государь Император Александр II подписал высочайшее разрешение на учреждение Акционерного общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода. С появлением первых рабочих поселений была выстроена часовня. В 1878 году на месте часовни на средства рабочих был выстроен молитвенный дом. 27 июня 1882 года он был обращен в храм во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла. 12 декабря того же года храм сгорел. Однако спустя 11 дней, 23 декабря, он был вновь отстроен и стал более просторным и благолепным. Одноэтажный деревянный храм имел форму Креста и «по чиноположению церковному был освящен для совершения в нем Божественной службы». В 1894 году храм был перестроен, в нем был устроен придел и выстроена колокольня. Затем храм перенесли на новое место возле ж/д станции «Болва». Улица, на которую перенесли храм, получила название Церковной (ныне ул. 3-го Интернационала). В народе церковь Петра и Павла называли «Малой», а выстроенную в 1884 году в честь Преображения Господня – «Большой». Оба эти храма имели общий причт.

После государственного переворота 1917 года власти неоднократно пытались закрыть храм, но прихожане отстаивали его. 7 декабря 1923 года пленум Бежицкого горсовета вынес решение о «ликвидации Петро-Павловской церкви и устройстве в таковой культурно-просветительских учреждений». Ликвидировали ее уже к 25 декабря. В том же месяце газета «Брянский рабочий» писала: «Необходимо теперь это постановление возможно скорее и безболезненнее провести в жизнь, твердо помня, что здание церкви больше принесет пользы для населения, чем она приносит сейчас».

Однако к 1925 году Петро-Павловский храм был передан обновленцам. Не найдя возможности в Брянске зарегистрироваться при каком-либо храме, обновленцы обосновались в Бе-

жице, в Петро-Павловском храме, который стал для них Кафедральным собором.

В сентябре 1929 года безпартийная конференция рабочих и служащих Брянского завода постановила просить власти использовать здание Петро-Павловского храма под спортивный клуб. В октябре губисполком дал на это разрешение, и храм в 1930 году был закрыт. В нем разместился так называемый «Дом физкультурника».

В период оккупации, в начале 1942 года храм был возвращен верующим. Богослужение продолжалось и после освобождения Бежицы советскими войсками. К середине 1950-х годов храм вновь закрыли, а в начале 1960-х снесли. На его месте построено общежитие БМЗ.

Храм в честь Преображения Господня

Для многочисленного прихода Брянского рельсопрокатного завода в 1880 году был заложен величественный и редкий по архитектуре храм. Строился храм по проекту архитектора Александра Гренера. Стены его были выложены из железных рельсов и с обеих сторон обшиты дубом. В плане он имел форму креста. В 1884 году храм был освящен в честь Преображения Господня. Позже в нем устроили два придела. Внутреннее убранство храма отличалось особым благолепием.

Спасо-Преображенский храм, с любовью возведенный бежичанами, по праву считался украшением рабочего поселка. При нем существовала образцовая в уезде церковно-приходская школа. В 1915 году 20 апреля (по старому стилю) храм посетил Император Николай II.

После государственного переворота 1917 года храм неоднократно пытались закрыть, но прихожане отстаивали его. Постановлением президиума Брянского губисполкома №19 от 4 мая 1929 года было решено закрыть храм, однако Богослужение совершалось в нем до декабря 1929 года. Закрывали храм с помощью милиции и военных. 23 декабря в 10.00 утра начальник милиции объявил об этом членам церковного совета и тут же

началось снятие колоколов и крестов. В 1930 году в храме разместили цирк, затем кинотеатр. Храм начали сносить в 1933 году, но окончательно разобрали в 1935 году. На его месте предполагали построить ТЭЦ.

Храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы

Деревянный храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в с. Городище (ныне местечко Городище Бежицкого района г. Брянск) был построен в 1824 году вместо сгоревшего деревянного храма. Так как вместе с этим храмом сгорел почти весь церковный архив, то никаких сведений о сгоревшем храме не сохранилось. Известно только, что храм этот стоял на берегу Десны; на этом месте был устроен каменный столб.

В 1896-1900 годах благодаря энергичной деятельности строительного комитета, особенно священника Василия Горохова и почетного гражданина Якова Ивановича Широкова, на средства прихожан храм был почти весь заново перестроен из красного кирпича, к нему пристроили приделы: правый – во имя Святителя Николая Чудотворца (освящен в 1899 году), левый – в честь Покрова Пресвятой Богородицы (освящен в 1898 году).

В главном Алтаре сначала был поставлен иконостас из сгоревшего деревянного храма; в 1850 году этот иконостас заменили на новый, в 1900 году иконостас был вновь устроен и освящен.

Прихожанами особенно чтилась икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость». По преданию, эта икона явилась на берегу Десны, на том месте, которое называлось «Благовещенским рогом».

В конце 1920-х годов храм еще действовал. В начале 1930-х с него снимали колокола и, вероятно, вскоре закрыли. К 1937 году в здании храма была школа – до тех пор, пока в сентябре 1940 года не открыли новую школу. Росписи храма закрашивали, но они снова проявлялись.

Затем здание храма использовали под парикмахерскую, склад для типографской бумаги и типографию, гараж.

В апреле 1971 года храм разрушили и разобрали на стройматериалы. В настоящее время на его месте пустырь между домами №150 и 152 по ул. Бежицкой.

В приходе Благовещенского храма в 1 версте от села Городище была **часовня,** построенная над источником. Сюда из Городищенского храма в день Преполовения Пятидесятницы ежегодно совершался Крестный ход. По разсказам местных жителей еще в XVIII столетии на этом месте стояла часовня; но когда, кем и по какому случаю она была построена – неизвестно. В 1888 году на средства прихожан вместо обветшавшей старой была построена новая часовня. В ней стояла большая икона Пресвятой Богородицы. После Великой Отечественной войны часовни уже не было, но традиция совершать в день Преполовения Пятидесятницы Крестный ход на источник сохранялась. Крестный ход совершался из храма во имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла одноименного закрытого Брянского монастыря. В начале 1950-х годов на источнике исцелились от беснования женщина и девочка. После этого источник разрыли и устроили там пральню для полоскания белья. В настоящее время Святой источник по-прежнему почитается народом, на месте часовни установлен Крест.

Часовня на приходском кладбище храма во Имя Святой Троицы

Построена во 2-й пол. XIX века в селе Бежичи (ныне ул. Делегатская). В Историческом описании церквей и приходов города Брянска и Брянского уезда 1905 года при описании храма в селе Бежичи указывается, что «на приходском кладбище есть каменная часовня-усыпальница». В настоящее время находится в полуразрушенном состоянии.

Часовня во имя Святителя Николая на Базарной площади поселка Бежицы была построена в 1901 году. Разрушена. Других сведений о ней не имеется.

ВОЛОДАРСКИЙ РАЙОН ГРАДА БРЯНСК

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца п. Большое Полпино

Приход села Большое Полпино существует с конца XVIII века. Храм в селе был каменный, когда и кем построен – не известно. Храм состоял из двух частей и имел два престола. Первая часть храма, древняя – трапезная, зимняя: здесь был престол во имя Святителя и Чудотворца Николая. Вторая часть храма, летняя, пристроена в 1855 году к восточной стороне трапезной: здесь был Престол во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. В 1860 году, когда сгорело все село, сильно пострадал и храм, но стены уцелели, возобновлен храм на средства прихожан.

В конце 1937 года храм был закрыт, в нем устроили сельский клуб. В 1943 году храм разрушили.

Храм во имя Преподобного Сергия Радонежского

Построен в 1882 году в селе Радица паровозная (ныне Радица-Крыловка) и до 1895 года считался приписным к храму села Городища. В документах упоминается также как храм в рабочем поселке Урицком. В 1901 году в нем устроено два придела. Ежегодно совершалось два местных Крестных хода: в первое Воскресение Петрова поста в память о ниспослании дождя тотчас после молебствия о нем, и 1 октября по случаю избавления от холеры. В приходе была двухклассаная церковная школа.

Постановлением президиума Брянского губисполкома №60 от 25 апреля 1929 года храм был закрыт и приспособлен под школу, затем под кинотеатр. В ГАБО сохранились документы о попытках обновленцев захватить храм, а также чертежи приспособления храма под кинотеатр. Впоследствии был разрушен, сохранился его фундамент.

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца

Николаевский храм при станции «Брянск» Риго-Орловской ж.д. (ныне станция Брянск-I) был построен в 1892 году в память чудесного избавления Наследника Цесаревича Николая Александровича от угрожавшей ему опасности в г. Отсу, в Японии (при проезде кортежа Наследника Цесаревича его ударил по голове мечем японский городовой). Освящен в 1893 году. В 1899 году, на средства Брянского купца Морозова, в правом приделе храма был устроен иконостас с Престолом в честь Рождества Пресвятой Богородицы. До 1896 года был приписан к Тихвинскому храму г. Брянск, затем приход существовал самостоятельно. При храме было две церковно-приходских школы.

К 1930 году захвачен обновленцами. Постановлением Западного облисполкома №811 от 11 января 1930 года было принято решение о закрытии Николаевского храма в целях использования его под школу. Позднее храм разобрали. По воспоминаниям старожилов, его взрывали.

Домовый храм при Брянском сухарном заводе

В марте 1919 года был закрыт храм Брянского сухарного завода, который находился близ станции «Брянск» Риго-Орловской ж.д. (ныне станция Брянск-I).

ФОКИНСКИЙ РАЙОН ГРАДА БРЯНСК

Храм во имя Преподобного Серафима Саровского

В современном Фокинском районе (ранее Льговский поселок) г. Брянск до государственного переворота 1917 года существовал всего один храм. Он располагался в районе современного Дворца культуры железнодорожников. Деревянный храм был построен на средства прихожан Брянского Покровского Собора, переселившихся в поселок, как «церковь-школа». Освящение храма во имя Преподобного Серафима Саровского 11 февраля 1906 года совершил протоиерей Владимир Попов.

В марте 1925 года при Серафимовском храме зарегистрировалась обновленческая община. Но попытка обновленцев осуществить там Богослужение 15 марта 1925 года натолкнулась на сопротивление прихожан, которые потребовали от священника Николая Тимонова удалиться из храма, который они строили своими руками, «не раздражать рабочего сердца» и повесили свой замок, что послужило поводом для вмешательства милиции. Постановлением Брянского губисполкома №93 от 9 июля 1929 года храм был закрыт и приспособлен под школу. Прихожане обращались во ВЦИК с просьбой оставить храм действующим, но безрезультатно. В 1937 году храм был разрушен.

БРЯНСКИЙ РАЙОН

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца с. Бакшеево

Храм в селе был разорен и запустел в Смутное время начала XVII века. Упоминание о действующем здесь Никольском храме относится к 1654 году, но была ли это новая церковь или отремонтированная старая – неизвестно. Вообще о бакшеевском храме документальных материалов встречается немного, – возможно, потому, что в 1840 году он был приписан к храму села Тешеничи, утратив прежнюю самостоятельность. В 1907 году в Бакшеево открылась церковно-приходская школа (около 50 учеников). В XX в. храм разрушен.

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца с. Батогово (ныне дер. Лесное)

Как центр Батоговской волости село Батогово впервые упоминается в 1503-1504 гг. в русско-литовском договоре и в духовной грамоте великого московского князя Ивана III. Поскольку центром большой волости вряд ли могло оказаться недавно возникшее селение, можно утверждать, что появилось Батогово не позже середины XV века.

Несомненно, что и храм здесь существовал еще в XV веке. Батоговский храм в честь Николая Чудотворца упоминается как существующий в 1654 году и даже ранее – как уцелевший в Смутное время начала XVII века. По преданию, позже храм сгорел, и в 1769 г. на его месте был построен новый. В описании 1782 года Батогово названо “село…, что ныне сельцо”, т.е. какое-то время там храм не действовал.

В первой половине XIX века Батогово вновь из сельца превратилось в село, поскольку возобновились Богослужения в Никольском храме. Когда и кем был построен этот каменный храм, остается неизвестным. Скорее всего, кем-то из <помещиков> Богдановых. К середине века храм обветшал и 1857 году был закрыт, но в 1859 году после ремонта открылся вновь. В 1865 году был устроен придел в честь иконы Божией Матери «Казанская». Особенно почитались явленная икона Святителя Николая Чудотворца и икона Божией Матери «Черниговская». К храму была издавна приписана **часовня**, находившаяся в 12 верстах.

После крестьянской реформы в Батогово практически не осталось крестьянского населения, поэтому его порой даже стали называть Батоговским погостом, т.е. местом, где оставался храм, дома духовенства и сельское кладбище. При храме была небольшая приходская школа. Но после постройки прошедшей рядом железной дороги Москва-Брянск здесь стали селиться купцы, почетные граждане и мещане. Селение приобрело характер дачного поселка. В XX в. храм разрушен.

Храм в честь иконы Божией Матери «Ахтырская» с. Дарковичи

В XVIII веке владельцами Даркович стали помещики Жабины. Первым из них был майор Зот Иванович Жабин. Им или его сыном Феодором здесь был построен деревянный храм, но достоверных сведений о времени его освящения обнаружить не удалось. В 1782 году в селе был храм во имя Святого Иоанна Предтечи. Несколько раз храм ремонтировали с изменением

первоначального вида. Вероятно, при перестройке храма его освятили в честь иконы Божией Матери «Ахтырская». В 1900 году была пристроена каменная теплая часть с приделом во имя Великомученика Феодора Стратилата. К 1935 году храм принадлежал обновленцам, в конце 1937 г. был закрыт и впоследствии разрушен.

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы с. Дорожово

Селение Дорожово возникло, вероятно, в конце Смутного времени на землях, принадлежавших Брянскому Петро-Павловскому монастырю. После секуляризации церковных имений крестьяне Дорожова перешли в число «экономических», т.е. государственных. Они относились к приходу Николаевского храма с. Липово. К началу XX века храм в с. Липово обветшал и был закрыт, а Дорожово стало главным центром округи. Поэтому по желанию дорожовских крестьян с благословения церковной власти в селе был построен храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Богослужение совершалось в храме до 1921 г., далее сведений не имеется. Храм разрушен.

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца п. Журиничи

Храм п. Журиничи во имя Святителя Николая Чудотворца был построен около 1917 года. Но, уже через несколько лет, в связи с установлением коммунистического режима, храм был передан под клуб. Зимой 1942 года село и храм были сожжены фашистскими оккупантами. На месте сгоревшего храма в братский могиле были захоронены разстрелянные жители поселка Журиничи. После 1945 г. на месте разстрела местных жителей был построен клуб.

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы с. Коростовка (ныне с. Октябрьское)

Село Коростовка было вотчиной Свенского монастыря. Хотя она упоминается с конца XVI века, первое известие о новопостроенном деревянном храме в честь Покрова Пресвятой Богородицы, который был сооружен по благословению настоятеля Свенского монастыря Афанасия, относится лишь к 1700 году. К 1732 году храм так обветшал, что в нем стало невозможно служить. В том же году старанием жителей села Данилы Трутнева, Пахома Деткова и других прихожан новый деревянный храм был построен на месте прежнего. Он простоял до начала XX века. После секуляризации церковных имений в 1764 году Коростовский приход сделался самостоятельным. С 1879 до 1890 года храм села Коростовки был приписан к храму с. Теменичи. В XX в. храм разрушен.

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца с. Липово

Липово упоминается как село в самом начле XVII века и, следовательно, возникло в XVI веке или еще раньше. По преданию, свое название село получило потому, что некогда здесь был обретен явившийся на липе образ Святителя Николая Чудотворца. Весь XVII век и большую часть XVIII века Липовский храм во имя Святителя Николая, впервые упомянутый как уцелевший в Смутное время, был единственным храмом на обширной территории лесистого деснинского левобережья между Болвой и Серижей. В 1748 году старанием помещика А.И. Бажина был построен новый деревянный двух-Престольный храм с главным Престолом во имя Святителя Николая. С 1900 года при храме действовала церковно-приходская школа. В настоящее время ни село, ни храм не сохранились.

Храм в с. Малое Полпино

Жители деревни были прихожанами Бело-Бережской Пустыни. В 1900 году в деревне открылась церковно-приходская

школа от Бело-Бережского монастыря. В 1924 году Пустынь закрыли. Брянский губисполком разрешил общине верующих с. Малое Полпино перенести в село деревянный храм из Скита обители.

В Историческом и современном обозрении общежительной мужской Брянской Бело-Бережской Пустыни Орловской губернии 1909 года так описывается Скитский храм. «Среди двора скитского красуется двухэтажный храм, заключающий в себе две церкви: верхнюю, деревянную, холодную – во имя Всех Святых, и нижнюю, каменную, теплую – во имя Печерския [иконы] Божией Матери. Замечателен лес, из которого выстроен этот храм; он был прежде сельский храм, простоявший более двухсот лет, и был построен из леса полуторастолетнего возраста и теперь так крепок и красив, что стоит внимания посетителей».

К 1926 году работы по переносу храма были почти завершены. Храм устроили на окраине села на каменном фундаменте. Сохранился чертеж и описание храма.

По воспоминаниям старожилов, через несколько лет храм официально был закрыт, но Богослужение совершалось в нем до 1943 года. В 1943 году храм был сожжен оккупационными войсками.

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца с. Ольшаница

Альшаницкий приход (старое название села – Альшаница) – один из самых древних. Село Альшаница с храмом во имя Святителя и Чудотворца Николая упоминается уж в писцовых книгах царя Михаила Федоровича и Патриарха Филарета Никитича. В годы Смуты храм в селе был сожжен, и в 1620-х годах здесь не существовало даже часовни, а было пустое церковное место. В начале XVIII века селом владел стольник Афанасий Иванович Зиновьев, с именем которого связано строительство в Альшанице нового деревянного храма во имя Святителя и Чудотворца Николая с приделом во имя Святого Пророка Илии (по

другим данным – во имя Преподобного Нила). В 1802 году, как показывает надпись на Кресте, сделанная по освящении храма, в селе Альшанице освящен был новый храм, каменный, тоже во имя Святителя и Чудотворца Николая. Построен он усердием помещика Василия Ивановича Тютчева. Вначале храм был настолько беден, что в нем употреблялись жестяные и деревянные подсвечники, а в церковной ризнице хранилась с тех времен одна холщовая «крашенинная» риза. Почти ежегодно в приход приносили из храма с. Паниковец Трубчевского уезда (ныне Выгоничский район) чудотворный образ Святителя Николая. Перед этим образом служили молебны по домам, а иногда и на полях. В 1885 году при храме была открыта церковно-приходская школа. В XX в. храм разрушен.

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы с. Опахань

Первый храм в селе был построен неким Овчаром не позже XVI века, так как он был сожжен в Смутное время. В 1610 году Опахань упоминается как «сельцо», т.е., скорее всего, храма там уже не было. Лишь в 1667 году в документах встречается указание о появившемся здесь новом деревянном храме в честь Покрова Пресвятой Богородицы, который простоял до 1869 года и к этому времени совершенно обветшал. В этом году в селе был построен новый деревянный храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. С 1879 по 1902 год храм был приписан к селу Альшанице, а затем вновь стал самостоятельным приходом. В 1908 году была открыта церковно-приходская школа. В XX в. храм разрушен.

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца с. Стеклянная Радица

Деревянный храм во имя Святителя Николая Чудотворца был построен в селе в 1880 году. Некоторое время он считался приписным к храму с. Любохны. В 1881 году в Стеклянной Радице был открыт самостоятельный приход. В 1937 г. был закрыт

(к этому времени его захватили обновленцы) и впоследствии разрушен.

Храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы с. Тешеничи

К началу XVII века Тешаничи (старое название села) были уже селом, но храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы с приделом во имя Святителя Николая Чудотворца в годы Смуты был разорен, запустел и стоял без пения. В 1729 году был освящен новый храм с теми же Престолами, построенный старанием помещика Якова Михайловича Шушерина. В 1874 году помещик Михаил Петрович Коломнин построил новый деревянный храм на каменном фундаменте – с теми же Престолами. Богослужение совершалось до 1930 г. Впоследствии храм был разрушен.

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца в с. Толмачево

В селе Толмачево был каменный с деревянным верхом храм с двумя Престолами: главным – во имя Святителя и Чудотворца Николая, и придельным – во имя Святых Женмироносиц. Построен он был вместо прежнего деревянного храма в 1850 году старанием помещицы с. Толмачева Л.А. Головачевой и помещика Толмачевской Слободы И.Н. Козелкина на средства этих помещиков и прихожан-крестьян. Придельный Престол устроен в 1853 году. В 1874 году вместо прежней ветхой колокольни на двух деревянных столбах была выстроена новая деревянная – на средства прихожан и пожертвования купцов г. Брянск Могилевцева и Бухова. В 1876 году в храме были сделаны печи. В том же году в приходах были учреждены настоятельства, и село Толмачево присоединено было к селу Супоневу, при чем настоятелем этого соединенного прихода был сделан супоневский священник. В начале XX столетия в с. Толмачево был возстановлен самостоятельный приход. В храме хранилось напрестольное Евангелие, напечатанное в царствова-

ние царя Петра Алексеевича и подаренное боярином Никитою Константиновичем Стрешневым, и серебряный напрестольный Крест с мощами Святого мученика Лукиллиана. С восточной стороны храма, среди кладбища, стояла небольшая каменная **часовня**, построенная на месте прежнего деревянного храма. В XX в. храм разрушен.

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца с. Хотылево

Первое документальное упоминание о селе относится к началу XVII века, когда находившийся в нем каменный храм был сожжен в годы Смуты, а на его месте была поставлена часовня. Лишь в 1680 г. в церковных документах было велено «впредь писать церковь Николая Чудотворца да в приделе Флора и Лавра, а часовни не писать».

По местным преданиям, новый деревянный храм построил кто-то из князей Барятинских. В 1883 году храм был перестроен старанием священника Михаила Феодоровского на средства прихожан. До 1893 года он был кладбищенским. В храме хранилось Евангелие весом в два пуда. При храме была церковно-приходская школа. В приход храма входила деревня Староселье, на кладбище которой стояла **часовня.**

Храм в честь Преображения Господня с. Хотылево

Каменный храм в селе Хотылево был построен в 1759-1763 годах старанием и на средства помещика Фаддея Петровича Тютчева. В храме было два Алтаря: в честь Преображения Господня и в честь иконы Божией Матери «Казанская». В 1895 году два Алтаря были соединены в один – в честь Преображения Господня. Село известно как усадьба князей Тенишевых. После государственного переворота 1917 года усадьба пришла в запустение, а во время Великой Отечественной войны пострадала от фашистских оккупантов. В конце 1940-х годов было разрушено завершение храма. Храм сохранился в полуразрушенном состоянии, пострадало и его внутреннее лепное убранство.

ВЫГОНИЧСКИЙ РАЙОН

Храм во Имя Святой Троицы
с. Выгоничи

В 1905 году в приходе было 1259 душ. В XX в. храм разрушен.

Храм во имя Святых мучеников Флора и Лавра
с. Городец

Приход в селе Городец существовал уже в XVII веке, об этом свидетельствуется в Орловских Епархиальных Ведомостях №№21-22 за 1899 год. В XVIII веке село Городец упоминается как вотчина Брянского Вознесенского монастыря. В 1731 году в селе сгорел храм и крестьяне купили старый деревянный, еще крепкий и пригодный для Богослужений храм в селе Тешеничи. В 1732 году игумения Евстолия (Лодыгина) ходатайствовала перед Синодом о начале строительства храма, а после завершения строительства о выдаче Антиминса и освящении.

Существовавший в селе Городец храм имел придел во имя Святителя Алексия, Митрополита Московского (по другим предположениям, во имя Преподобного Алексия, человека Божия).

Храм был закрыт, по воспоминаниям жителей, в 1938 году и вскоре разрушен.

Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы
с. Карповка

В 1905 году в приходе было 1783 души. В XX в. храм разрушен.

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы
с. Козловка

В XX в. храм разрушен.

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца с. Козловка

В 1905 году в приходе с. Козловка было 3636 душ. Неизвестно, какой из храмов действовал до 1937 г., затем был закрыт и разрушен.

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы п. Кокино

Храм в поселке Кокино был построен в 1761 году на средства помещика А.С. Безобразова. В храме было три престола: главный – в честь Покрова Пресвятой Богородицы, приделы: во имя Святителя Алексия, Митрополита Московского, и во имя Преподобных Антония и Феодосия Печерских. Храм был каменный, не отапливался, в 1814 году он был расширен, в 1871 году кирпичные полы были заменены деревянными. Помещик Халаев Н.П. в 1881 году построил вокруг храма каменную ограду и в ней каменное караульное помещение.

В 1930 году храм был закрыт и переоборудован под клуб. Священник Андрей Покровский в 1938 году был арестован и разстрелян. Осенью 1943 года при отступлении фашистских войск осквернённый храм был взорван. В настоящее время на месте храма стоит здание дома культуры.

Храм во имя Святителей Афанасия и Кирилла, Архиепископов Александрийских с. Лопушь

В 1905 году в приходе было 783 души. Храм действовал до 1937 г., затем был закрыт и разрушен.

Храм в с. Малфа.

В 1905 году в приходе было 1892 души. В XX в. храм разрушен.

Храм во имя Святого Архистратига Михаила в с. Малый Крупец

Деревянный храм во имя Святого Архистратига Михаила был построен, по одним сведениям, в 1738 году тщанием майора Андрея Тимофеева Тютчева, по другим – в 1741 году тщанием «приходского помещика Фотея Петрова, сына Тютчева». Первоначально храм был без колокольни, колокола висели на столбах, покрытых тесом. В 1882 году к храму был пристроен придел во имя Святых мучеников Флора и Лавра. Над приделом старанием священника Алексия Маккавеева была пристроена колокольня. Деньги на колокольню собрали прихожане. Стены храма внутри были оклеены холстиной и побелены, снаружи также выкрашены белым, из-за чего храм казался каменным. Вокруг него к концу XIX века построили каменную ограду, внутри которой росли яблони и кусты сирени. К 1912 году храм обветшал. Священник и прихожане неоднократно обращались с прошением построить вместо него новый, более вместительный, но Императорская археологическая комиссия не соглашалась на разборку храма. Она предлагала перенести его и устроить в нем церковно-приходскую школу или кладбищенский храм. Началась первая мировая война, и дело прекратилось. В 1924 году храм сгорел – его подожгли грабители.

В 1926 году общиной верующих был перевезен храм с колокольней из села Токарева и поставлен на каменный фундамент сгоревшего храма.

В июне 1937 г. под предлогом эпидемии брюшного тифа власти запретили совершать Богослужение с Крестом и Евангелием. 200 женщин пришли в сельсовет с требованием разрешить Богослужение. Хотя разрешение не было дано, священник Андрей Иванович Покровский продолжал служить в храме до сентября 1937 года. Затем храм закрыли. До Великой Отечественной войны в нем был склад. После войны храм сгорел до основания.

Храм в с. Мирковы Уты

В 1905 году в приходе было 1350 душ. В XX в. храм разрушен.

Храм в честь Преображения Господня с. Палужье

Богослужение совершалось до 1937 г. Затем храм был закрыт и разрушен.

Храм во имя Святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, Чудотворца с. Паниковец

Село Паниковец в Выгоничском районе Брянской области известно с конца XV века. В стороне от села расположен песчаный, усеянный камнями, заросший соснами холм, на котором расположен колодец. В 1664 году на село напали поляки. Из местного храма пропала почитаемая во многих окрестных селениях икона Святителя Николая. Позже она была обнаружена в ветвях дуба у источника. Здесь был устроен колодец, в котором вода не пересыхала в самое жаркое время. Над колодцем была построена **часовня**. Когда она обветшала, в 1889 году была построена новая. На память перенесения мощей Святителя Николая (9 мая ст. ст.) и в День Святого Духа к колодцу устраивался крестный ход с иконой Святителя Николая для освящения воды. Воду из источника брали для исцеления. Часовня всегда была украшена полотенцами. Однако в 1960-е годы ретивая председательница колхоза решила покончить с этим «обманом». По ее приказанию часовню снесли, а колодец засыпали. Через некоторое время ее поразила тяжелая болезнь, от которой не мог дать облегчения ни один врач. Ей посоветовали снова восстановить Святой колодец. Источник откопали, заключили в бетонную трубу. Однако вода ушла и больше здесь не появлялась. Место поныне почитается, а деревянный крест у колодца украшается полотенцами и цветами[2].

---

[2] Сведения представлены Директором Брянского государственного объединенного краеведческого музея В.П. Алексеевым.

Богослужение совершалось в храме до 1930 г. Впоследствии он был закрыт и разрушен.

Храм в честь иконы Божией Матери «Знамение» с. Скуратово

Храм разрушен в XX в.

Храм в пос. Северный

Разрушен в 1943 г.

Храм в честь иконы Божией Матери «Знамение» с. Сосновка

Первое упоминание о храме в селе Сосновка относится к 1701 году. 1 мая 1701 года был выдан Антиминс в храм в честь иконы Божией Матери «Знамение», построенный в вотчине Фаддея Елизарьева Салова, – в селе Сосновка Подгородного стана Брянского уезда. Храму по отказной грамоте из Поместного приказа было выделено из владений помещинка 20 четвертей пашни в поле и 20 копен сена. В селе было 10 дворов крестьянских, один помещичий, один поповский, один дьячков, Пономарев и просвирницин.

К началу XIX века деревянный храм обветшал. В 1813 году «тщанием Николая и Василия Фаддеевых детей Саловых» был построен в классическом стиле новый каменный храм с колокольней В храме было два холодных придела: в честь иконы Божией Матери «Знамение» и вверху, над трапезной – придел во имя Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Причт храма состоял из священника, дьячка и пономаря. В 1818 году в причт ввели диакона. Храм наделили тремя десятинами усадебной земли, на которой были построены деревянные дома для священников.

После государственного переворота 1917 года храм был закрыт. В 1960-е годы председателем местного колхоза Приходько он был разрушен, даже подземная часть срыта. Около храма с незапамятных времен был колодец, вода в котором име-

ла особый вкус. Он был завален обломками храма. В 1950-е годы местный художник А.С. Иванченков успел запечатлеть облик храма.

Храм во имя Архистратига Божия Михаила с. Упорой

В 1905 году в приходе было 1425 душ. В XX в. храм закрыт и полуразрушен.

Храм во имя Преподобного Сергия Радонежского с. Уручье

В 1905 году в приходе было 2027 душ. Богослужение совершалось до 1930 г. Впоследствии храм был разрушен.

Храм в с. Усфой

В 1930 г. в приходе с. Усфой служил священник Симеон Пащенко. Других сведений о храме пока нет.

Всего по предварительным данным на территории современного Брянского благочиния к началу XX века находилось 74 храма (в том числе домовых) и 10 часовен. Из них к началу XXI века сохранилось 18 храмов, из которых в 12 совершаются Богослужения, а 7 находятся в полуразрушенном состоянии, и 1 полуразрушенная часовня, Таким образом, 56 храмов и 9 часовен в XX веке разрушено или упразднено (в отношении домовых храмов). А ведь эти храмы созидались молитвами и трудами наших благочестивых предков, были украшением Брянской Земли. Дай Бог, чтобы изучение их истории продолжалось и послужило тому, чтобы каждый человек задумался о причинах такого тотального разрушения, чтобы места храмов благоговейно почитались и не осквернялись, чтобы такое неистовство богоборчества более не повторялось ни на Брянской, ни на всей Русской Земле.

Источники и литература

Центральный муниципальный архив Москвы. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11.

Государственный архив Брянской области:

Коллекция фотографий.

Ф. 2-ОДФ. Оп. 1. Д. 11, 162.

Ф. 337-ОДФ. Оп. 1. Д. 38-а.

Ф. 543-ОДФ. Оп. 1. Д.Д. 57, 82.

Ф. 80. Оп. 1. ДД. 700, 938, 982, 1137, 1178, 1195, 1216, 1538.

Ф. 80. Оп. 2. ДД. 9, 40, 51.

Ф. 85. Оп. 1. ДД. 243, 492, 591, 1490,ч.1.

Ф. 85. Оп. 2. Д. 80, 89, 333а.

Ф. 89. Оп. 1. Д. 412, ч. 1. Д. 435, чч. 1-2. Д. 481.

Ф. 350. Оп. 1. Д. 14.

Ф. 471. Оп. 2. Д. 74.

Ф. 543. Оп. 1. Д. 69.

Ф. 741. Оп. 1. Д. 36.

Ф. 793. Оп. 1. Д. 458.

Ф. 2385. Оп. 1. Д. 23.

Коллекция фотографий Брянского государственного объединенного краеведческого музея.

Орловские Епархиальные Ведомости (ОЕВ). - 1874. - С. 144.

Пясецкий, Г.М. Исторический очерк г. Брянска. // ОЕВ. - 1884. - №№13, 16, 17, 22.

Дмитриев, Ф. История Брянска / Ф. Дмитриев. – Орел, 1894.

ОЕВ. - 1899. Приложение к №№15-16. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. С. 8, 43, 52-58.

Петров, Н. Историко-археологический очерк г. Брянска Орловской губернии и его отношение к Киеву // Труды Киевской Духовной Академии. - 1901. Т. 1.

Церкви и приходы г. Брянска и Брянского уезда. Ротапринтное воспроизведение издания «Историческое описание церквей и монастырей Орловской епархии». Т. I. - Орел, 1905. – Брянск, 1990.

ОЕВ. - 1906. - №8. - С. 301.

Попов, В., прот. Брянский Покровский Собор : историко-археологическое изследование / В. Попов, прот. – Орел. 1907.

Историческое и современное обозрение общежительной мужской Брянской Бело-Бережской Пустыни Орловской губернии. – Одесса, 1909.

Алексеев, В.П. Дворяне Саловы из Сосновки / В.П. Алексеев. – Брянск: Изд-во – Товарищество «Придесенье», 1993.

Алексеев, В.П. Гранный дуб / В.П. Алексеев. – Брянск: Изд-во – Товарищество «Придесенье», 1994.

Осипенко, Л.Ф. Церкви города Брянска / Л.Ф. Осипенко. – Машинопись, 1996.

Исайчиков, Ф.С. По старому Брянску с почтовой открыткой : литературно-художественное издание. – Брянск: ТОО «Злата», 1996.

Коваленко З.П. Из истории церковной жизни в г. Брянске в 1920-е гг. // Страницы истории города Брянска : материалы историко-краеведческой конференции. – Брянск, 1997. - С. 121-133.

Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. – М.: «Наука», 1998.

Кизимова, С.П. По следам Святых обителей. Из истории монастырей и пустыней Брянского края / С.П. Кизимова, Е.М. Зубова. – Брянск, 1999.

Коваленко, З.П. Ямская слобода // Десница. - 2000. - 26 сент. (№39).

Крашенинников, В.В. Из истории селений Брянского района / В.В. Крашенинников. 2-е изд, переработанное и дополненное. – Брянск: Издательство БГУ, 2004.

Монахиня Сергия (Ежикова),
настоятельница Брянского
Петро-Павловского монастыря

Архипастыри Брянской Епархии. 1920-1945 годы

История Брянской Епархии Русской Православной Церкви новейшего периода Церковной истории в настоящее время является одной из перспективных тем Церковно-исторической науки. Важность изучения этого периода в жизни Церкви заключается в том, что он является одним из основных духовно-нравственных аспектов в воспитании современных Православных христиан. Примеры исповедничества, подвижничества и благочестия, трагизм времени позволяет более ярко представить великое значение подвига Новомучеников.

Хронологические рамки данного доклада (1920-1945 годы) выбраны по следующим причинам. Во-первых, это время существования самостоятельной Брянской Епархии от образования до объединения ее с Орловской Кафедрой в 1945 году. Во-вторых, в этот период возник «обновленческий» раскол, и была образована «Брянская Епархия» так называемой «Живой Церкви», историей которой обстоятельно никто не занимался. В-третьих, это наиболее сложный для изучения временной отрезок. Архив Брянского Епархиального Управления за этот период не сохранился. Основные источники по данной теме, хранящиеся в Архивах Брянской области, с точки зрения Церковной истории систематически не изучались. Церковной тематики в своих работах касались такие авторы как Алексеев В.П., Крашенинников В.В., Коваленко З.П., Осипенко Л.Ф., Кизимова С.П., Зубова Е.М. и другие. Но для более широкого освещения эта тема ждет своего исследователя.

Самостоятельная Брянская Епархия была учреждена 22 декабря 1920 года (или в начале 1921 года) после образования 1

апреля 1920 года Брянской губернии. Первым Епископом был назначен Преосвященный Амвросий (Смирнов).

Архиепископ Амвросий
(Смирнов Алексей Степанович, 1874-1938)

Родился 4 апреля 1874 года в семье протоиерея города Костромы. Окончил Костромскую Духовную Семинарию и – в 1899 году – Московскую Духовную Академию со степенью кандидата Богословия. По окончании учебы назначен помощником инспектора Благовещенской на Амуре Духовной Семинарии. 7 апреля 1900 года пострижен в монашество, а 30 апреля того же года рукоположен во иеромонаха. С 14 августа 1901 года - помощник смотрителя Рязанского Духовного Училища и затем инспектор Благовещенской Духовной Семинарии. В 1904 году Амвросий возведен в сан архимандрита, и назначен ректором Благовещенской Духовной Семинарии. С 1906 года - настоятель Псковского Спасо-Мирожского монастыря. 31 июля 1911 года в Александро-Невской Лавре архимандрит Амвросий хиротонисан во Епископа Михайловского, викария Рязанской Епархии. С 26 мая 1917 года – Епископ Елецкий и Ливенский, викарий Орловской Епархии. В 1917-1918 годах Епископ Амвросий был участником Поместного Собора Российской Православной Церкви. Уже в 1918 году последовал первый арест. С 1921 года – Епископ Брянский и Севский. 23-25 июня 1921 года осужден условно на 5 лет. В этом же году последовала амнистия. С 14 сентября 1923 года Епископ Амвросий уволен, согласно поданного им прошения, на покой. 26 марта 1924 года арестован в Брянске. 7 июня 1924 года освобожден под подписку о невыезде. 16 марта 1925 года дело было прекращено, но последовала высылка в Москву, где Владыка Амвросий проживал без права выезда. С 1925 года назначен Епископом Сергиевским, викарием Московской Епархии. 5 июня 1926 года арестован в Москве. 22 сентября 1926 года приговорен к трем годам ссылки. В 1926-1928 годах отбывал ссылку в городе Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) Коми-Зырянской АО. С 25 апреля 1928 года – Епископ

Дмитровский, викарий Московской Епархии. 28 ноября 1928 года Епископ Амвросий возведен в сан Архиепископа и назначен на Вологодскую кафедру. В мае 1931 года арестован и приговорен к трем годам заключения, которое отбывал в Мариинских лагерях. С 26 апреля 1934 года – Архиепископ Пугачёвский, викарий Саратовской Епархии. 14 мая 1934 года назначен Архиепископом Муромским, викарием Нижегородской Епархии. Но в Пугачёве снова арестован, и 19 ноября 1935 года приговорен к трем годам высылки в Красноярский край. 25 марта 1938 года Архиепископ Амвросий арестован и заключен в тюрьму города Енисейск. Разстрелян по приговору тройки УНКВД Красноярского края от 14 апреля 1938 года. Реабилитирован.

После удаления из Брянска Епископа Амвросия (Смирнова) временно управляющим Брянской Епархией был назначен Епископ Агапит (Борзаковский).

Архиепископ Агапит
(Борзаковский Александр Корнилович, 1860-1938)

Родился в 1860 году в семье священника с. Остаповка Миргородского уезда Полтавской губ. Окончил медицинский факультет Московского Университета. Служил врачом в Муромском уезде Владимирской губернии в течение 25 лет. В 1909 году пострижен в монашество в Яблочинском Свято-Онуфриевом монастыре Холмской Епархии, рукоположен в иеромонаха. Во время Первой мировой войны служил священником на северном фронте близ Риги. В 1918 году назначен настоятелем Одринского Николаевского монастыря Орловской Епархии. 12 декабря 1921 года хиротонисан во Епископа Карачевского, викария Орловской Епархии. Одновременно Владыка Агапит назначен временно управляющим Дмитровским викариатством Орловской Епархии. С 15 ноября 1923 года временно управлял Брянской Епархией. С 25 мая 1924 года - Епископ Брянский. Власти всячески препятствовали Епископу Агапиту управлять Епархией, угрожая судебным преследованием. В 1924

году последовали арест и ссылка в Тверскую губернию, где Владыка пробыл до 1926 года. С 1927 года жил в Брянске, назначен Епископом Карачевским. 21 декабря 1929 года Епископ Агапит выехал в город Орел. С 4 июня 1930 года Владыка назначен Епископом Стародубским, но уже 5 августа 1930 года арестован в Стародубе. А 15 декабря 1930 года - решением особой тройки ОГПУ по Западной области обвинен в организации в городах Брянск и Карачев монашеских ячеек антисоветского характера с целью подрыва советской власти. Приговорен к 10-ти годам ИТЛ. Заключение отбывал в лагере в Зырянском крае (ныне – Республика Коми). Досрочно освобожден, 22 ноября 1933 года назначен Епископом Новоторжским, викарием Калининской и Кашинской Епархии. В 1934 году Епископ Агапит возведен в сан Архиепископа. 18 ноября 1937 года арестован на станции Щербакты Цюрюпинского района (ныне Павлодарская область Казахстана). 25 ноября 1937 года постановлением тройки при УНКВД по Восточно-Казахстанской области приговорен к разстрелу. 28 ноября 1937 года разстрелян. Реабилитирован.

После Преосвященного Агапита (Борзаковского) на Брянскую кафедру не позднее марта 1930 года был назначен Епископ Матфей (Храмцев), который управлял Епархией чуть больше года – до 7 апреля 1931 года, дня своей смерти.

Епископ Матфей (Храмцев, † 1931)

В 1923 году хиротонисан во Епископа Новгород-Северского, викария Черниговской Епархии. С 1926 года – Епископ Городнянский, викарий той же Епархии. В 1930 году Владыка Матфей назначен Епископом Брянским и Севским. 7 апреля 1931 г. скончался в Брянске от болезни сердца. По поручению Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия отпевание совершал Епископ Александр (Раевский), временно управляющий Сухиничским викариатством Калужской Епархии.

С 12 мая 1931 года Епископом Брянским был Даниил (Троицкий), родной брат Священномученика Илариона (Троицкого), Архиепископа Верейского, викария Московской Епархии.

Архиепископ Даниил
(Троицкий Дмитрий Алексеевич, 1887-1934)

Будущий Владыка родился 6 октября 1887 года в семье священника Тульской Епархии. В 1913 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата Богословия и Санкт-Петербургский археологический институт. С 16 августа 1913 года – преподаватель Холмской Духовной Семинарии. 28 сентября 1913 года пострижен в монашество. 1 октября того же года рукоположен во иеромонаха. С 26 августа 1914 года иеромонах Даниил - преподаватель Тульской Духовной Семинарии. 28 октября 1917 года назначен настоятелем Болховского Троицкого Оптина монастыря Орловской Епархии. 12 апреля 1918 года возведен в сан архимандрита. 30 апреля 1921 года состоялась хиротония архимандрита Даниила (Троицкого) во Епископа Елецкого, викария Орловской Епархии. 14 сентября 1921 года Владыка назначен Епископом Болховским, викарием той же Епархии. 3 ноября 1921 года последовал арест Епископа Даниила в городе Болхов, по обвинению в «контрреволюционной агитации». 8 апреля 1922 года освобожден под подписку о невыезде. В 1922 году – временно управляющий Орловской Епархией. Но 28 октября 1922 года Владыка вновь арестован и 15 ноября 1922 года осужден президиумом Орловского ОГПУ. Приговор: два года ссылки в город Хиву. В апреле 1926 года в заключении в Бутырской тюрьме в Москве. В сентябре 1926 года он выслан в город Кинешму Костромской губернии. В 1927 году Владыка Даниил назначен Епископом Шадринским, викарием Свердловской Епархии – номинально. В 1928 – освобожден из ссылки с запрещением проживать в шести главных городах СССР. Назначен Епископом Рославльским, викарием Смоленской Епархии. С марта 1931 года перемещен на Орловскую кафедру (временно управляющий Орловской Епархией?).

С 12 мая 1931 года – Епископ Брянский и Севский. 3 января 1934 года Епископ Даниил возведен в сан Архиепископа. Скончался 17 марта 1934 года от тифа в Брянске. Вдохновенный преподаватель и проповедник. Непримиримый борец с «обновленчеством». Сохранил верность Богу в заключениях и ссылках.

Уже 23 марта 1934 года Епископом Брянским был назначен Преосвященный Иоасаф (Шишковский-Дрылевский).

Архиепископ Иоасаф
(Шишковский – Дылевский Алексей Степанович, 1888-1935)

Родился 19 марта 1888 года (по другим источникам в 1886 году). В 1913 году окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата Богословия и назначен помощником инспектора той же Академии. 2 мая 1921 года хиротонисан во Епископа Кашинского, викария Тверской Епархии. В 1922-1923 годах Епископ Иоасаф состоял в «обновленческом» расколе. Принес покаяние Патриарху Тихону. Как поставленный Архиереями старого поставления принят в сущем сане и с 9 октября 1923 года назначен Епископом Малоярославецким, викарием Калужской Епархии. В 1927 году упоминается как Епископ Могилевский. С 22 августа 1928 года на покое. С 25 сентября 1928 года Епископ Сызранский. С 3 апреля 1930 года Епископ Серпуховской, викарий Московской Епархии. С 22 ноября 1933 Епископ Можайский, викарий Московской Епархии. С 23 марта 1934 года Епископ Брянский. В 1935 году Епископ Иоасаф возведен в сан Архиепископа. Умер 15 декабря 1935 года. Погребен в Брянске.

21 февраля 1936 года на Брянскую кафедру был назначен Епископ Ювеналий (Машковский), но до Епархии добраться не смог. 26 апреля 1936 года был арестован во Владимире.

Епископ Ювеналий
(Машковский Виктор Константинович, 1883-1941)

Родился 15 ноября 1883 года в Курской губернии. Окончив лицей Цесаревича Николая, он в 1906 году поступил в Мос-

ковскую Духовную Академию, которую окончил в 1909 году со степенью кандидата Богословия. В Академии пострижен в монашество. 3 июня 1909 года рукоположен во иеродиакона, а 8 августа во иеромонаха. С 29 марта 1910 года – преподаватель Курской Духовной Семинарии, а с 12декабря 1910 года – инспектор Полтавской Духовной Семинарии. С 9 ноября 1912 года – ректор Тверской Духовной Семинарии в сане архимандрита. С 1913 года архимандрит Ювеналий – настоятель посольской церкви в Константинополе. С 1916 года – настоятель посольской церкви в Афинах. После 1917 года был приписан к Александро-Невской Лавре и назначен настоятелем Отенского монастыря Олонецкой Епархии. 25 апреля 1920 года хиротонисан во Епископа Павловского, викария Нижегородской Епархии. С августа 1922 года – Епископ Ардатовский. В конце 1922 года уклонился в «обновленческий» раскол. 9 мая 1935 года принес покаяние, принят в сане Епископа и назначен на Владимирскую Кафедру. 21 февраля 1936 года Епископ Брянский, но Епархией не управлял. 26 апреля 1936 года арестован во Владимире. Умер в заключении 12 апреля 1941 года.

17 июля 1936 года на Брянскую Кафедру был определен Преосвященный Иоанн (Соколов), бывший Епископ Волоколамский, викарий Московской Епархии. Епископом Брянским он пробыл чуть больше двух месяцев, до октября 1936 года и был назначен Епископом Вологодским и Тотемским.

Митрополит Иоанн
(Соколов Иван Александрович 1877 – 1968)

Родился 1 января 1877 года в городе Дмитрове в семье диакона. В 1896 году окончил Московскую Духовную Семинарию и был определен учителем в Николо-Угрешский монастырь. В 1901 году женился и был рукоположен во священника. Несколько лет преподавал Закон Божий в гимназиях. В 1912 году окончил заочно Институт археологии и защитил диссертацию на тему: “Об особенностях Богослужебных чинов Русской Церкви до XVII века по Крюковым и нотным книгам”. В 1915

году овдовел. С момента установления Советской власти поступает на пищевую фабрику №10, где служил до 1922 года. В этот же период несколько лет работал в комиссии по охране памятников старины. С 1922 года - благочинный одного из округов Москвы. В 1928 году пострижен в монашество. 29 сентября 1928 года хиротонисан во Епископа Орехово-Зуевского, викария Московской Епархии. С 25 сентября 1929 года - Епископ Кимрский, викарий Калининской Епархии. С 17 марта 1931 года - Епископ Орехово-Зуевский, викарий Московской Епархии. С 14 мая 1934 года - Епископ Подольский, викарий Московской Епархии. С 4 сентября 1934 года - Епископ Егорьевский, викарий Московской Епархии. С января 1936 года - Епископ Волоколамский, викарий Московской Епархии. В этом же году временно управлял Брянской и Вологодской Епархиями. С 23 мая 1937 года - Епископ Архангельский. С 21 января 1938 года - Архиепископ. В 1938 году Владыка Иоанн уволен на покой. С ноября 1941 года - Архиепископ Ульяновский. В этом же году награжден правом ношения креста на клобуке. С 1 августа 1942 года - Архиепископ Ярославский и Ростовский. 8 сентября 1943 года был участником Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. 12 февраля 1944 года возведен в сан Митрополита и назначен Священным Синодом Митрополитом Киевским и Галицким, Экзархом Украины. 30 марта 1964 года уволен на покой по болезни. Скончался 29 марта 1968 года в Киеве.

С конца 1936 года по июль 1937 года временно управляющим делами Брянской Епархии был протоиерей Василий Васильевич Доронкин.

Протоиерей Василий Васильевич Доронкин (1872 – 1937)

Родился 24 февраля 1872 года в деревне Макеево Спас-Клепиковского района Московской области Окончил Казанскую Духовную Академию. С 1897 – священник. В 1923 году арестован Муромской ЧК и был освобожден через месяц. В 1935 выслан из Москвы за чтение запрещенных проповедей. Настоятель

храма в честь Воскресения Христова города Брянск. 8 августа 1937 года арестован, содержался в тюрьме города Брянск. Обвинялся в том, что состоял членом контр-революционной повстанческой организации, ставившей своей целью реставрацию капитализма в СССР; вел подготовку к вооруженному восстанию на случай военной интервенции. 28-29 сентября 1937 года – решением особой тройки УНКВД по Западной области приговорен к разстрелу. 13 октября 1937 года разстрелян. Реабилитирован.

В июле 1937 года, после ликвидации Брянской Епархиальной канцелярии, Брянской Епархией управлял Архиепископ Вяземский, викарий Смоленской Епархии Модест (Никитин)

Архиепископ Модест
(Никитин Тихон Николаевич, 1867-1937)

Родился 12 августа 1867 года в Воронеже. Окончил в 1884 году Воронежское Духовное Училище, в 1889 году - Воронежскую Духовную Семинарию, после окончания которой в 1889-1891 годах работал учителем в Воронежской начальной школе. В 1891 году он рукоположен в сан священника. С 1891 года по 1898 год служил священником в Воронежской Епархии. Овдовел в 1898 году. В 1899 году во время обучения в Московской Духовной Академии был пострижен в монашество. В 1903 году окончил Академию со степенью кандидата Богословия. С 1904 года работал законоучителем в Феодосийском учительском институте. С 1904 года служил священником в Тихвино-Онуфриевской церкви Воронежа. В 1907-1908 годах – иеромонах Московского Чудова монастыря. В 1908-1913 годах в сане архимандрита настоятель Знаменского монастыря и Благочинный мужских и женских монастырей Московской Епархии, наблюдатель церковно-приходских школ. 4 августа 1913 года хиротонисан во Епископа Верейского, викария Московской Епархии. Одновременно настоятель Покровского монастыря и заведующий Московскими пастырскими курсами. Во время войны - председатель Московского Миссионерского общества и председатель комитета по устройству лагерей для раненых. С 1917 го-

да Епископ Усть-Медведицкий и Хоперский, викарий Донской Епархии. С 8 мая 1917 года временно управлял Рязанской Епархией. С 9 октября 1917 года - Епископ Севастопольский, викарий Таврической Епархии. С 11 ноября 1917 года был уволен на покой по болезни. До 1921 года проживал в Белгородском монастыре Воронежской губернии. С 1920 года - Епископ Аксайский. В 1920-1922 годах временно управлял Усть-Медведицкой Епархией. В 1922 году уклонился в «обновленческий» раскол. 3 июня 1931 года принес покаяние и был принят в лоно Русской Православной Церкви в сане Епископа. С 1931 года - Епископ Уральский. В 1932 году был уволен на покой. В 1933 году служил священником в Москве. С 11 августа 1933 года - Епископ Вяземский, викарий Смоленской Епархии. 17 марта 1936 года возведен в сан Архиепископа. С июля 1937 года Владыка Модест, будучи Архиепископом Вяземским, управлял Брянской Епархией. Был арестован 29 октября 1937 года в Вязьме. Тройкой при УНКВД по Смоленской области 20 ноября 1937 года приговорен к разстрелу. Разстрелян 2 декабря 1937 года. Реабилитирован.

С конца 1937 года по 1943 год об Архиереях Русской Православной Церкви Брянской Епархии и о том, как осуществлялось управление Епархией, данных не имеется. Во время Великой Отечественной Войны Архипастыри, находившиеся на оккупированной территории Белоруссии, не порывали канонической связи с кириархальною Церковью – Московским Патриархатом. В 1943 году ими был хиротонисан во Епископа Брянского Павел (Мелентьев).

Епископ Павел
(Мелентьев (?Мелетьев) Трофим, † 1962)

Родился в Архангельске в семье диакона. Родители рано умерли (отец умер, когда Трофиму было шесть лет, мать - когда ему было одиннадцать). Не раз совершал паломничества по монастырям. Когда Трофиму было восемь лет, старец схимник Варфоломей в Соловецком монастыре предсказал ему священ-

ническое и иноческое предназначение. Окончил Духовное Училище и в 1903 году - Духовную Семинарию. Поступил в Соловецкий монастырь после окончания семинарии, по благословению Оптинского старца. В 1908 году рукоположен во иеродиакона, в 1910 году - во иеромонаха. В 1908-1914 годах пребывал в монастыре, затем занимался миссионерской деятельностью в северных областях России. В феврале 1920 года арестован, пребывал в заключении в тюрьме в Архангельске и Пинеге. В 1925 году был освобожден и занимался миссионерской деятельностью в Москве, Калуге, Серпухове. В 1931 году вновь был арестован и осужден на семилетнее заключение в Казахстане. Освобожден в 1937 году. Вновь миссионерствовал, скрывался, переезжал с места на место. В 1941 году оказался на западе СССР на оккупированной немцами территории. С согласия оккупационных властей стал открывать храмы.

В 1943 году хиротонисан в Минском Кафедральном Соборе во Епископа Брянского. Чин хиротонии совершали: Архиепископ Минский Пантелеимон, Епископ Гродненский Венедикт и Епископ Могилевский Филофей. Вместе с немцами покинул Россию и переехал в Баварию, где начал помогать соотечественникам, решившим покинуть СССР. Летом 1946 года перешел в католичество. Получил титул епископа Гераклеопольского. В 1948 году поселился в Бельгии, сначала в Шеветонском монастыре, затем в Брюсселе.19 мая 1962 года трагически погиб, был сбит автомобилем. Отпевание совершено в бельгийской церкви Креста Господня. Похоронен на кладбище Сен Пьер.

Итак, за двадцать пять лет существования самостоятельной Брянской Епархии с 1920 по 1945 годы нам известны имена десяти управляющих Епархией, принадлежащих к Русской Православной Церкви, девять из которых были в Епископском сане, а один – протоиерей. Жизнь многих из них отмечена особым страдальческим подвигом за веру в Бога. По имеющимся данным, семеро из них в разное время подвергались репрессиям, арестовывались и находились в заключении, четверо были раз-

стреляны, один умер в тюрьме. Надеемся, что этот доклад, как попытка собрать доступные на сегодня сведения об Архипастырях Брянской Епархии, которые трудились и молились на нашей Земле, принесет пользу будущим изследователям истории Русской Православной Церкви.

Источники и литература

ГАБО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1045.

ГАБО. Ф. Р – 85. Оп. 2. Д.80.

ГАБО. Ф. 249. Оп. 1. Д. 247.

ГАБО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 443.

ГАБО. Ф. Р – 1780. Оп. 1. Д. 52.

Мануил (Лемешевский В.В.), Митр. Русские Православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно). Erlangen, 1979-1989.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей Церковной власти, 1917-1943: Сб. в 2-х частях / сост. М.Е. Губонин. - М., 1994. - С. 128, 174, 450, 970.

Цыпин, В., прот. История Русской Церкви. 1917-1997 / В. Цыпин, прот. – М., 1997. С. 288-289.

Православная энциклопедия. Т. I. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. - С. 226-227.

Православная энциклопедия. Т. II. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. - С. 152-153.

«Обновленческий» раскол / сост. И.В. Соловьев. – М.: Общество любителей церковной истории; издательство Крутицкого подворья, 2002. - С. 640.

Православная энциклопедия. Т. VI. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2003. - С. 286-289.

Крашенинников, В.В. История Брянского края. XX век : учебное пособие для 11 класса / В.В. Крашенинников. – Клинцы, 2003.

Коваленко, З.П. Документы государственного архива Брянской области о Севском Площанском монастыре в первой четверти XX века // История Брянщины по документам ГАБО : материалы научно – практической конференции / Управление по делам архивов Брянской области. - Брянск, 2004.

Книга памяти Павлодарской обл. (Казахстан).

Приложение №1

Архипастыри Брянские

1921-1923	Амвросий (Смирнов Алексей Степанович)	31.07.1911 хирот. во Еп. Михайловского, вик. Рязанской Епархии; с 26.05.1917 Еп. Елецкий, вик. Орловской Епархии; **с 1921 Еп. Брянский**; 23-25 июня 1921 осужден условно на 5 лет заключения, осуждение снято по амнистии. 14.09.1923 уволен, согласно прошению, на покой. 26.03.1924 арестован в Брянске, 7.06.1924 освобожден под подписку о невыезде, 16.03.1925 г. дело прекращено. Выслан в Москву, где проживал без права выезда. С 1925 Еп. Сергиевский, вик. Московской Епархии; с 25.04.1928 Еп. Дмитровский, вик. Московской Епархии; с 28.11.1928 Архиеп. Вологодский; 1931-1933 в заключ.; 14.05.1934 Архиеп. Муромский; 10.08.1935 арест.; Разстрелян 14.04.1938.
1923-1929	Агапит (Борзаковский Александр Корнило-	12.12.1921 хирот. во еп. Дмитровского, вик. Московской епархии; с **15.11.1923 в.у. Брянской епархи-**

	вич)	**ей; с 25.05.1924 еп. Брянский**; с 4.06.1930 еп. тародубский; с 22.11.1933 еп. Новторжский, вик. Калининской епархии; с 1934 архиеп.; **Разстрелян 28 ноября 1937.**
1930-1931	Матфей (Храмцев)	в 1923 хирот. во еп. Новоград-Северского, вик. Черниговской епархии; с 1926 еп. Городнянский, вик. Черниговской епархии; **с 1930 еп. Брянский**; † 07.04.1931.
1931-1934	Даниил (Троицкий Дмитрий Алексеевич)	17.04.1921 хирот. во еп. Болховского, вик. Орловской епархии; с 1924 в заключ. и ссылке; с 1927 еп. Шадринский, вик. Свердловской епархии; с 1928 еп. Рославльский, вик. Смоленской епархии; с авг. 1931 еп. Орловский; **с дек. 1931 еп. Брянский; с 7.01.1934 архиеп.; † 17.03.1934.**
1934-1935	Иоасаф (Шишковский-Дрылевский Алексей Степанович)	2.05.1921 хирот. во еп. Кашинского, вик. Тверской епархии; 1922-1923 в обн. расколе; принес покаяние; с 9.10.1923 еп. Малоярославецкий, вик. Калужской епархии; в 1927 упом. как еп. Могилевский; с 22.08.1928 на покое; с 25.09.1928 еп. Сызранский; с 3.04.1930 еп. Серпуховской, вик. Московской епархии; с 22.11.1933 еп. Можайский, вик. Московской епархии; **с 23.03.1934 еп. Брянский; с 1935 архиеп.**; † 15.12.1935.
1936	Ювеналий	25.04.1910 хирот. во еп. Павловско-

	(Машковский Виктор Константинович)	го, вик. Нижегородской епархии; авг. 1922 еп. Ардатовский, вик. той же епархии; с 1922 по 9.05.1935 в обновленческом расколе; 9.05.1935 еп. Владимирский и Суздальский; **21.02.1936 еп. Брянский;** (?) архиеп. Вологодский; 26.04.1936 арест. во Владимире; † в закл. 12.04.1941.
1936	Иоанн (Соколов)	29.09.1928 хирот. во еп. Орехово-Зуевского, вик. Московской епархии; с 25.09.1929 еп. Кимрский, вик. Калининской епархии; с 14.05.1934 еп. Подольский, вик. Московской епархии; с 4.09.1934 еп. Егорьевский, вик. Московской епархии; с янв. 1936 еп. Волоколамский, вик. Московской епархии; **с 17.07.1936 еп. Брянский**; с окт. 1936 еп. Вологодский и Тотемский; с 23.05.1937 архиеп. Архангельский; с 1938 на покое; с нояб. 1941 архиеп. Ульяновский; с 1.08.1942 архиеп. Ярославский и Ростовский; с 12.02.1944 митр. Киевский и Галицкий, экзарх Украины; с 30.03.1964 на покое; † 29.03.68.
1936-1937	Протоиерей Василий Доронкин	? С окт. 1936 г. по июль 1937 г. **в.у. Брянской Епархией.** Арест. 8.08.1937г. Разстрелян 13.10.1937.
1937 Июль-октябрь	Модест (Никитин Тихон Николаевич)	4.08.1913 г. хиротонисан во Еп. Верейского. Занимал Усть-Медведицкую, Рязанскую, Севастопольскую, Аксайскую кафедры.

		С 1922 г. по 1931г. в «обновленческом» расколе. Принес покаяние. Занимал Уральскую, Вяземскую кафедры. С 1936 г. Архиеп. 19 июля 1937 сообщил циркулярно о вступлении во **врем. управление Брянской Епархией**, будучи Еп. Вяземским – ввиду болезни в.у. Брянской Епархией прот. Василия Доронкина. 29.10.1937 арестован. Разстр. 2.12.1937.
1943-1945	Павел (Мелентьев) (? Мелетьев)	У прот. В. Цыпина: в 1943 хирот. во **еп. Брянского**; впоследствии эмигрировал и перешел в унию; У митр. Мануила: 1943 хирот. во еп. Брянского; принадлежал к Белорусской автокефалии; в 1945 уехал за границу. Летом 1946 г. перешел в католичество. † 1962.

Приложение №2

Обновленческие архиереи Брянской епархии

№	Время	управления	Имя (Ф.И.О.)	сан		Поставление
1	21.08.1923	25.06.1924	Алексий (Замараев)	епископ		правосл. хирот. 09.11.21.
2	07.1924	10.1925	Петр Виноградов			обн.
3	1926	1926	Тимофей Успенский		в.у.	обн.
4	11.05.1926	1928	Николай Поликарпов			обн.
5	1928	1931				
6	29.01.1931		Александр Цветиков			обн.
7	24.05.1933	10.1933	Михаил Соколовский			обн.
8	11.1933	1934	Николай Поспелов			обн.
9	22.03.1934	Декабрь 1934	Георгий Константиновский			обн.
10	24.02.1935	11.11.1937	Владимир Досычев			обн.

Первый обновленческий Епископ Брянский и Севский Алексий (Замараев), из настоятелей Свенского монастыря, был хиротонисан во Епископа Бежецкого, викария Орловской Епархии, но уклонился в обновленческий раскол. Обновленческим Синодом с 21 августа он назначен управляющим Брянской Епархией. Ему удалось захватить канцелярию Брянского Епархиального Управления. Так началась борьба обновленчества, поддерживаемого государственными органами, с канонической Православной Церковью.

Из девяти обновленческих «епископов», последний – Владимир Досычев был разстрелян, двое умерли своей смертью. О том, как окончилась жизнь остальных, пока сведений не имеется.

В.А. Снытко,
к.и.н., старший преподаватель Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

Стахановское движение в годы второй пятилетки

(на примере Красногорского района)

Второй пятилетний план (1933 - 1937 гг.) - время великих строек, героических трудовых свершений, невероятного напряжения сил миллионов наших сограждан. В этот период в стране было сооружено 4,5 тысячи крупных промышленных предприятий, таких, как Уральский машиностроительный, Челябинский тракторный заводы. На Брянщине в строй вступили, в частности, Бежицкий сталелитейный завод и мясокомбинат. В ряде отраслей тяжелой промышленности, например, в черной металлургии, электроэнергетике, были достигнуты высокие результаты. Первые промышленные предприятия в годы пятилетки поя-

вились и в Красногорском районе: это были крахмальный и маслодельный заводы.

Важную роль в борьбе за выполнение поставленных планов, как и в предыдущей пятилетке, играл трудовой энтузиазм. В различных формах социалистического соревнования участвовали рабочие практически всех заводов и фабрик страны. Широкое распространение получило в это время стахановское движение. Оно было связано с именем шахтера Алексея Стаханова, выполнившего за смену 14 трудовых норм. Рекорд был поставлен в сентябре 1935 года, а вскоре стахановцы появились на многих промышленных, транспортных и строительных предприятиях страны, а затем в колхозах и совхозах.

Как известно, различные формы труда передовиков и новаторов производства (ударничество, стахановское движение, затем движение многостаночников) широко освещались советскими историками и оценивались ими всегда только положительно. Однако, начиная с середины восьмидесятых годов, в исторической литературе и публицистике этим формам и, в частности, стахановскому движению стала даваться весьма неоднозначная оценка. Так, о рекордах тридцатых годов теперь нередко говорилось как о «тепличных» достижениях, «для которых создавались особые условия, существенно отличные от тех, в которых работал весь коллектив» [1]. Действительно, стахановское движение выполняло в первую очередь пропагандистскую роль. Ставилась задача показать широким массам трудовые рекорды передовиков производства. Это позволило бы поднять производительность труда во всех отраслях экономики путем различных форм морального и отчасти материального поощрения лучших тружеников – стахановцев. Таким образом, движение было призвано в какой-то мере компенсировать весьма скромные доходы рабочих и колхозников, и, как следствие, способствовать подъему уровня их жизни. В итоге самоотверженный труд новаторов, передовиков промышленного и сельскохозяйственного производства, строителей и транспорт-

ников должен был обеспечить завершение индустриализации страны при помощи очередного «большого скачка».

Но если тяжелая промышленность, несмотря на известные сложности и противоречия, развивалась относительно успешно, то сельское хозяйство в эти годы испытывало огромные трудности, вызванные форсированной коллективизацией, низкими закупочными ценами на сельхозпродукцию, а нередко и неумелыми действиями руководителей разных уровней. Также сказывались организационные неурядицы в колхозах, нехватка опытных специалистов. Но руководство страны требовало от местных властей во что бы то ни стало обеспечить выполнение заданий второго пятилетнего плана. Очевидно, что именно стахановскому движению отводилась особая роль в решении этой сложной задачи.

27 декабря 1936 года в Смоленске (Красная Гора тогда входила в Западную область с центром в этом городе) состоялось совещание председателей колхозов. С большой речью - «Под знаменем сталинской конституции – на борьбу за высокий урожай» - на нем выступил секретарь областного комитета ВКП(б) И.П. Румянцев. Он призвал организовывать стахановские бригады и звенья в колхозах и совхозах, бороться за перевыполнение плановых норм [2]. Таким образом, инициаторами движения новаторов в нашем крае выступили областные властные структуры.

Их призыв немедленно подхватили руководители округов, районов, сельсоветов, а также многие трудовые коллективы. Уже в январе 1937 года в Красногорском районе было организовано проведение стахановской декады, в которой участвовали практически все коллективные хозяйства. Главной задачей декады стала вывозка на поля органических удобрений.

Районная газета «Колхозник» (ответственный редактор – Михаил Иванович Кутузов) в каждом номере оперативно освещала ход соревнования хозяйств, бригад, звеньев, отдельных колхозников. Фамилии передовиков, новаторов, стахановцев помещались на первых полосах газеты. Примеры самоотвер-

женного труда в этот период показывали десятки сельских тружеников.

В колхозе «Труд» (Красная Гора) И. Хандожко, И. Решетников, О. Запецкая в два раза перевыполняли дневные нормы: вывозили на поля по 22 воза торфа вместо 11. Постоянно шло соревнование между бригадами. В колхозе «Завет Ленина» (с. Городечня) Владимир Коваленко и Петр Тупица, соревнуясь между собой, заготавливали по 6 кубометров торфа при норме полтора кубометра. Василий Камоза, Анна Тупица, Христинья Поддубная во все дни декады при норме 15 возов вывозили торфа по 25 – 27 возов. (Разница в нормах вывозки по хозяйствам «Труд» и «Завет Ленина» объяснялась разным расстоянием от мест заготовки торфа). В колхозе «Красная Дубровка» Фошнянского сельсовета по-стахановски работали Леон Струговец, Василий Поленок, Максим Чуев, Михаил Ушаков; в колхозе «Красный Ручей» (Красная Гора) - Сергей Нестерович Таран. В колхозе «Страна Советов» (д. Батуровка) план добычи торфа был выполнен на 150%. Всего на поля вывезли здесь 3019 тонн. Лучших результатов в этом хозяйстве добились Павел Кузьмич Ушаков, Григорий Никитич Дударев, Тимофей Евланович Дударев. Они вывозили по 30 – 40 возов торфа при плане 20 [3].

В «Красном Дубовце» за 5 дней работы был выполнен на 68% годовой план заготовки торфа. Здесь отличились женщины Ксения Калуга, Анастасия Грибова и другие. Отмечалась хорошая организация работы стахановского звена по вывозке торфа в колхозе «Красная Палужь» (д. Палужская Рудня).

Были стахановцы также в хозяйствах «Наука и техника» (с. Перелазы), «Красная нива» (с. Колюды), «Вторая пятилетка» (бригада №3) Яловского сельсовета, «Труд» (бригада «Великий Лес») и «Красный ручей» Красногорского сельсовета и во многих других.

Примеры самоотверженного труда показывали и рабочие Красногорской МТС. Кузнецы Григорий Лукьяненко и Афанасий Хандожко на основе стахановских методов добились высокой производительности труда по рубке и ковке лемехов для

тракторных плугов. На одном горне Григорий Лукьяненко при норме 10 лемехов 29 января 1937 года отрубил и отковал 25 лемехов, 30 января - 30 лемехов, 1 февраля - 35.

Афанасий Хандожко 1 февраля отрубил и отковал 33 лемеха. В интервью районной газете кузнецы заявили: «Это для нас не предел. При нормальных условиях работы мы можем достигнуть перевыполнения плана в 4 -5 раз» [4]. В целом декада показала неплохие результаты.

2 марта 1937 года в Красной Горе состоялось совещание руководителей стахановских звеньев. Было отмечено, что таких звеньев в районе теперь десятки. Интересно, что из 37 участников совещания здесь было 35 женщин. Звеньевые рассказывали о достигнутых результатах, о ходе подготовки к весеннему севу, принимали повышенные обязательства на новый год. Шла на совещании речь и о недостатках в организации стахановского движения: так, в колхозе «Страна Советов» были созданы громоздкие звенья по 9-11 человек, а в селах Заборье и Фошное они даже не были полностью оформлены. Не везде правления хозяйств оказывали действенную помощь звеньевым. Поэтому женщины-стахановки обратились с призывом к труженикам села сделать все возможное для успешного проведения весеннего сева [5].

После завершения декады по вывозке удобрений колхозы продолжали готовиться к весеннему севу. Стахановское движение, по мнению руководства района, должно было стать важным элементом выполнения принятых планов. Это означало, что борьба за рекорды новаторов будет продолжаться и в течение последующих лет, причем в самых разных технологических процессах сельскохозяйственного производства: в подготовке и проведении весеннего сева, в уходе за посевами, в уборке урожая.

Постепенно в стахановском движении появились признанные лидеры. Это прежде всего звеньевая льноводческого звена из колхоза «Красная Палужь» (деревня Палужская Рудня) Мария Евдокимовна Севрюк. Она первой в районе подхватила

почин известной на всю страну Марии Демченко и организовала в своем колхозе стахановское звено. В его состав вошли также Ефимия Шкель, Евдокия Задерко, Анастасия Соболь, Анастасия Севрюк. Следует отметить, что на протяжении ряда лет звено добивалось высоких урожаев, показывало образцы самоотверженного труда. Обмениваясь опытом работы, Мария Севрюк выступила с лекцией «Как получить тонну льноволокна с гектара» [6]. Текст лекции был напечатан в районной газете.

Звено М.Е. Севрюк соревновалось с таким же звеном Ксении Королевой из колхоза имени Ворошилова (с. Колюды). Ксения Тимофеевна Королева также добивалась высоких урожаев, успешно выполняла принятые обязательства. В свои 43 года она по вечерам занималась с местной учительницей русским языком и математикой, постоянно читала центральные и районную газеты, стараясь быть в курсе событий, происходящих в стране и мире. Ксения Королева говорила, что звеньевой - это не только бригадир производства, но и наставник, воспитатель, учитель. Известной стахановкой была и звеньевая льноводческого звена из колхоза «Новая слобода» Фошнянского сельсовета Елена Нестеровна Давыденкова.

В Красногорской МТС успешно работала женская тракторная бригада во главе с Ириной Арещенко. В бригаде было 24 трактористки. Во время весеннего сева бригада выполнила план на 103%. Особенно отличились А. Тарико, М. Тищенко, А. Малявко, перевыполнившие плановые задания в полтора раза. В начале 1937 года в Красногорской МТС насчитывалось уже 55 тракторов.

Весенняя посевная кампания 1937 года выявила лидеров и среди хозяйств. Так, именно благодаря работе стахановских звеньев бригады №2 колхоза «Новая Слобода» (Фошнянский сельсовет) здесь уже к 22 апреля завершили весенний сев.

Передовики производства были, конечно же, не только в сельском хозяйстве. Отмечались успехи работников Красногорского крахмального завода. К 1 мая 1937 года они наладили выпуск новых видов продукции: тортов, рулетов с маком, пирож-

ных, бисквитного печенья, мороженого, а также двадцати сортов вин. Принимались заказы на обслуживание праздничных вечеров.

Были существенные достижения и на транспорте. С 20 июня 1937 года из Смоленска в Красную Гору стал ежедневно летать почтово-пассажирский самолет. Первый рейс его торжественно встретили руководители района и пионеры Анатолий Смиренский, Аркадий и Антонина Выгонные. Местные журналисты с гордостью сообщали, что областную газету «Рабочий путь» в Красной Горе теперь читают в тот же день, что и в Смоленске.

А в это время районная газета «Колхозник» продолжала из номера в номер публиковать материалы о достижениях передовиков сельскохозяйственного производства. Она поместила фотографию женщин-стахановок, участниц районного совещания. Это были М. Севрюк, Е. Давыденко, К. Королева, Д. Жук, А. Долгая, П. Лисица.

Стахановское движение освещалось не только районной газетой. С 15 по 20 мая в районном Доме культуры проводилась выставка колхозных стенгазет. Лучшей была признана газета «Ударник» колхоза имени Ворошилова. Она выходила три раза в месяц и постоянно рассказывала о труде местных передовиков. Статьи в стенгазету писали сами колхозники. Специальными премиями были отмечены также стенгазеты «Путь Ленина» (с. Верхличи) и «Стахановец» (с. Лотаки).

Летом и осенью 1937 года стахановское движение в районе продолжало успешно развиваться. Так, на уборке урожая снова хорошие результаты показало звено Марии Севрюк. В день при ручной работе звеньевая убирала по 0,6 га льна. Ежедневно Мария Евдокимовна вырабатывала на уборке льна в среднем 12 трудодней, а на его переработке - до 22 трудодней, перекрывая почти вдвое рекорд Алексея Стаханова! В итоге Марией Севрюк было выработано 800 трудодней, причем на каждый трудодень приходилось 3 килограмма зерна, 6 килограммов картофеля и полтора рубля деньгами [7].

Хорошо работали и другие стахановки звена Марии Севрюк. Поэтому в 1937 году этот небольшой сплоченный коллектив постоянно ставился в пример другим звеньям и бригадам. На уборке льна отличилось также звено Елизаветы Дикой из колхоза «Червонный Усход».

Следует признать, что руководители области и района пытались обеспечить материальное и моральное стимулирование передовиков производства. Стахановцы Красногорского района получали как выплаты по выработанным трудодням, так и другие поощрения. Так, Василий Кравченко, рабочий крахмального завода, был награжден путевкой в Москву, где вместе с другими членами группы – работниками Смоленского облпищепромсоюза, посетил музей Ленина и метрополитен. Прораб по строительству Колюдовской и Селецкой школ И.Е. Колтыго был отмечен премией Президиума Западного облисполкома в размере 350 рублей [8]. В качестве морального поощрения стахановки Мария Евдокимовна Севрюк и Елена Никитична Байдак (колхоз «Красный ручей» Красногорского сельсовета) работали в составе участковых избирательных комиссий по выборам в Верховный Совет СССР. Депутатом Верховного Совета по Новозыбковскому округу Орловской области (после расформирования Западной области Красногорский район вошел в состав Орловской) был избран Константин Иосифович Бидинский [9]. В дальнейшем стахановка Е.Н. Байдак избиралась депутатом районного совета и членом исполкома. Она же участвовала и в работе областного совещания стахановцев в Смоленске (1937 год), а после освобождения района от немецко-фашистских оккупантов возглавляла колхоз «Красный ручей».

Стахановское движение представляло собой, по сути, внеэкономический способ подъема экономики, призванный организовать рабочих и колхозников на ударный труд. В какой мере это движение было порывом снизу, делом энтузиастов, важной инициативой людей, влюбленных в крестьянский труд? И в какой степени оно было организовано по указке сверху, идущей от известной речи Сталина перед выпускниками воен-

ных академий в 1935 году? Ответить на эти вопросы не так уж просто. Действительно, руководство Западной области проявило инициативу в организации движения стахановцев. Красногорский райком ВКП(б) и его орган – газета «Колхозник», - как мы видели выше, целенаправленно призывали развивать почин Алексея Стаханова. На уровне хозяйств и сельсоветов роль организаторов и пропагандистов движения выполняли стенгазеты. В адрес колхозов, где движение не проявлялось или было малозаметным, постоянно звучала резкая критика.

Бесспорно, что последователи Стаханова многое делали по личной инициативе, не ожидая приказа сверху или каких-либо особых материальных благ. Так, в колхозе «Красный ручей» председатель Бордюженко, как сообщала районная газета, редко появлялся в бригадах, но местные стахановцы систематически перевыполняли плановые задания. При этом в районе не обнаружены случаи приписок, «дутых» рекордов, не обнаружены и факты создания особых благоприятных условий для трудовых достижений колхозников-новаторов. Но главный вопрос заключается в другом: можно ли было путем развертывания стахановского движения вширь сделать его всеобщим, массовым? Ведь рекорд, как справедливо отмечал П. Вощанов, «это не просто ударная работа, это еще и порыв, вдохновение! В силах ли обеспечивать вдохновение указкой сверху, бюрократической разнарядкой? Здравый смысл показывает: бесполезно» [10]. Опыт Красногорского района подтверждает, что и здесь достичь желаемого результата местному руководству не удалось.

Таким образом, самоотверженный труд стахановцев не мог решить острых проблем сельскохозяйственного производства. В итоге положение в сельском хозяйстве Красногорского района в годы второй пятилетки оставалось крайне тяжелым. Ведь как уже говорилось, движение новаторов, хотя и было организовано сверху, хотя и получало оттуда постоянную поддержку, основывалось, прежде всего, на трудовом энтузиазме отдельных работников, настоящих мастеров своего дела. Попытки же добиться желаемых результатов административными

методами там, где не было высокого профессионализма и даже опыта коллективной работы, приводили к штурмовщине и в итоге к прямо противоположным результатам. Действительно, почти в каждом номере районной газеты отмечались острые сигналы с мест о плохой организации полевых работ весной 1937 года, о низкой трудовой дисциплине, о нарушении элементарных агротехнических норм, о систематическом срыве плановых заданий. Так, тракторная бригада колхоза «Путь Ленина» Увельского сельсовета в погоне за высокими показателями систематически не соблюдала агротехнические правила во время проведения весеннего сева, что в итоге негативно сказалось на урожайности зерновых культур.

Разумеется, в местной печати постоянно указывалось на виновников трудностей в организации весеннего сева и уборки урожая. При этом давалась негативная оценка работе как руководителей хозяйств (в частности, председателя колхоза «Красный ручей» Красногорского сельсовета), так и деятелей районного масштаба (секретаря райкома ВЛКСМ Селебина «за отсутствие самокритики»).

Напрашивается вывод: увлечение районного руководства рекордами, надежда на успехи передовиков-стахановцев, отсутствие целенаправленной повседневной работы с отстающими хозяйствами, бригадами и звеньями и, наконец, отсутствие серьезных материальных стимулов к труду у колхозников привели в итоге к значительным трудностям. Показательно, что в это время на фоне явных успехов стахановских звеньев и бригад особенно четко выделялись слабые места в организации полевых работ. Ведь повышение норм выработки вследствие стахановского движения делало труднодостижимым выполнение плановых показателей другими колхозниками. Отсюда и систематические провалы в процессе выполнения производственных заданий.

В итоге ситуация в Красногорском районе уже в период весеннего сева 1937 года оказалась весьма не простой. Характерный пример: в то время как передовая бригада №2 колхоза

«Новая слобода» Фошнянского сельсовета, включавшая два стахановских звена, завершила весенний сев к 22 апреля, в целом район по данным даже на 10 мая выполнил план сева только на 56%. В Батуровском сельском совете, несмотря на усилия местных стахановцев, план по весеннему севу был выполнен по данным на 10 мая только на 42%, в Лотаковском сельсовете – на 40%.

20 апреля районная газета опубликовала статью «Уроки первых дней сева», в которой подвергла острой критике за низкие темпы работ хозяйства «Красная Кустовка» и «Красный колос» Кургановского сельсовета, а также один из лучших колхозов района - «Поляна пятилетки» (с. Ширки).

Естественно, что тяжелое положение в сельском хозяйстве порождало трудности со снабжением населения самыми необходимыми товарами широкого потребления. Уровень жизни красногорцев оставался крайне низким. И как следствие, в ходе массовых репрессий в стране вина за упущения в сельском хозяйстве была возложена на руководство района.

29 августа 1937 года появилась передовая статья в смоленской областной газете «Рабочий путь» с информацией о деятельности «правотроцкистской банды в Красногорском районе». Обвинялись руководители района: первый секретарь райкома ВКП(б) С.Г. Жестяников, председатель райисполкома М.А. Кругликов, заведующий райфинотделом Д.С. Грицков, заведующий районным земельным отделом М.М. Баринов, председатель райпотребсоюза К.Л. Чечиков, председатель Летяховского сельсовета И.С. Белокаменец. Позже были объявлены «врагами народа» районный прокурор С.В. Громов, директор Красногорской МТС Хлистунов. Их обвиняли в том, что в районе не критиковались троцкисты, не допускалось сселение хуторов в большие колхозные поселки, делилась по едокам земля, разрешалось иметь по четыре коровы, т. е. претворялся в жизнь «кулацкий принцип». Оказалось также, что Красногорский район занял последнее место в Западной области по обеспеченности колхозного скота кормами. Судебные заседания шли в районном

парке культуры и отдыха, транслировались по местному радио. 1 сентября 1937 года специальная коллегия областного суда вынесла приговор [11]. Руководители района были приговорены к смертной казни. В числе репрессированных был и секретарь Западного обкома ВКП(б) И.П. Румянцев.

Таким образом, добиться заметных успехов в развитии сельского хозяйства путем «большого скачка» в районе не удалось. Более того, проводившаяся в годы второй пятилетки аграрная политика, просчеты областного и районного руководства привели к новым проблемам. Значительно уменьшилось число населенных пунктов в результате последовавшего за репрессиями 1937 года форсированного переселения людей из хуторов и маленьких поселков в крупные села и деревни. Так, в окрестностях Красной Горы исчезли поселки Землянки, Елюга, Онопровичи. Немало крестьян пополнило ряды заключенных ГУЛАГа. Поощрение же новаторов производства сводилось теперь, как правило, лишь к моральным формам. Но все же тяжелое положение в сельском хозяйстве района нисколько не преуменьшает трудовые достижения местных передовиков производства - стахановцев, немало сделавших для того, чтобы вопреки экономическим просчетам руководителей страны, области и района наша страна смогла выполнить по ряду показателей напряженные задания второго пятилетнего плана, стать в итоге крупной индустриальной державой.

Литература

1. Вощанов, П. Рекордомания // Комсомольская правда. - 1989. - 22 янв. - С. 2.
2. Колхозник (Красногорский р-н). - 1937. - 16 янв. (№4 (393).
3. Там же. 1937. - 17 февр. (№11 (400).
4. Там же. 1937. - 4 февр. №9 (398).
5. Там же. 1937. - 2 марта (№14 (403).
6. Там же. 1937. - 17 февр. (№11 (400).

7. Там же. 1937. - 13 нояб. (№67 (456).
8. Там же. 1937. - 16 янв. (№4 (393).
9. Там же. 1937. - 2 нояб. (№65 (454).
10. Вощанов, П. Рекорд // Комсомольская правда. - 1988. - 15 окт. - С. 2.
11. Колхозник. - 1937. - 1 сент. (№52 (441).

В.А. Бобков,
к.и.н., преподаватель Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

История создания и развития Брянского колледжа экономики, статистики и информатики

В последние годы в России заметно активизировалась исследовательская деятельность, направленная на изучение истории учреждений среднего профессионального образования и музейной деятельности. Вместе с тем не все учебные заведения в силу разных причин как объективного, так и субъективного характера смогли систематизировать документы и материалы по их истории. В силу вышесказанного значение подобных исследований не только не исчезло, а наоборот приобрело актуальность.

Настоящая работа является первой попыткой обобщить и систематизировать материалы по истории одного из старейших средне-специальных учебных заведений Брянской области – Брянского Колледжа Экономики, Статистики и Информатики.

Работа представляет только основную канву фактических событий по истории Брянского Колледжа Экономики, Статистики и Информатики. В силу утраты части документов и материалов по истории учебного заведения в годы Великой Отечествен-

ной войны информация о многих фактах из истории учебного заведения довоенного времени безвозвратно утеряна. Автор работы надеется, что часть источников по истории учебного заведения «рассеяна» в ряде архивов России, а в последствии они будут найдены и во многом дополнят настоящую статью.

В начале 1930 годов Советская Россия остро нуждалась в подготовленных учетных работниках различных профилей. Решение этой проблемы было поручено Управлению Союзоргучета и его отделениям. Началась активная деятельность по организации работы учебных заведений призванных подготовить необходимые кадры.

С 1930 г. начинают появляться первые учебные заведения для подготовки учетных работников. Управление Союзоргучета и его отделения в деле подготовки кадров встретили достаточно много затруднений, как в центре, так и на периферии. Вместе с тем сеть учебных заведений Союзоргучета росла довольно быстро. В 1930 г. насчитывалось 27 отделений Союзоргучета и 1 учебный комбинат; в 1931 г. 29 отделений и 5 учебных комбинатов; в 1932 г. 37 отделений и 15 учебных комбинатов; в 1933 г. 38 отделений и 38 учебных комбинатов; в 1934 г. 38 отделений и 37 учебных комбинатов; в 1935 г. 39 отделений и 39 учебных комбинатов [1]. Приведенные данные показывают, что после периода бурного роста сети с 1930 по 1934 г. (особенно в отношении периферийных точек) наступает, начиная с 1935г., «период ее количественной стабилизации, путем пересмотра и отбора более здоровых и крепких точек и ликвидации слабых и нежизнеспособных (прирост филиалов на 1 комбинат [2] составляет 0,3% против прироста 1934 г. – 2,3 филиала)» [3].

Оценку роста сети подтверждает, и выпуск студентов за первые пять лет существования учебных заведений. В 1930 г. было выпушено 100 человек, в 1931 г. – 3298 человек, в 1932 г. - 13100 человек, 1933 г. - 13151 человек, в 1934 г. - 36670 человек, в 1935 г. - 47662 человека [4].

В 1935 г. завершилось пятилетие существования учебной сети. Этот год «прошел под знаком решительного переключения

с одних только объемно-количественных показателей на показатели качественные: укрепление аппарата самого УПК, а также большинства комбинатов; укрепление связи УПК с периферией и ее изучение; усиление помощи периферии как непосредственно инструктажем на местах, так и улучшением снабжения учебными пособиями и методическими материалами; укрепление материально-технической базы учебной работы комбинатов; создание Центральной бухгалтерии УПК, взявшей под свой контроль финансово-хозяйственную деятельность комбинатов».

В годовом отчете управления подготовки учетных кадров за 1935 г. говорилось: «Учебная система ЦСУ на 1/1-36 г. уже организационно оформилась почти полностью:

а) Она имеет четкую номенклатуру подготовляемых кадров;

б) Имеет как руководящие, так и преподавательские кадры;

в) Обеспечена едиными типовыми учебно-производственными характеристиками, учебными планами и программами, а также основными учебниками, учебными пособиями и учебно-методическими материалами;

г) Обеспечена необходимыми учебно-хозяйственным инвентарем и оборудованием».

В отчете говорилось, что «структура сети в целом, так и структура учебных комбинатов, установленная в 1934 г., за 1935 г. не претерпели изменений и были только уточнены и закреплены» [5]. Из чего можно сделать вывод, что к 1935-1936 г. в Брянске уже существовало учебное заведение родоначальник современного Брянского Колледжа Экономики Статистики и Информатики. Документальным подтверждением существования указанного заведения является «Приказ по управлению подготовки кадров счетных работников ЦУНХУ Госплана СССР №32, от 5 января 1940 г.» [6]. В приказе приводился перечень заведений в составе учебной сети, Управления Подготовки Кадров счетных работников Госплана СССР. В числе учебных заведений был назван Орловский учебный комбинат /областной/ с

подчиненными ему филиалами, среди которых помимо Орловского, Ордженикидзеградского и Елецкого, назван и Брянский [7]. В приказе отмечалось, что в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 5.X.1939 г. №1637 и Уставом Управления Подготовки Кадров Счетных Работников ЦУНХУ Госплана СССР, Учебные Учетно-Экономические Комбинаты в дальнейшем было необходимо именовать Комбинатами Управления Подготовки Кадров Счетных Работников ЦУНХУ Госплана СССР.

Вскоре началась Великая Отечественная Война, которая затронула и Брянщину. В огне войны были потеряны следы существования многих учебных заведений Советской России, в том числе и в Брянске. Но еще до окончательной победы над гитлеровской Германией начинается возрождение системы учебных комбинатов по подготовке счетных работников.

16 марта 1944 г. выходит приказ по управлению подготовки кадров счетных работников. В приказе было сказано: «1. Считать Орловский Областной Учебный Комбинат восстановленным с 1-го марта 1944 г.; 2. Назначить тов. Танкову Веру Арсеньевну и.о. Директора Орловского Учебного Комбината УПК ЦСУ Госплана СССР» [8].

После освобождения города Брянска, Брянский облисполком обратился с письмом к Орловскому учебному комбинату и просил возобновить работу Брянского филиала.

В течение 1945 г. в состав Орловского учебного комбината был включен Елецкий филиал (из Воронежского учебного комбината); кроме того, в IV квартале были организованы учебные комбинаты в Бежице, Ливнах и Брянске. С организацией Брянского филиала, а это произошло в конце декабря 1945 г. Орловский учебный комбинат был восстановлен на уровне довоенного времени [9].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 г. в составе РСФСР была образована Брянская область [10], районы обслуживания Орловским учебным комбинатом в части подготовки счетных кадров, оказались расположенными на тер-

ритории двух областей: Орловской и вновь образованной - Брянской.

Головное учебное заведение осуществляло связь со своими филиалами несколькими способами. Во-первых, это выезды на места, в частности за 1945 г. было три выезда в Елец, и по два выезда в Ливны, в Бежицу и Брянск. Во-вторых, это рассылка филиалам директивного материала, а также подробных отчетов по всем вопросам, с которыми сталкивались местные директора. Но, тем не менее, руководство учебным комбинатом не всегда было качественным. Например, учебный комбинат не мог удовлетворить требований филиалов на снабжение их учебной литературой, особенно по таким дисциплинам, как «Организация и планирование производства», «Основы советского права» и «Деловой корреспонденции». Достаточно сказать, что по этим дисциплинам учебный комбинат за все время своей работы (с октября 1944 г.) не получил ни одного экземпляра даже программ и руководствовался теми программами, которые случайно уцелели у тех преподавателей, которые работали до войны в системе Союзоргучета.

В Брянском, как и в ряде других филиалов ситуация была очень сложная, накладывала отпечаток война. В объяснительной записке к оперативному отчету по работе Орловского учебного комбината за 1945 г., было отмечено: «филиалы в Бежице, Ливнах и Брянске пришлось организовывать буквально на пустом месте, так как все довоенное имущество этих филиалов подверглось расхищению в период немецкой оккупации или еще до войны было вывезено из филиала (как, например, в Ливнах) в связи с его закрытием» [11].

Были определенные сложности и с размещением филиалов. В Брянске филиал с 1945 г. работал в помещении строительного техникума (Брянск ул. Фокина, 23, директор Ф.С. Фролова). Относительно условий аренды договоренности на 1945 г. не было. Фаина Степановна Фролова являлась не только директором строительного техникума, но и руководителем Брянского филиала, поэтому можно предположить, что плата была низкая.

Потребности в счетных работниках в послевоенный период неуклонно возрастали, что объяснялось восстановлением хозяйства в Брянской области и в целом в стране. В начале 1946 г. потребность в счетных работниках была такой, что исполняющий обязанности директора Орловского учебного комбината писал: филиалы «из-за недостатка помещений не могут принять и половины желающих» [12].

С образованием Белгородской области, на основании приказа от 19 февраля 1954 г. №89 Курский учебный центр был преобразован в межобластной с обслуживанием двух областей - Курской и Белгородской. В этом же году (приказ ЦСУ СССР №529 от 03.11.57 г.) в зону обслуживания Курского межобластного учебного комбината перешли Брянская и Орловская область. После реорганизации системы подготовки счетных работников в 1954 г. Брянский филиал изменил свой статус и получил новое наименование – Брянский филиал Курского межобластного учебного комбината.

Впоследствии реорганизация продолжилась. В течение 1960-1962 гг. ранее действующие филиалы преобразовывают в счетно-бухгалтерские школы (в 1960 г. Белгородский, а в 1961 г. – Брянский и Орловский).

Брянский филиал с 1962 г. получил наименование – Брянская счетно-бухгалтерская школа Курского межобластного учебного комбината. В дальнейшем Постановлением Совета Министров СССР от 8 октября 1964 г. №836 Орловская, Брянская и Белгородская счетно – бухгалтерские школы были выведены из состава Курского учебного центра. Вновь изменилось наименование учебного заведения в Брянске, с 1964 г. оно называлось Брянская счетоводно - бухгалтерская школа. Выйдя из подчинения Курского учебного комбината, Брянская счетоводно - бухгалтерская школа вошла в подчинение Управлению подготовки кадров ЦСУ РСФСР.

Во все время изменения статуса Брянского учебного заведения по подготовке счетных работников велась активная образовательная работа. Велась подготовка счетоводов, бухгалте-

ров, старших бухгалтеров для промышленности, колхозов, совхозов Брянской области, а также операторов вычислительных клавишных машин.

С середины 1950-х годов настоятельным требованием жизни в учете стала журнально-ордерная форма счетоводства, как самая передовая, и Брянская школа проделала в этом направлении большую работу. На многих предприятиях Брянска коллективы бухгалтерий в полном составе прослушали курсы в Брянской школе по освоению принципов журнально-ордерной формы учета. Введение ее на предприятиях Брянска было завершено к началу 1960-х годов.

В послевоенное время и до начала 1960-х годов Брянская школа была небольшим учебным заведением. В 1963 г. по распоряжению Брянского облисполкома при содействии Обкома партии Брянской школе было выделено помещение на улице Горького. В помещении было устроено всего 3 класса площадью по 25 квадратных метров и один в 30 квадратных метров, но хотя на учащегося приходилось менее 1 квадратного метра, это был настоящий праздник. Брянская школа получила возможность самостоятельно распоряжаться классами, вести учебную и воспитательную работу. С этого времени постепенно стал возрастать объем работы школы.

Органы управления оказывали Брянской школе постоянную помощь, указаниями и инструкциями, направляли деятельность по расширению объема обучения и улучшения качества учебного процесса в целях совершенствования постановки бухгалтерского учета.

8 октября 1964 г. вышло Постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки и повышения квалификации счетных работников и работников механизированного учета для сельского хозяйства». В пункте 7 Постановления было отмечено о необходимости выделения Министерством сельского хозяйства средств на строительство необходимых учебных помещений в целях обеспечения учебных заведений материальной базой.

На основе вышеуказанного постановления Брянской счетно-бухгалтерской школе при содействии Обкома партии и Облисполкома в 1968 г. удалось добиться от министерства сельского хозяйства бюджетных средств на строительство нового здания школы.

В 1972 г. новое здание вместе с общежитием на 120 мест было введено в эксплуатацию (ул. Спартаковская, д. 112). Новый корпус позволил резко увеличить объем работы (к 1972 г. в сравнении с 1971 г. вырос в 3 раза). Появились новые профили обучения по механизированному учету, в частности подготовка механиков по ремонту вычислительных машин, проектировщиков, программистов.

Руководящие структуры обеспечили школу новыми моделями вычислительной техники. Наряду с отечественными машинами Брянская счетно-бухгалтерская школа располагала техникой производства Германской Демократической Республики. С 1972 г. активно велось сотрудничество с немецкими специалистами в вопросах обучения учащихся школы различным специальностям по вычислительной технике.

Брянская счетно – бухгалтерская школа длительное время находилась в хороших деловых отношениях с областным управлением сельского хозяйства, трестами совхозов, заводов (Брянский машиностроительный завод, Электроаппарат, Завод ирригационных машин и т.д.), многих других предприятий и организаций. Не случайно руководящий состав многих предприятий Брянской области в указанный период времени был представлен выпускниками школы. Например, выпускница Зайцева Зинаида Алексеевна работала заместителем главного бухгалтера завода «Электроаппарат», Погонышева Людмила Сергеевна главным бухгалтером фабрики Клавишных инструментов «Десна», Гаврикова Людмила Васильевна заместителем главного бухгалтера Областного управления статистики. Значительное число выпускников школы трудились на сельскохозяйственных предприятиях. В их числе можно назвать следующих выпускников: Поленок Раиса Васильевна работала главным бухгалтером

в совхозе «Рудненский» Красногорского района, Маслова Татьяна Алексеевна работала главным бухгалтером в колхозе «Родина» Карачевского района, Протченко Валентина Семеновна работала главным бухгалтером совхоза «Бельковский» Почепского района, а, например, в совхозе «Союз» Севского района, в котором бухгалтерию возглавляла Зубарева Антонина Алексеевна, все работники бухгалтерии вышли из стен бухгалтерской школы.

Выпускники школы не забывали «родные пенаты», несмотря на полную занятость, жертвуя личным временем, многие главные бухгалтера оказывали активную помощь школе в подготовке и организации учебного процесса. В числе наиболее активных необходимо назвать Мелиша Владимира Иосифовича (Автомобильный завод), Сивакова Дмитрия Михайловича (Областное объединение «Сельхозтехника»), Яковлева Александра Демьяновича (завод Дорожных машин), Дидова Петра Никифоровича (завод «Полупроводниковых приборов»), Болтенко Григория Павловича (завод «Ирригационных машин») и ряда других руководителей учета.

Школа год за годом наращивала объем выпуска студентов. Динамика роста выпуска студентов школы такова: за 1961-1965 гг. было выпушено 1812 человек, за 1971-75 гг. было выпушено 4649 человек.

Наряду с ростом выпуска студентов, школа развернула и методическую работу, реализуя ее посредством методической комиссии и кабинета бухгалтерского учета, передовой опыт использования которых был описан и распространен по учебной системе в 1975 г.

Брянская бухгалтерская школа работала на основе хозяйственного расчета на договорных началах с предприятиями. За 1976-1980 гг. продолжился рост выпуска студентов, было обучено 4707 человек, из которых повысили квалификацию около 3 тысяч человек /2880 чел./. Ряд из перечисленных выпускников повысили квалификацию по актуальным в то время направлениям, в частности: передовые формы организации бухгалтерского

учета - 884 человека, комплексная механизация с применением электронно-вычислительной техники – 302 человека и т.д.

В 1981 г. в Брянской счетоводно-бухгалтерской школе [13] обучалось 1130 человек. Значение школы в начале нового десятилетия возросло. Совет Министров РСФСР 11 марта 1980 г. издал постановление №128 «О мерах по совершенствованию организации бухгалтерского учета и повышению его роли в рациональном и экономном использовании материальных, трудовых и финансовых ресурсов». Указанным постановлением Совет Министров РСФСР обязал министерства, ведомства, исполкомы Советов народных депутатов укомплектовывать централизованные бухгалтерии объединений, предприятий, организаций и учреждений квалифицированными специалистами, улучшить подготовку и повысить квалификацию бухгалтерских кадров, исходя из требований времени.

Постановление предусматривало дальнейшее развитие системы подготовки учетных работников, а значит, развивалась и Брянская счетоводно-бухгалтерская школа. Брянская школа устанавливала деловые контакты по вопросам подготовки счетных кадров с областными управлениями сельского хозяйства, областными финансовыми отделами, автомобильным заводом, областными управлениями и т.д.

Следующий этап существования учебного заведения начинается в 1990 г. В соответствии с приказом Госкомстата РСФСР от 10. 08. 90 г. №133 Брянская счетоводно-бухгалтерская школа была переименована в учебный центр. Учебное заведение продолжало активно обучать студентов по имеющимся специальностям. В частности за период времени с 1985 по 1990 гг. учебным заведением было выпушено более 7000 студентов. В 1991 г. было обучено около 1200 человек, из них бухгалтеров – 682 человека, программистов - 80 человек и т.д.

Судить о качественной стороне и эффективности работы учебного заведения в этот период времени возможно по месту, которое заняли его выпускники. Например, выпускники школы: Тимошина Татьяна Ильинична стала главным бухгалтером, а

Крючкова Людмила Васильевна бухгалтером совхоза «Заречный» Рогнеденского района; Гребцова Нина Ивановна – заместителем главного бухгалтера Брянского Стальзавода; Музалевская Галина Петровна – заместителем главного бухгалтера Брянской фабрики модельной обуви; Демент Софья Наумовна – главным бухгалтером охотинспекции; Ручко Мария Семеновна - главным бухгалтером колхоза «Победа» Погарского района и этот список можно продолжить.

Успешная деятельность учебного заведения была возможна при большой целенаправленной работе, которую проводил педагогический коллектив. В работе по обучению специалистов широко использовали прогрессивные формы организации бухгалтерского учета, что способствовало повышению эффективности обучения счетных кадров и работников механизированного учета для народного хозяйства.

В Брянском учебном центре Госкомстата РСФСР обучали специалистов-пользователей (операторов), электромехаников и программистов компьютеров: Роботрон - 1715, Искра 1030 - М, ЕС 1841 (аналогом американских персональных компьютеров широко распространенных как в Брянской области, так и в стране в целом), СМ 1810.41., японских – IBM. Программированию обучали на языках +Бейсик, Турбо - Си и т.д.

Брянский учебный центр помимо образования студентов активно работал в области оказания на договорной основе услуг в сфере финансов, налогообложения, маркетинга, бухгалтерского учета и т.д. Помимо этого уделял внимание вопросам механизации учета с применением современных технологических средств (компьютеризация), оказывал методическую помощь в организации внутрихозяйственного контроля для предприятий, учреждений и организаций.

Брянский учебный центр занимался распространением пакета документов по организации бухгалтерского учета на малых предприятиях. В пакете содержались подробные инструкции по организации бухгалтерского учета, системы регистров журнально-ордерной формы учета с подробным разбором по-

рядка их заполнения, типовыми корреспонденциями счетов. В пакет были включены последние законы РСФСР по налогам, о порядке отчетности в Пенсионный фонд, в фонд занятости, о порядке включения затрат в себестоимость продукции, об отмене ограничений на прирост средств и т.д.

В соответствии с Положением о Брянской областной бухгалтерской школе от 23 декабря 1986 г., она действовала на основе хозяйственного расчета [14]. Брянская областная бухгалтерская школа вела работу по организации подготовки и повышению квалификации счетных работников и работников механизированного учета для народного хозяйства, а также повышению квалификации работников органов государственной статистики.

В 1990 г. в связи с переходом отраслей народного хозяйства на новые условия хозяйствования, в деятельности учебных комбинатов и бухгалтерских школ произошли значительные изменения в содержании обучения, освоении новых направлений и профилей работ по переподготовке и повышению квалификации работников учета и специалистов вычислительной техники. Расширилась внедренческая и консультативная деятельность учебных заведений в области автоматизированной обработки экономической информации.

В целях приведения наименований учебных комбинатов и бухгалтерских школ Государственного комитета по статистике в соответствие с новыми функциями в 1990 г. появился Приказ №133 о переименовании учебных комбинатов и бухгалтерских школ в учебные центры Госкомстата РСФСР [15]. Брянская областная бухгалтерская школа на основании Приказа №133 была переименована в учебный центр Госкомстата РСФСР. В функции Брянского учебного центра с этого времени входила подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников бухгалтерского учета и автоматизированной обработки информации.

Приказ №133 коснулся городских и районных бухгалтерских школ, которые не являлись юридическими лицами. С 1990

г. эти учебные заведения приобрели юридический статус филиалов учебных центров. Брянская областная бухгалтерская школа имела свое подразделение в Бежице. С 1990 г. изменился статус не только школы, но и подразделения, в соответствии с приложением №2 к Приказу №133 его стали именовать Бежицкий филиал Брянского учебного центра.

В 1992 г. был утвержден устав Брянского учебного центра Госкомстата России. Главной задачей учебного центра являлось создание максимально благоприятных условий для ускоренного приобретения учащимися навыков, необходимых для выполнения определенной работы в области учета и автоматизированной обработки учетной информации [16].

Важным направлением деятельности учебного центра являлась совместная работа с органами по труду и службами занятости, а также по договорам с предприятиями, учреждениями, филиалами и т.д. по организации профессиональной подготовки граждан, незанятых в народном хозяйстве, переподготовки и повышения квалификации специалистов.

Учебный центр осуществлял подготовку студентов по профессиям: «Экономист», «Электромеханик персональных электронно-вычислительных машин», «Оператор персональных электронно-вычислительных и вычислительных машин», «Программист», «Бухгалтер-ревизор» и т.д. В 1996 г. статус учебного заведения опять изменяется, его переименовывают в Брянский филиал Московского техникума информатики и вычислительной техники.

В дальнейшем последовала целая череда реорганизаций. В 1997 г. учебное заведение переименовывают в Брянский техникум экономики, статистики и информатики Госкомстата России, в 1998 г. - в Брянский колледж экономики, статистики и информатики. В 2005г. на базе Брянского колледжа работает экстернат Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, а в 2006 г. - решением правительства Российской Федерации Брянский Колледж Экономики Статистики и Информатики присоединен к Московскому Госу-

дарственному Университету Экономики Статистики и Информатики в качестве филиала последнего.

За семьдесят лет существования Брянский колледж экономики статистики и информатики прошел долгий путь от своего становления и развития в нелегкие предвоенные и послевоенные годы, до своего расцвета в настоящее время. Все трудности, встававшие перед учебным заведением на разных этапах его жизни, было возможно преодолевать только при активной, зачастую, непростой работе его руководства, педагогов и сотрудников.

Фактором стабильного развития, вероятно, явилась преемственность в управлении учебным заведением, а во многом успех зависел и от личности руководителя, степени доверия к нему как от коллектива работников, так и от вышестоящего начальства. Благодаря личным качествам директоров учебного заведения Ф.С. Фроловой, М.П. Рябовой, нынешнего руководителя колледжа Т.А. Кукушкиной подобравшей сплоченный, творческий и целеустремленный коллектив сотрудников и преподавателей, все начинания стало возможным осуществить в жизни.

Примечания и источники

1. Российский государственный архив экономики (Далее РГАЭ). Ф.1562. Оп. 43. Д.2. Л.6.
2. Учебные заведения при отделениях названы комбинатами, что является правильным только с 1934 г., т.к. до того времени при отделениях существовали учебные сектора с подчиненными им курсовыми точками на периферии.
3. РГАЭ. Ф.1562. Оп. 43. Д.2. Л.6.
4. Там же. Л. 7.
5. Там же. Л. 8.
6. Там же. Д.15. Л.14.
7. Там же. Л.17.
8. Там же. Д.55. Л.10.

9. Там же. Д.65. Л. 23.
10. Брянской области - 60 лет : научно-практическая конференция : сборник статей и материалов. – Брянск : БИБКРО, 2004. С. 3.
11. РГАЭ. Ф.1562. Оп. 43. Д.65. Л. 3.
12. Там же. Л. 46.
13. С 1980 г. и по настоящее время учебным заведением бессменно руководит Татьяна Алексеевна Кукушкина. Заслуги Татьяны Алексеевны в ряде вопросов являются существенными и представляют значительный интерес для широкого круга лиц. К примеру, ежегодное издание энциклопедии «Лучшие люди России», рассказывающее о ведущих компаниях и предприятиях, о людях, которые внесли в социально-экономическое развитие России, в ее культуру вклад самой высокой пробы включило информацию о Татьяне Алексеевне. При этом участники энциклопедии были рекомендованы официальными государственными структурами и членами консультационного совета. В энциклопедии в частности сказано: «Кукушкина Т.А. заслуженный экономист Р.Ф., директор Брянского колледжа экономики, статистики и информатики Госкомстата России с 1980 г. Член президиума совета директоров средних специальных учебных заведений Брянской области; Союза директоров средних специальных учебных заведений России, Председатель Совета по экономической политике. Вносит значительный вклад в патриотическое воспитание студентов. Отличник статистики. Награждена орденом Почета, медалью «Ветеран труда», медалью и нагрудным знаком за заслуги в проведении Всероссийской переписи населения. Помимо этого Татьяна Алексеевна награждена Американским золотым сертификатом и международной наградой Диплом и «Золотой слиток» (2004)» (Лучшие люди России: Энциклопедия: В 2 ч. – М.: Издательство «Спец-Адрес», 2005. – Вып. 7. С. 324. и это лишь малая часть ее наград.

14. Положение о Брянской областной бухгалтерской школе УПК ЦСУ РСФСР от 23 декабря 1986 г.
15. Приказ Государственного комитета РСФСР по статистике от 10.08.90 г. №133.
16. Устав Брянского учебного центра Госкомстата России от 23 октября 1992 г.

В.Г. Деханов,
член Союза журналистов России,
лауреат литературной премии
имени А.К. Толстого “Серебрянная лира”

Евтихий Павлович Карпов: краткая хроника жизни и творчества

(к 150-летию со дня рождения)

Канва жизни и творчества драматурга и режиссера Е.П. Карпова составлялась на основе доступных печатных источников. К огромному сожалению, автору составления летописи (ввиду определенных условий) не представлялось возможности поработать с архивными документами Е.П. Карпова, находящимися в Петербурге. Поиски сведений о Карпове и его семье в Государственном архиве Брянской области пока не увенчались успехом. До сих пор не издано эпистолярное наследство режиссера Е.П. Карпова, которое несомненно представляет интерес для массового читателя, особенно для его земляков.

В приводимой хронике много пропусков, да и сама роспись не прослежена не только по месяцам, но и даже по годам. Однако и то, что было найдено составителем, думается, даст представление (хотя бы элементарное) о незаслуженно забытом

нашем замечательном земляке, который знал таких знаменитостей в писательской и театральной жизни России (и находился с некоторыми из них в дружбе), как А.П. Чехов, А.С. Суворин, П.П. Гнедич, М.Г. Савина, В.Ф. Комиссаржевская, П.А. Стрепетова, М.Н. Ермолова, Ю.М. Юрьев, Вс. Мейерхольд, К.С. Станиславский…

Как народоволец, Е.П. Карпов знал Веру Засулич и Веру Фигнер. Но… и этот период жизни Карпова почти полностью не освящен в изданной литературе и остается пока белым пятном. Недоступными составителю на сегодня стали и материалы семейной жизни Е.П. Карпова: неизвестна девичья фамилия его жены Марии Степановны, время заключения их брака, а также рождение их детей.

Автору хроники не удалось прочитать и книг Е.П. Карпова (кроме его статьи о В.Ф. Комиссаржевской), так как они не переиздавались в советские годы и отсутствуют в областной библиотеке. К сожалению, очень бедно представлен Е.П. Карпов и в Брянском Литературном музее.

Неизвестно остались ли потомки Е.П. Карпова, и если да, то где живут. Ясно одно - предстоит широкая поисковая работа.

***

1857 г., 25 октября (6 ноября по новому стилю* [2,14]; по другим источникам [1,15] – 7 ноября (19 ноября по новому стилю) – в семье почтмейстера в городе Карачеве Орловской губернии родился Евтихий Павлович Карпов. Мать его умерла, когда он был совсем маленьким [3]. Воспитанием его занималась старшая сестра Софья.

1865 – восьмилетнего Евтихия отправили на учебу в Брянск (для подготовки для поступления в гимназию).

1867 г. – начало обучения в гимназии в г. Орле, куда через два года (в 1869 г.) переехала и вся семья Евтихия.

Маленького Евтихия полюбил

муж Софьи – «революционер, много и откровенно говорил с мальчиком о жизни угнетенного народа, о политической обстановке в России, советовал ему, какие книги читать. Звали этого человека Дмитрий Рогачев. Рогачев потом долго был в ссылке, там он и погиб» [3].

1871 г. – четырнадцати лет Евтихий вступил «в кружок прогрессивно настроенных гимназистов-старшеклассников» [3].

1870-е гг., середина – Карпов сближается с народовольцами. Учится в Москве в Межевом училище. Решил «уйти в народ». Уехал на Волгу. Плавал юнгой на пароходе «Василий», работал в деревнях пахарем, батраком, слесарем на заводе Колчина, пропагандировал революционные идеи. Неграмотных обучал грамоте, старался привить им любовь к книге, газете. Принимал участие в пропаганде идей народников среди крестьян в Торопецком уезде Псковской губернии. Затем жил в Петербурге и был заподозрен в укрывательстве на своей квартире Веры Засулич. Его арестовали и сослали. В записках шлиссельбуржца Н.А. Морозова (впоследствии выдающийся ученый, почетный академик) написано о Е.П. Карпове: «Это был один из моих товарищей, не попавших со мной в Шлиссельбург лишь потому, что его деятельность была прервана ссылкой» [3,15].

1878 г., конец года – Карпов «арестован и привлечен к дознанию по подозрению в участии в деятельности общества «Земля и Воля» (находился под стражей с 6 декабря 1878 г. по 24 февраля 1879 г.; выпущен под надзор петербургской полиции)» [15].

1878 г. – начало литературной деятельности Карпова: в журнале «Свет» напечатан его рассказ «Ополченец».

1879 г., 12 ноября – Карпов вновь взят под стражу по делу о пропаганде в Торопецком уезде: содержался в Вышневолоцкой тюрьме.

1881 г., июнь – выслан «в административном порядке в Красноярск» [15].

1881 г., август – Карпова ссылают в Восточную Сибирь, затем возвращают под надзор полиции в Вологду (жил в Усть-

Сысольске и в Великом Устюге). Обвинение: участие в тайном сообществе («дело 58-ти») в связи с покушением А.К. Соловьева на императора Александра II [3,14,15].

1881 г. – в тюрьме Карпов написал (1882) народную драму «Тяжкая доля» (на конкурсе пьес в Одесском университете Карпов был за эту драму удостоен премии им. Вучины. Всего Карповым будет написано более 20-ти пьес, некоторые из них были поставлены в Александринском и Малом театрах в Петербурге, в провинциальных театрах в 1880-1890 гг.

1885 г. – Карпову разрешено вернуться на родину: он живет в Орле, работает в «Орловском вестнике», выступая под псевдонимом «Никто Я» [14].

1886 г. – Карпов пишет пьесы: «На земской ниве» (об идейных исканиях интеллигенции) и «На развалинах прошлого» (об острых социально-политических проблемах).

1887 г. – Карпов пишет пьесу «Житье привольное» (о разложении патриархальной деревни), а также пьесу «Чары любви».

1887 г. – работает актером в Ярославле.

1888 г. – писатель Глеб Иванович Успенский пишет Е.П. Карпову: «С истинным удовольствием прочитал я ваше произведение…» (какое – не известно).

1889 г. – начало режиссерской деятельности Е.П. Карпова в театре. Спектакли ставил для крестьян в селе Рождествено (под Петербургом) [14].

1889 г. – Карпов пишет пьесу «Рабочая слободка» («Бездомники») (по другому источнику пьеса написана в 1891 году).

1890 г. – Карпов переезжает с семьей в Петербург. (Первого сына Евтихия Павловича звали Владимиром, он также был актером, был женат на известной киноактрисе Ольге Жизневой). Пишет пьесу «Ранняя осень» (по другому источнику – в 1891 г.).

1891 г. - Карпов пишет пьесу «Жрица искусства».

1892 г. – Карпова пригласили ставить спектакли для рабочих Невской заставы в Обществе устройства народных развлечений: из любительского кружка вырос театр. Карпов начал

сотрудничать в ежемесячном народническом научно-общественном журнале «Русское богатство» (основан Н.Ф. Савичем в 1876 году).

1893 г., 18 января – в пьесе Карпова «Ранняя осень» в петербургском Александринском театре в роли Анны Куманиной выступила известная русская актриса М.Г. Савина.

1893 г. – Карпов пишет пьесу «Рай земной» (о хищничестве предпринимателей).

1895 г., 18 октября – на сцене Петербургского Александринского театра в постановке режиссера Е.П. Карпова состоялась премьера спектакля по пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы» (в роли Акулины играла М.Г. Савина). Спектакль единодушно признан удачным критикой.

1895 г. – Карпову поручено организовать труппу Литературно-художественного общества. Евтихий Павлович открыл Малый театр на Фонтанке (Суворинский театр) пьесой А.Н. Островского «Гроза»: Александр Николаевич был любимым драматургом Е.П. Карпова.

1896 г. – Е.П. Карпов назначается главным режиссером Императорского Александринского театра в Петербурге (театр №1 России); на этом посту он будет служить до 1900 года.

1896 г., 17 октября – Карпов впервые ставит на сцене Александринского театра (и вообще в первый раз на сцене) пьесу А.П. Чехова «Чайка», в главной роли Нины Заречной выступила знаменитая русская актриса В.Ф. Комиссаржевская. Спектакль не имел у присутствующей публики успеха, чем был очень встревожен автор пьесы. Последующие спектакли проходили при полном зрителей театре и с успехом.

1897 г. – в четвертой книге журнала «Новое слово» опубликована драма Е.П. Карпова «Мирская вдова» (картины из крестьянской жизни в 4-х действиях).

1897 г., 9 октября – в петербургском Александринском театре шел спектакль по пьесе Е.П. Карпова «Мирская вдова».

1897 г. – В Москве из печати вышла книга Е.П. Карпова «Народные драмы».

1898 г. (февраль 9; апрель 4, 10, 19; октябрь 21, 26; ноябрь 2,15) – В Александринском театре показывали спектакль по пьесе Е.П. Карпова «Мирская вдова».

1898 г., первая половина марта – В.Ф. Комиссаржевская в письме к Е.П. Карпову: «Подарите мне ножичек, которым Вы соскабливаете с души все причиняющее боль и парализующее ее деятельность в Вашем духовном мире. Жму крепко Вашу руку и очень все-таки я Вас люблю».

1898 г., октябрь – актер К.А. Варламов о жизни Александринского театра, когда там главным режиссером был Е.П. Карпов, писал: «Что ни давай (т.е. спектакли. – В.Д.), билеты все проданы. Репертуар идет смешанный, неважный – обстановка роскошная, а постановка плохая. Режиссерская часть хромает. Особенно неудачно раздаются роли. Ансамбля положительного нет. Царит у нас Комиссаржевская. Успех имеет она огромный. Савина почти забыта, из мужчин любим очень Дальский. Пьес ставится куча, и одна другую побивает – система отсутствует… Карпов «лично выпускал каждую из многочисленных премьер».

1898/99 гг., театральный сезон – в Малом театре в Петербурге в спектакле по пьесе Е.П. Карпова «Мирская вдова» играла роль актриса М.Н. Ермолова.

1899 г., 2 февраля – из дневника актрисы Александринского театра С.И. Смирновой-Сазоновой: «С Карповым они (т.е. Е.П. Карпов и В.Ф. Комиссаржевская. – В.Д.), когда спорят, то кричат до хрипоты. Раз спорили о том, отвечает ли режиссер за туалеты актрисы. Он говорит «да», она говорит «нет». Он что-то в жару спора сказал, что если актриса одета чучелой, то режиссер не может за это не отвечать. Потом говорит ей: «Что вы кричите-то? Вы так без голоса останетесь». – «Еще бы, вы называете меня чучелой!» [4].

1900 г., 10 октября – Карпов уходит из Александринского театра. Вступает в труппу театра Литературно-художественного общества в качестве режиссера (пробудет на этом посту до 1908 года).

1900 г., ноябрь – Карпов ставит в новом театре пьесу С. Литвина-Эфрона и В. Крылова «Контрабандисты».

1901 г. – Карпов пишет пьесу «Шахта «Георгий»».

1901 г., январь – Карпов уходит из Литературно-художественного театра, но в марте этого года возвращается вновь туда на свое режиссерское место.

1901 г., 22 октября – в театре Литературно-художественного общества (Суворинский театр) Карпов ставит спектакль (премьера) по своей пьесе «Шахта «Георгий» в 5-ти действиях.

1903 г., 15 ноября – в этом же театре другая премьера Е.П. Карпова – спектакль «Пожар Москвы (1812)», пьеса Карпова в 5-ти действиях.

1904 г., 21 апреля – Карпов посетил А.П. Чехова, последний об этом посещении написал актрисе О.Л. Книппер: «Устарели сии фигуры, и мне скучно с ними, скучно до одурения их неискренняя приветливость». Сказалась неприязнь Чехова за срыв Карповым его премьерной «Чайки».

1904 г., 12 ноября – в Суворинском театре идет пьеса Е.П. Карпова «Победитель» (комедия в 4-х действиях).

1905 г., 28 января – в московском театре Ф.А. Корша шла комедия Е.П. Карпова «Победитель».

1907 г., 13 января – в Суворинском театре шел спектакль по пьесе Е.П. Карпова «Недруги» (сцены из современной жизни).

1907 г. – Е.П. Карпов ставит в Суворинском театре пьесу А.Н. Островского «Гроза» с Е.Н. Рощиной-Инсаровой в роли Екатерины.

1908 г., 24 января – в Суворинском театре идет драма Карпова «Рабочая слободка».

1908 г. – в третьем номере столичного журнала «Театр и искусство» Е.П. Карпов писал: «Я не видел более чуткого к правде, более восприимчивого, и более благодарного зрителя, как простой народ. И потому-то народный театр, должен быть

образцовым художественным театром, как по репертуару, так и по исполнению пьес на сцене…» [14].

1908/1909 гг., театральный сезон – Карпов уходит из Суворинского театра в Новый театр Ф.Н. Фальковского (зал Кононова на Мойке в Петербурге).

1908 г., 28 сентября – Карпов ставит в Новом театре пьесу своего друга писателя и драматурга Е.Н. Чирикова «Белая ворона».

1908 г., 6 ноября – Карпов ставит в Новом театре пьесу Л. Андреева «Дни нашей жизни» (пройдет в театре с 6.11.1908 г. по 8.02.1909 г. более 70-ти раз). Критика писала: «Элементарный спектакль Карпова заступался за персонажей Андреева, и зрителю это импонировало. Приятие героев, сочувствие им явно присутствовало в психологии актеров и публики».

1909 г., декабрь 19, 27 – в петербургском Александринском театре идет пьеса Е.П. Карпова «Светлая личность» (комедия из современной жизни в 4-х действиях); показывается «разгул биржевых афер и сросшихся с ними политических интриг, эпидемия взяточничества, жульнические спекуляции с нефтяными участками».

1909 г. – в Москве издана книга Е.П. Карпова «Драматические сочинения. Том 1.».

1910 г., январь 2,7,9,12,14,19,21; февраль 10,13,18,28; март 14,28; сентябрь 11; ноябрь 14; декабрь 7,9,11,13,15,21,29 – в Александринском театре шла пьеса Е.П. Карпова «Светлая личность». Продолжала идти здесь и в 1911 г., а также на сцене Малого театра в Москве.

1910-1920-е гг. – Карпов ведет переписку с писателями В.Г. Короленко, Е.Н. Чириковым, поэтом А.А. Блоком…

1911 г. – в Петербурге под редакцией Е.П. Карпова издан «Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской» (через год после ее смерти), в котором помещена статья Карпова «В.Ф. Комиссаржевская на сцене Императорского Александринского театра.1896-1902".

1912 г. – Карпова приглашает главным режиссером «богатый и преуспевающий провинциальный антрепренер» К.Н. Незлобин для заключения контракта с А.К. Рейнеке, арендовавшим в Петербурге Панаевский театр и державшим там антрепризу.

1912 г., май – Карпов окончательно сформировал драматическую труппу театра Рейнеке.

1913 г. – в Петербурге издана пьеса Е.П. Карпова «Зарево» (о Софье Перовской).

1913 г., 1 ноября – в Суворинском театре идет комедия Е.П. Карпова «Он (Хамелеон)».

1914 г., лето – Карпов снова становится главным режиссером Суворинского театра (антрепренерами выступали сын и дочь А.С. Суворина).

1915-1916 гг., театральный сезон – Карпов уходит из Суворинского театра из-за разногласий с дочерью А.С. Суворина.

1916 г., апрель – Карпов снова становится главным режиссером Александринского театра и будет им оставаться до конца своей жизни.

1916 г., 31 октября - в московском драматическом театре идет комедия Е.П. Карпова «Он (Хамелеон)».

1917 г., 6 февраля – в постановке Е.П. Карпова на сцене Александринского театра идет пьеса Л.Н. Андреева «Милые призраки» (об одном из эпизодов начала творческой деятельности Ф.М. Достоевского).

1917 г., 25 февраля – премьера спектакля по драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад», которая прошла в Александринском театре; поставлена Мейерхольдом по настоянию Е.П. Карпова.

1917 г., 7 апреля – в Александринском театре премьера пьесы А.М. Горького «Мещане» в постановке Е.П. Карпова. В главной роли Л.С. Вивьен – будущий народный артист СССР.

1917 г., 15 апреля – в Александринке идет спектакль по пьесе Е.П. Карпова «Зарево».

1919 г., лето – Карпов поставил в Петроградском Академическом театре драмы (так теперь стал именоваться Александ-

ринский театр) спектакль по пьесе А.Н. Островского «Не все коту масленица», где роль Ипполита сыграл молодой актер Михаил Царев – будущий народный артист СССР.

1919 г., конец лета – у себя на квартире в Петрограде (Гончарная улица, дом 23, кв. 4) Е.П. Карпов устроил актерскую студию для учащихся Школы русской драмы; занятия для студентов проходили вечером и бесплатно [3]. Вербинина Н.В. пишет в своих воспоминаниях: «Всех нас Евтихий Павлович называл на «вы» и сердился, если его ученики называли друг друга неуважительно».

1919 г., 14 октября – в постановке Е.П. Карпова на сцене Академтеатра сыграна пьеса А.М. Горького «На дне». Вербинина Н.В.: «Помнится, это был замечательный спектакль. Режиссер Е.П. Карпов поставил его как главный обвинительный акт ушедшему в прошлое строю» [3].

1920 г., 16 января – в постановке Е.П. Карпова в Академическом театре состоялась премьера по пьесе А.Н. Островского «Последняя жертва».

1920 г., 30 марта – в этом же театре в постановке Е.П. Карпова шел спектакль «Идиот» (инсценировка по Ф.М. Достоевскому).

1920 г. – на вечере памяти В.Ф. Комиссаржевской речь, подготовленную артистом В.Н. Давыдовым – ввиду его болезни, зачитал Е.П. Карпов.

1920 г., 18 сентября – в постановке Е.П. Карпова на сцене Академтеатра состоялась премьера спектакля «Ревизор» по пьесе Н.В. Гоголя со знаменитым актером В.Н. Давыдовым в главной роли.

1920 г., 23 октября – в Академтеатре премьера: Карпов выносит на суд зрителей спектакль «Обрыв» по роману И.А. Гончарова.

1920 г., 24 октября – артист Ф.И. Шаляпин сделал набросок карандашом головы Е.П. Карпова, сидя на заседании правления государственных академических театров [5].

1920 г., 29 декабря – на сцене Академтеатра в постановке Е.П. Карпова состоялась премьера «Катерины Ивановны» по пьесе Л.Н. Андреева (дебют В.Л. Юреневой). Спектакль имел «шумный успех» [3].

1921 г., 11 мая – в Академическом театре драмы прошло чествование 40-летней театральной деятельности Евтихия Павловича Карпова. На этом торжестве ему первому в Советской России было присуждено звание «Заслуженный режиссер республики».

1921 г., 17 сентября – в постановке Карпова на сцене Академтеатра шел спектакль по пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума», в котором был занят цвет театра: В.Н. Давыдов, Ю.М. Юрьев, Е.П. Корчагина-Александровская, Е.И. Тиме…

1921 г., 3 декабря – в постановке Карпова шел спектакль на сцене Академтеатра по пьесе А.Н. Островского «Бедность не порок». Вербинина, ученица Е.П. Карпова, пишет: «Тонкое раскрытие психологии персонажей, внутренняя логика характеров, множество режиссерских и актерских находок, но еще при этом быт и приметы эпохи – вот чем была примечательна постановка Карповым классической комедии Островского» [3].

1921 г. – начало серьезной болезни Е.П. Карпова.

1926 г., 3 января – похороны актрисы А.А. Чижевской (она была безнадежно влюблена в Е.П. Карпова). Карпов по причине болезни не присутствовал на ее похоронах.

1926 г., 3 января – кончина в Ленинграде Е.П. Карпова. На гражданской панихиде было много народа, «приехали сыновья» Карпова [3]. Было произнесено много речей. Артистка С.П. Бухарева посвятила Карпову стихотворные строки: «Его любовь, Его творенья с нами, Горят огни, Зажженные мечтой! А мы идем вперед Его тропами, И с нами он всегда, Он в нас живой!» [15]. Хор бывшего Мариинского театра пел на могиле нашего земляка «Реквием» Моцарта. Как и просил Карпов, его похоронили невдалеке от могилы В.Ф. Комиссаржевской, на кладбище Александро - Невской лавры, «в некрополе среди других выдающихся деятелей науки и искусства» [15].

Примечания

*Далее (до 1918 года) даты будут указаны по старому стилю, после 1918 г. – по-новому.
** Цифрой в скобках здесь и далее указаны источники, из которых составитель брал данные о Карпове (смотрите список использованной литературы).

Литература

1. Карпов Евтихий Павлович // Театральная энциклопедия. – М., 1963. - Т.2. - С.1158-1159.
2. Карпов Евтихий Павлович // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1966. - Т. 3. - С. 421.
3. Вербинина, Н.В. В Школа русской драмы. – М., 1978.
4. Вера Федоровна Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. – Л.- М., 1964 (см. указатель имен).
5. Театральное наследство. Сообщения. Публикации. – М., 1956 (см. указатель имен).
6. История русского драматического театра. 1898-1917. – М., 1987. - Т. 7. (см. указатель имен).
7. Рыбакова, Ю. Комиссаржевская / Ю. Рыбакова. – Л., 1971.
8. Савина, М.Г. Горести и скитания / М.Г. Савина. – Л., 1983.
9. Ходотов Н.Н. Близкое-далекое / Н.Н. Ходотов. – Л.-М., 1962.
10. Гнедич П.П. Книга жизни : воспоминания. 1855-1918 / П.П. Гнедич. – М., 2000.
11. Данилов С.С. Русский драматический театр XIX века / С.С. Данилов, М.Г. Португалова.– Л., 1974. - Т. 2. (см. указатель имен).
12. Альтшуллер, А.Я. Театр прославленных мастеров : очерки истории Александринской сцены / А.Я. Альтшуллер. – Л., 1968 (см. указатель имен).
13. Марков, П.А. О театре : из истории русского и советского театра. – М., 1974. - Т. 1. (см. указатель имен).

14. «всего себя на служение народу…» // Парыгин, В.П. Из глубины веков / В.П. Парыгин. – Брянск, 1993. - С.194-198.
15. Передельский, Л.Д. Карачев / Л.Д. Передельский. – Брянск, 1995. - С. 91-93.
15. Деханов, В.Г. Евтихий Карпов в воспоминаниях современников // Страницы истории Карачева. – Брянск, 1996. - С. 26-31.
17. Деханов, В.Г. Александринец из Карачева // Брянская газета. - 1992. - №44.
18. Деханов, В.Г. Как обиделся Антон Павлович на Евтихия Павловича // Брянская газета. - 1996. - №44.

На фоторепродукциях: Евтихий Павлович Карпов, 1922 г.; Александринский театр в Петербурге (ныне Государственный академический театр драмы имени А.С. Пушкина).

В.Е. Симоненко,
старший научный сотрудник Брянского государственного объединенного краеведческого музея

Виктор Иванович Кузьмин – один из старейших лесоводов Брянщины

На бескрайних просторах России леса с незапамятных времен давали все необходимое для жизни людей – еду, одежду, кров, тепло.

Значение лесов было огромным. Поэтому в 1798 году по царскому Указу формируется Лесной департамент. Так в России появилась профессия лесовода. Была она очень важной для страны и очень почетной. Разведением лесов и правильным их пользованием занимались лучшие сыны Отечества.

Постепенно в России сформировалась самая передовая в мире лесоводственная наука. Открылись в Москве и Петербурге Лесной институт и Лесная Академия, где готовились высоко-

квалифицированные специалисты для работы в лесной отрасли. С начала XX века был открыт лесной факультет при Воронежском сельскохозяйственном институте, а в 1930 году - Брянский лесохозяйственный институт. Это были настоящие кузницы кадров для лесного хозяйства страны. Там получили образование и затем долгие годы работали в лесной отрасли сотни специалистов, беззаветно преданных своему делу. И одним из лесоводов-подвижников был Виктор Иванович Кузьмин.

В.И. Кузьмин родился 21 октября 1899 года в городе Грязи современной Липецкой области в небогатой купеческой семье. Среднее образование получил в г. Воронеже, где с 1910 по 1917годы учился и успешно закончил 1-ю Мужскую гимназию. С детства Виктор Иванович любил природу, поэтому свое образование он продолжил на лесном факультете Воронежского СХИ. Годы его учебы там – с 1921 по 1925, были очень трудными для страны. Но разруха после Гражданской войны, голод и холод не могли помешать получить знания, к которым тянулась душа. Студентом Виктор Иванович во время каникул ездил в экспедиции, где выполнял под руководством известного лесовода профессора Тюрина производственные задания по изучению лесных массивов, закрепляя на практике полученные в институтских аудиториях знания.

Поэтому ко времени окончания ВУЗа он стал опытным специалистом и получил должность таксатора Брянской лесоустроительной экспедиции, которая базировалась в г. Карачеве, а через перу лет стал начальником одной из ее партий. В задачу таксатора входило определение общей площади исследуемого лесного массива, разделение его на лесную и нелесную площадь, тщательное естественно-историческое описание каждого участка, установление на них главной древесной породы, запаса древесины и разработку хозяйственных мероприятий. Этой, очень важной для планового ведения лесного хозяйства работой Виктор Иванович занимался

в лесах Карачевского, Трубчевского и Клетнянского районов Брянщины и в Жиздренском районе современной Калужской области с 1925 по 1931 год.

Затем Кузьмин прошел переподготовку на годичных курсах инженеров лесного транспорта в г. Смоленске. Вернувшись на Брянщину, руководил строительством зимних лесовозных дорог, так называемых «ледянок» и летних «лежневок», которые позволяли вырубать перестойные насаждения, растущие внутри непроходимых болот и вывозить спиленную древесину без ущерба для окружающей среды на территории современного Навлинского и Суземского районов.

С 1935 по 1937 год работал лесничим в Холмечском и Алтуховском лесхозах, где под его руководством проводились работы по лесовосстановлению на местах недавних сплошных рубок. В лесных питомниках выращивали саженцы ели и сосны, а затем переносили молодые растения на подготовленные участки и ухаживали за ними, добиваясь высоких показателей приживаемости.

В начале 1938 года Виктора Ивановича, как грамотного специалиста, творчески относящегося к своей работе, перевели в Брянское Опытное лесничество на должность старшего лесничего. Опытное лесничество, основанное в 1906 году по инициативе известного российского лесовода профессора Г.Ф. Морозова, служило базой для проведения практических научных работ в лесных насаждениях разного типа. Также на его территории проходили обучение студенты Брянского лесохозяйственного института.

Это было время закладки знаменитого и в наши дни дендрологического парка. Руководил этой работой профессор БЛХИ Б.В. Гроздов, а лесничий Кузьмин принимал в этом деле самое непосредственное участие, всеми силами помогая созданию этого ценнейшего природного объекта. Он выделял лесохозяйственных рабочих для проведения посевов, посадок и уходов за экзотическими растениями, обеспечивал людей необ-

ходимым инвентарем, организовал надежную охрану дендрариума.

Другими работами, которыми занимался Виктор Иванович в Опытном лесничестве помимо выполнения своих служебных обязанностей, были закладка пробных площадей, помощь преподавателям БЛХИ в создании опытных культур и ухода за ними, проведение учебных практик со студентами института.

Темой его научных исследований было изучение путей расселения и определение колебания численности поголовья диких копытных млекопитающих – лосей, кабанов, косуль на территории современной Брянщины и сопредельных с нею областей. (Этот труд сохранился в рукописи.)

Кроме этого, он был корреспондентом газеты «Брянский рабочий», где несколько лет вел рубрику «Блокнот натуралиста», в которой публиковал свои статьи об интересных природных явлениях, жизни различных животных со своими иллюстрациями, а также очерки на краеведческие темы.

Кузьмин был страстным и грамотным охотником-любителем, активным членом Брянского отделения общества рыболовов-охотников, в 20-е и 30-е годы он организовывал облавы по истреблению волков в Карачевском и Брянском районах и руководил их проведением.

Все предвоенное время Виктор Иванович сотрудничал со школами населенных пунктов, в которых проживал. Он выступал перед учащимися с рассказами о природе, дарил в кабинеты биологии коллекции чучел птиц и мелких зверей, которые искусно изготавливал из собственноручно добытых животных. Он был человеком беззаветно любящим природу и пропагандирующим разумное и бережное отношение к ней.

После освобождения Брянщины от оккупантов в 1943 году Кузьмин вновь занялся любимой делом – восстановлением лесов сначала на Орловщине, а с июля 1944 года - на Брянщине, работая главным лесничим Управления лесного хозяйства в нашей, только что образованной области. На этой должности Кузьмин проработал более двух, очень напряженных лет. Нужно

было следить, чтобы в лесных массивах во всех районах области на площадях, отводимых под рубку или посадку леса, первоначально производилось разминирование. К выполнению лесохозяйственных работ власти были вынуждены привлекать подростков и стариков. Поэтому, во избежание несчастных случаев при работе, нужно было особенно тщательно проводить инструктажи по технике безопасности – за это тоже отвечал главный лесничий. А главное – выполнение областного плана по всем видам лесохозяйственных работ, за который спрашивали по всей строгости военного времени.

С конца 1946 года из-за проблем со здоровьем Виктор Иванович ушел с этого поста на должность старшего лесничего Клетнянского лесхоза. К 1948 году относятся записи в Книге поступлений Брянского краеведческого музея о приобретении у В.И. Кузьмина нескольких чучел животных, которые, к сожалению, не сохранились до сегодняшнего дня.

В 1950 году Кузьмин переехал на постоянное место жительства в г. Воронеж, где продолжал работать в системе лесного хозяйства.

Скончался Виктор Иванович в 1970 году.

Данное исследование основано на личном архиве В.И. Кузьмина, который находится у его внука В.Г. Фролова (г. Воронеж). В настоящее время сотрудниками Брянского государственного объединенного краеведческого музея ведутся переговоры о передаче наследия Кузьмина для постоянного хранения в фонды музея.

С.В. Чернышов,
к.и.н., доцент Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

Русская баня и печь в народной традиции

Этнографы 1-й половины XX века уделяли внимание в основном сбору архаичных материалов, пытаясь проследить влияние традиции на современность. Современность часто фик-

сировалась как статистические данные о социальных изменениях в деревне и в национальном составе под воздействием идеологических установок. Массовый же описательный материал современного быта практически отсутствовал. Здесь следует выделить несколько объективных причин. Во-первых, сложность фиксации реалии XX века. Данная сложность объясняется влиянием идеологии. Выводы исследователей проверялись на соответствие установленной концепции. Определение независимых выводов напрямую запрещалось. К тому же, нельзя забывать и о прерывании научных школ в результате массовых репрессий (уничтожение школы этнографов дореволюционной России, разгром краеведческого движения, «дело академиков» и др.). Новые научные направления должны были подчеркнуть преимущество социалистической системы при этногенезе «советского человека».

Во-вторых, традиционные связи в социокультурной среде подвергались изменению и разрушению в результате индустриализации и урбанизации. Городская культура активно распространялась во всех сферах быта и производства. Демографическая ситуация в России только усилила этот процесс. Традиционная крестьянская община была разрушена. Формируется новая система отношений, в основу которых введены производственные ценности, характерные для рабочих коллективов. Значительно увеличилась миграция. Причины массового переселения населения были разнообразны, это (в порядке исторической динамики), - эмиграция, гражданская война, коллективизация, выселение неблагонадежных, раскулачивание, «ленинские призывы», эвакуация в годы Великой Отечественной войны, политика «неперспективных деревень», укрупнение поселений и др. Каждая из выше перечисленных причин может существенно повлиять на формирование традиционной культуры. В сумме же они привели к формированию новой традиции.

В третьих, в полевой работе применялась та же программа, что и этнографами XIX в. Данная программа не в состоянии описать особенности культуры XX века. Вопросы анкет не мо-

гут в полном объеме отразить реалии современности, соответственно и сделанные выводы по материалам анкетирования будут далеко не полны. Полевые исследования по 2-й половине XX – начала XXI вв., проведенные кафедрой этнографии СПГУ, наглядно показали, что материалы, собранные по программе Этнографического бюро В.Н. Тенешева отражают только 10% современных реалий. [1]

Соответственно, для полевых исследований современности необходимы новые программы описания этноса. Данные программы должны в полном объеме описывать спектр реалий современных этнических культур.

Изменились и средства фиксации материала. К записям этнографов добавились аудиозаписи, видеозаписи, фотографии. Появление новых носителей информации позволяет по-новому интерпретировать полученные данные. Если ранее данные несли отпечаток личности этнографа (исследователь сам выбирал, что фиксировать, каким образом интерпретировать, какой вывод следует), то теперь полученные данные только фиксируют образцы культуры. В советской и российской этнографической науке фотоматериалы долгое время не включались в научный оборот, считаясь вспомогательным материалом при исследовании различных историко-этнографических проблем. Между тем, следует отметить, что фотоиллюстративные материалы зачастую не менее информативны, чем письменные источники, как и фотоматериалы, собираемые в поле в XX в. Ради избежания конфликта с официальной идеологией науки, фотоматериалы раньше были направлены на сбор архаики. Но, фотоаппарат «бесстрастно» фиксирует все то, что попадает в кадр. Соответственно, именно в фотоматериалах сегодня можно увидеть быт и культуру людей, носителей традиционной культуры, но уже с серьезными изменениями традиционной культуры в XX в., связанными с интенсивными социально-экономическими, политическими и культурными процессами советского периода. [2]

Не стало исключением изучение традиционных поселений Брянщины. В данной статье на основе этнологических ис-

следований, проведенных студентами исторического факультета Брянского государственного университета, мы попытаемся восстановить место бани и печи в традициях гигиены.

Различные народы мира по-разному решали вопросы своей личной гигиены, и традиции их в этом отношении зачастую оказываются весьма причудливыми и экзотичными. Например, как известно из исторических данных, кочевники степей Евразии мылись в тех же котлах, где и варили пищу. Другие же предпочитали вообще не мыться всю жизнь. Европейские народы также зачастую отличались необычными на наш взгляд гигиеническими (банными) традициями. Так скандинавы в средние века использовали в качестве моющего средства отстоявшуюся мочу. Впрочем, в настоящее время подобное же средство во всем мире начинают использовать и в медицинских целях.

Гигиенические традиции русского народа также отличаются значительным своеобразием. Общеизвестной и характерной отличительной чертой русской культуры являются русские бани. По своим особенностям они отличаются от бань других народов, и хотя мы обычно пользуемся тем же термином в отношении последних, но только лишь для большей простоты восприятия. Одинаковое название подчеркивает общее назначение, но ничего не говорит о принципах действия, конструкции и происхождении «бань» у других народов. Изначально у них, как правило, было мало общего. [3]

Говоря о банно-гигиенических традициях, существовавших (и существующих до настоящего момента) на Руси, нужно сразу сказать, что одними банями они далеко не ограничивались. Бани имели полное преобладание лишь на северо-западе и севере русских земель, тогда как в прочих районах большее значение имели другие традиции. На юге России, на территориях, прилегающих к Украине, вместо бань мылись в деревянных чанах, размещавшихся прямо в избе. В Центральной России наиболее широкое распространение получил очень примечательный обычай мытья (паренья) в обычных русских печах. Этот обычай

встречался также и на Севере России, - в местностях заселявшихся преимущественно из центральных русских земель.

В чем же заключались особенности и что представляли из себя традиции бани и мытья в печах, встречавшиеся в Северной и Центральной России?

Рассмотрим расположение бани на усадьбе, примерное их соотношение с количеством усадеб.

Бани располагались примерно в 15-25-ти метрах от жилого помещения на возвышенном месте. Требовалось минимальное заглубление канализационного лотка. Рубились из бревен осины (д. Молотино). Осина забирала у человека хворь.

Окна располагались на запад: вечером лучи заходящего солнца создают особую атмосферу спокойствия и уюта. В Унече на 240 усадеб приходится примерно 70 бань. В поселке Лепинский Суражского района на 18 жилых усадеб приходится 9 бань (из них – 3 топятся по-черному). Все бани расположены в конце усадеб, одна около водоема.

Наиболее простой вариант бани – отдельно расположенной от жилого помещения – бревенчатая избушка, разделенная на два помещения – раздевалку и парилку. Для отопления используют печь – каменку, установленную в углу парилки. Три полки шириной по 60 см. расположены ступенями друг под другом. Вдоль стены установлена лавка из толстой гладко струганной доски. Здесь же небольшое окошко. В предбаннике также сделаны лавки, чтобы на них можно было не только сидеть, но и лежать. Средние размеры бани 4 х 3 метра.

На входе в баню может быть расположен тамбур, препятствующий проникновению холодных потоков воздуха внутрь помещения. Из раздевалки дверь ведет в моечную, где размещают баки с горячей и холодной водой, печь. Дверь устроена с высоким порогом и низкой коробкой, что позволяет существенно снизить потери теплоты и пара при открывании дверей.

Система подогрева воды.

В банях требуется горячая вода для мытья и пар для парилки. Пар всегда получали, обливая водой раскаленные огнем

камни. Часто камни помещают в печь каменку. В селе Ревны Навлинского района камни отсутствуют. Пар получают, поливая теплой водой раскаленную железную пластину над отверстием в печи.

Для нагрева воды котлы ставят на печь. Могут использовать водонагревательный котел. Котел двумя трубками соединяется с емкостью с водой. При нагреве происходит циркуляция воды. Часто емкости ставятся около стены печи и от нее нагреваются.

Холодную воду приносят из колодца или колонки.

Печь-каменка обеспечивает нагрев парной до 95 градусов. Различают закрытую и открытую каменку. Открытая каменка позволяет париться нескольким парильщикам, так как быстро нагревает парильню, однако, под действием воды быстро остывает. В такой каменке камни укладываются кучей над топливником.

Закрытая каменка требует большего расхода топлива и времени на растопку, позволяет создать высокую температуру, удерживающуюся в течение длительного времени.

Каменка в бане используется для создания особой парной «атмосферы». Для этого на камни в *каменке* выливают ковш воды, пива, кваса или травяного настоя. Именно обильный водяной пар является характерной особенностью русской бани и отличием ее от бань других народов мира. Однако, в прошлом у каменки была и другая немаловажная роль. Раскалившиеся на каменке (иногда до красна) камни в традициях русской бани применялись для приготовления горячей воды. Камни брались с каменки двумя деревянными палочками (а в позднее время железными щипцами), и опускались в деревянную кадку, заполненную водой. Из-за присутствия раскаленных камней вода в кадке вскоре закипала. Именно этот способ является исконным для русской бани и в отдельных местностях России применяется до сих пор.

Примечательно, что подбор камней для каменки был своеобразным искусством, так как многие раскаленные камни

при соприкосновении с водой взрываются (разлетаются на части). Нередки рассказы и о том, как неправильно выбранный камень, попав в воду, разносил кадку вдребезги.

Дрова - наиболее распространенный вид топлива банных печей. Тепло от сгорания дров во многом зависит от вида древесины. Лучшее топливо – твердые лиственные породы деревьев. Березовые дрова при горении дают высокое ровное пламя и не искрятся, считаются лучшими для нагрева камней. К концу топки в печь подбрасывают несколько осиновых поленьев, образующих длинное красно-синее пламя, уничтожающее сажу.

Старожилы Унечи (Клименок В.А.) отмечают преимущества нагрева бани «по черному». Такая баня быстрее и сильнее прогревается, так как жар из топки, пройдя камни, не вылетает в трубу, а растекается внутри. Поэтому надо меньше дров. Протапливают баню за 2-3 часа до помывки. В бане «по черному» стоит приятный запах от стен, коптятся только потолок и стены. Перед тем как париться, закопченные стены и потолок можно обдать водой.

Для отвода воды полы парного помещения делаются с уклоном. Вода стекает в специальный желоб.

Перед тем, как затопить, баню обязательно нужно вымести, вымыть парную, проветрить помещение, почистить емкость для воды, убрать все лишнее, чтобы не было посторонних запахов. Потом в горячем помещении это сделать будет сложно.

Банный жар является отличным профилактическим средством ухода за кожей. Пар хорошо прочищает поры тела, засоренные сальные железы, мягко снимает омертвевший роговой слой. Освобождение кожи от старых клеток создает условия для рождения новых, способствует ускорению обмена веществ.

Существенным свойством жаркой бани является ее бактерицидное воздействие. На коже гибнут грибковые паразиты и бактерии. Уничтожению микроорганизмов способствует обильное выделение пота, являющегося сильным токсином. Вместе с потом выводятся шлаки из организма. Вывод шлаков стимули-

рует жизненные процессы, белковый обмен. Важная составляющая бани – тренировка сердечно-сосудистой системы.

Парная является прекрасным профилактическим средством против простудных заболеваний и гриппа, позволяет снимать нервное напряжение.

Незаменима баня при лечении различных растяжений, вывихов, ушибов.

Баня – это мощное терапевтическое средство, но пользоваться им надо с толком. Не рекомендуется посещать парную людям старше 60 лет и маленьким детям.

Абсолютно противопоказана баня при всех острых воспалительных заболеваниях с повышенной температурой тела, при эпилепсии, онкологических и др. заболеваниях. В профилактических целях баню рекомендуют для закаливания организма, для восстановления после физических и нервных нагрузок, для усиления иммунитета, для тренировки сердечной мышцы. Из разнообразных способов пользования баней надо выбрать свой индивидуальный.

Традиция париться веником имеет глубокие исторические корни. Славяне делали бани в виде временных шалашей из веток и листьев разных деревьев. Применение веток, затем веников стало традицией. Похлестывание им тела – своеобразный массаж, усиливающий кровообращение, способствующее закаливанию контрастом температур. Усиливался обмен веществ, очищалась кожа.

Эфирные масла попадали на кожу, улучшали в ней обмен веществ, препятствовали преждевременному старению.

Каждый веник имеет свой особый эффект. Березовый – помогает при боли, ломоте в мышцах и суставах после упражнений и физической нагрузки, хорошо очищает кожу, ускоряет заживление ран и ссадин, оказывает успокаивающие действие, улучшает настроение. Дыхание в бане через березовый веник помогает лечить заболевание бронхов. Его особое действие в том, что он сильно расширяет в веничном пару легкие, бронхи,

что способствует отхождению мокроты и улучшает вентиляцию легких.

Дубовый веник больше подходит для людей с жирной кожей, он делает ее упругой. Аромат дуба препятствует чрезмерному повышению артериального давления в парной. Успокаивает нервную систему после активных занятий бегом и ходьбой.

Липовый веник устраняет головную боль, обладает мочегонным эффектом, ускоряет потоотделение, оказывает успокаивающее, ранозаживляющее, бронхорасширяющее, жаропонижающее действие.

Ольховый веник применяют в парной при простудах, ломоте в суставах и мышцах. Веник из рябины усиливает процессы возбуждения нервной системы.

Про крапивный веник говорят: «использовать его надо редко, но метко», после продолжительного бега или ходьбы при ломоте в теле: суставах, мышцах, пояснице. Стоит похлестать их жгучей зеленью и все неприятности исчезнут благодаря мощному местному раздражающему действию.

Все веники лучше использовать свежими, на зиму веники засушивают, подвесив их в предбаннике или на чердаке дома.

Кроме того используется и технология пара. В кипяток добавляют настой липового цвета, березы, душистого чая, мяты, лечебной ромашки, хвои. Ароматы повышают настроение, проникая через поры и дыхательные пути, благотворно влияют на нервную систему.

В Духову субботу парились веником из трех сортов деревьев: осина, дуб, береза.

Осина – чтобы предохраниться от сглаза;

Дуб – чтобы весь год здоровье было крепким;

Береза – чтобы красота не увядала.

На Брянщине сохранилась и традиция мытья в печи.

Традиция мытья в печи была характерна для Центральной России, и в основном в пределах территорий, приходящихся на земли старых Рязанского и в Владимиро-Суздальского кня-

жеств (Рязанская, Тульская, Московская, Ярославская, Владимирская, Калужская губернии) [*Бломквист, Ганцкая* Карта №35]. Как можно заметить, контуры ареала этого обычая в значительной мере совпадают с юго-западной и юго-восточной границами Московского государства XV – середины XVI в. (до падения Казанского ханства). Остальные более южные губернии, заселенные гораздо позже (в XVIII-XIX вв.), его уже не знали: там имелась своя традиция, сходная с украинской, – мытье в деревянных кадках и корытах. На Русском Севере также имелись целые территории, где не знали бань и мылись в печах. В последних районах, как считают исследователи, преобладала ростовская колонизация.

Мытье в печи успешно конкурировало с баней и в прошлом, возможно, могло кое-где потеснить ее. Нужно сразу отметить, что такое допущение является чисто гипотетическим, так как документы XVI-XIX вв. говорят о поступательном расширении ареала бани. Стойкость двух различных систем гигиены, зачастую существовавших по соседству, объясняется консервативностью быта, тяготением людей к привычному укладу жизни.

Рассмотрим вариант мытья в печи на Брянщине.

После приготовления пищи печь готовят к помывке (Голикова Г.Е.). Сначала под печи хорошо подметают и устилают соломой или кладут доску. Ставят чугун с горячей водой, кладут туда распаренный березовый веник. По скамье забирались в печь (на четвереньках), ложились на солому так, чтобы голова выглядывала из устья. Далее сбрызгивали водой свод печи, предварительно закрыв заслонкой устье, отчего в ней резко повышалась температура и влажность. Допускалось хлестанье веником. Могли натираться хреном.

Паренье считалось оконченным когда силы начинали ослабевать. Тогда выходили из печи на мороз – холод, зимой катались в снегу. Затем бежали в избу и влезали в печь, чтобы вызвать испарину.

В такой печи – *лазни*, - парились раз-два в неделю, а если были гости, то прежде, чем сесть за стол.

После паренья надо полежать – на лавке или на полу, на соломе. Отдохнув, мылись у печи со *щелоком* (соломенная зола). Помывшись, пили чай, настоянный на травах.

Ложились спать на палати или же на чрево печи, чтобы прогреться, если чувствовали себя нездоровыми и больными.

В Суражском районе традиция мытья в печи сохранялась вплоть до 2-й половины XX века. Мытье в печи осуществлялось непосредственно около устья в корыте. Влезали в печь лишь для лечения простудных заболеваний (но ни в коем случае не при высокой температуре тела) и болезней типа радикулита, ревматизма и т.п.

В бане, по поверьям, всегда присутствует банный дух – *банник* (*баенник*), который убивает людей, посещающих бани после полуночи. Аналогии с русскими поверьями о банном духе отмечаются в фольклоре коми-зырян и других финно-угорских народов. Баня воспринималась то как святое, то как проклятое место. Банник является хозяином бани. Он носит ряд имен – баенник, байник, баенный, байнушка, банным хозяином, банным чертом и т.д. [4].

Банник – далеко не однозначный мифологический персонаж: он пугает, а иногда и убивает тех, кто ходит в баню поздно ночью, однако, хорошо относится к роженицам. Впрочем, во многих местностях России существуют и обратные представления, что банник наносит вред роженицам. В представлениях крестьян тех районов, где бани возникли недавно, банник не любит, когда парятся в печи.

Иногда банника представляли в виде невысокого, часто крохотного старичка с длиной, покрытой плесенью бородой. Тело покрыто большим количеством березовых листьев от веника.

Поверия о духе бани существовали и на территории Брянщины. В каждой бане проживал дух – банник. Он был не всегда дружелюбен по отношению к хозяевам. Когда топят ба-

ню, жар его временно выживает оттуда, а после того, как мытье оканчивается, банник выходит и парится сам.

Согласно поверьям, банник обитает в каменке, либо за каменкой или под ней. Оттуда доносится его голос, раздается ужасное храпение, вой, хохот и свист, которым банник пугает женщин. Здесь же он сушит свою шапку – невидимку. Он может засунуть в каменку того, кто перед ним провинился, или, наоборот, попросил защиты и укрытия от преследователей. Из каменки могут лететь камни, которые мечет разгневанный банник в дерзкого хвастуна.

Входя в баню, человек должен снять крест, этим он высказывает свое доверие к ее «хозяину». Оградиться от беды можно с помощью молитвы. Если не повезло, попали Баннику под недобрую руку – надо выбежать из бани вон и позвать на подмогу либо Овинника или Домового: «Батюшка! Выручай!». [5] Чтобы задобрить банника, ему приносили хлеб с солью, оставляли для него воду в кадках, дарили черную курицу. По выходу из бани говорили: «Спасибо те, байнушко, по парной байночке». [6]

В заключение отметим, что не только территориальные различия в способах мытья, но и более мелкие детали – способ нагрева воды, топка бани по *белому* или *черному*, несут определенную информацию о времени и происхождении миграционных потоков и о культурных влияниях на соседствующих территориях. Надо иметь в виду, что сельские бани на протяжении XX в. сильно видоизменились. *Черные бани*, в прошлом повсеместно господствовавшие, были вытеснены *белыми*. Появились вмазанные в печи котлы или другие приспособления для нагрева воды. Процесс внесения новшеств особенно усилился в последние четыре десятилетия, поэтому современная картина распространения бань и их особенностей уже не столь явно соотносится с историческим прошлым.

Вытеснение бани из культуры повседневности разрушает элементы традиционной культуры.

Банные приговоры:

Баня парит – баня правит – баня все поправит;

Когда б не баня, все б пропали;

Баня – мать вторая;

В восточной стороне стоит золотой столб,

В золотом столбе золотой стул.

В золотом стуле сидит золотая баба

И держит золотой веничек, шелкову шириночку.

Веничком попарит, шириночкой помажет

Чес, вороб и всякую болезнь.

Загадки:

Полна ветка воробышков; сидят – не летят – «почирикивают» (каменка);

Старичек неказистый, кошель с камнями на спине, по сто ушатов воды выпивает (каменка);

Наша чернушка такова: наноси воды хоть сколько – она все выпьет (каменка).

На цветной вклейке представлены фотографии банных комплексов на территории Брянской области.

Информаторы:

1. Борисенко Николай Андреевич – 1939 г.р., Суражский р-н п. Ленинский;
2. Голикова Галина Егоровна – 1935 г.р., обр. 3 кл., Почепский район с. Пьяный рог (Ульяново);
3. Жигунов Анатолий Васильевич – 1954 г.р., Почепский район д. Молотино;
4. Ивантей Анна Максимовна – 1930 г.р., Суражский р-н п. Ленинский;
5. Клерман Лиана Владимировна – 1968 г.р., Суражский р-н п. Ленинский;
6. Клименок Виктор Архипович – 1959 г. р., высшее строит. обр., г. Унеча;

7. Кривонос Евдокия Александровна – 1936 г.р., Суражский р-н п. Ленинский;
8. Курусь Ирина Михайловна – 1970 г.р., высшее мед. образование, г. Унеча;
9. Левкина Клавдия Ивановна – 1932 г.р., обр. 7 кл., Жирятинский р-н д. Колычево;
10. Столяров Иван Тимофеевич – 1930 г.р., обр. ср., Жирятинский р-н д. Колычево;
11. Хулапов Михаил Максимович – 1938 г.р., Суражский р-н п. Ленинский.

Литература

1. Ушаков, Н.В. Вопросы полевого этнографического изучения XX в. – современности // VI конгресс этнографов и антропологов России, Санкт – Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г. : тезисы докладов. – СПб. : МАЭ РАН, 2005. - С. 523.
2. Чернышов, С.В. Основные вопросы современных полевых этнографических исследований // Русский сборник : труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. – Брянск : РИО БГУ, 2006. – Вып. 2-3. - С. 73-77.
3. См. например: Желтов, А.А. Русская баня и старинный северный быт // Этнографическое обозрение. - 1999. - №3; Баня и печь в русской народной традиции. – М., 2004.
4. Шапарова, Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии / Н.С. Шапарова. – М., 2001. - С. 52-55.
5. Семенова, М. Мы – славяне / М. Семенова. – СПб, 1998. - С. 56.
6. Путилов, Б.Н. Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди / Б.Н. Путилов. – СПб., 1999. - С. 32.

Т. А. Ермакова,
мл. научный сотрудник Брянского государственного объединенного краеведческого музея

Головные уборы XIX века из бисера в коллекции Брянского краеведческого музея

Особое внимание русские женщины всегда уделяли головным уборам, ибо они были важнейшим элементом народного костюма, служили своеобразной визитной карточкой. По нему можно было узнать, из какой местности его владелица, ее возраст и семейное положение. Почти каждая губерния имела свойственные только ей формы головных уборов. Они были чрезвычайно разнообразны.

Издавна сложилось четкое разграничение женских головных уборов на те, что могла позволить себе девушка, и те, которые должна была носить замужняя женщина. Девичьи, при всем их разнообразии, никогда не скрывали красоту волос, заплетенных в косу. Девушки носили повязки в виде лент, украшенных вышивкой, позументом, бусами, металлической бахромой. Особое внимание уделялось вточным частям головного убора. Как правило, здесь располагались объемные и блестящие украшения – бахрома, ниточки-подвески из бус. Эта традиция сохранилась с дохристианского времени.

Рис. 1

Замужней женщине полагалось полностью скрывать под головным убором волосы, и не было большего позора, чем оказаться в народе "простоволосой". [1] Отсюда многослойность этих уборов, и сложные формы, значительный вес (некоторые достигали 5 кг.). В южной местности носили довольно высокие шапочки – ***кички (Рис. 1,2).*** Налобную часть дополняла сетка из

Рис. 2

жемчуга, бисера или бахрома из металлических нитей – ***поднизь***.[2]

Повойник – головной убор замужней крестьянки, представлявший собой маленькую легкую шапочку, покрывавшую волосы под кичкой – довольно часто применялся в сочетании с бисерным ***позатыльником*** – сложным многоярусным сооружением, закрывавшим затылочную часть головы, шею, верх спины. [3]

Позатыльник в южных регионах имел длинные бисерные поднизи; на севере и в центральных регионах он изготавливался из поднизей, украшаясь иногда отделкой из бисера. Кичкообразные головные уборы, как правило, дополнялись налобником, подвесками из бисера, кистями из шелка.

Соединенные вместе повойник и позатыльник назывались ***сорокой*** [4] (женский головной убор южных губернии). Подчас это сложное украшение весило несколько килограммов и стоило очень дорого, так как для его изготовления старались приобрести самые ценные материалы – золотые и серебряные нити, парчу, бусы, блестки и т. д.

Женщины северных областей надевали высокие ***кокошники***, которые, как было принято, передавались по наследству. [5] Они имели шлемообразную форму с центральной частью в виде полукруга, треугольника. Девичий кокошник был в виде открытого сверху, шитого золотом и бисером. [6]

В зависимости от места бытования материал для изготовления головных уборов был различным. Например, в южных районах широко использовались ткани, тесьма, ленты, бисер, пуговицы, блестки. [7]

Головные уборы также отличались друг от друга способами и сюжетами декора, своей цветовой гаммой. Так в южных губерниях предпочтение отдавалось светло-красным, зеленым, желтым цветам, в то время как на юго-востоке – темно-красным и черным.

Среди орнаментальных мотивов преобладают растительные: ветви, побеги, цветы, деревья, а также изображения птиц. Основой для вышивки служили шелк, бархат, позумент. [8]

Говоря о коллекции БГОКМ, необходимо отметить, что она представлена сравнительно небольшим количеством головных уборов из бисера разных районов Брянской области. Всего коллекция насчитывает 80 народных головных уборов. Из них: 9 - повойники (Выгонический район – село Горицы, Жиздринский район – деревня Скуринск, Дубровский район – деревня Рековичи, Брянский район – село Дорожово, село Николаевки, деревня Литовня), 12 – валеки (Жирятинский район – село Госома, село Бойтичи, село Логотинка, деревня Литовни; Выгонический район – село Горицы; Жуковский район – село Речицы, село Овстуг; Брянский район – поселок Сельцо, село Дорожово), 14 – позатыльники (Выгонический район – село Горицы; Жирятинский район – село Госома, деревня Литовни; Брянский район – село Дорожово; Жуковский район – село Овстуг, село Речицы; Карачевский район; Навлинский район – село Соколово), 10 – налобники (Жирятинский район – село Госома, деревня Литовни; Жуковский район – село Речицы, село Овстуг; Брянский район – село Дорожово), 6 – кокошники (Жирятинский район - село Госома; Жуковский район – село Речицы, село Овстуг; Навлинский район – деревня Соколово; Брянский район – село Дорожово), 20 – чепки (Жирятинский район – село Госома; Брянский район – село Дорожово, село Николаевка; Красногорский район – село Яловка, село Латоки; Карачевский район; Мглинский район – деревня Портники, деревня Романовка; Климовский район; Унечский район – село Павлово, село Лыщичи), 3 – веночки (Жирятинский район – деревня Литовни; Жуковский район - село Речицы; Брянский район – поселок Сельцо), 3 – шапочки (Жирятинский район – деревня Литовни; Жуковский район – село Овстуг). По большей части это северные (Жуковский район – село Речица, село Овстуг; Дубровский район – деревня Рековичи), северо-восточные (Брянский район – село Дорожово, село Николаевки, деревня Литовня, поселок Сельцо,

Жирятино) и восточные (Выгонический район – деревня Горицы) районы области. Выше перечисленные районы пополнили музейную коллекцию преимущественно следующими головными уборами из бисера - позатыльниками, налобниками, повойниками, валиками, чепками. В меньшей степени представлены головные уборы западных (Красногорский район – село Яловка), восточных (Навлинский район – деревня Соколово; Карачевский район), центральных (Унечский район – деревня Павлово, село Лыщичи) и северо-западных (Мглинский район – деревня Портники, деревня Романовка) районов, и совсем не представлен в этом плане юг области. Правда коллекция располагает головными уборами, поступившими из Калужской области (Жиздринский район – деревня Скуринск) – это, по большей части, повойники.

Необходимо отметить, что коллекция музея насчитывает небольшое количество кокошников. Их всего 6 экспонатов: из Навлинского (деревня Соколово), Жуковского (село Речица, село Овстуг), Жирятинского (село Госома), Брянского (село Дорожово) районов. Следует сказать, что кокошники не имели широкого распространения на Брянщине, так как появились здесь из северно-русских районов.

Рис.4

Рис. 3

Если в общем говорить о головных уборах из бисера в музейной коллекции, то нельзя не отметить их разнообразия, яркости и красоты. Помимо основного элемента украшения – бисера, присутствуют также вставки цветного стекла и фольги, расшивка разноцветной шерстью (особенно на повойниках), вышивка серебряной и золотой нитью, блестками, жемчугом (кички). Позатыльники (Рис.3) представля-

Рис.6

ют собой прямоугольные изделия, сделанные из разноцветного бисера, расположенного геометрическим узором (ромбами, крестами) длиной 70-80 см., шириной 2-4см. Иногда бисерный поднизок заканчивается бисерной бахромой и кисточками из разноцветной шерсти. На позатыльниках нашиты тесемки, ленточки; довольно часто применяется ***агромант –*** синяя волнистая тесьма; полосы из стекляруса, зеркальные столбики. Налобники (Рис.4) представляют собой изделия в виде прямоугольной полосы, на которую в виде ломаной линии нашиты цепочки горизонтальных ромбиков, металлические блестки; на висках – розеточки из мелких цветных стеклянных граненых бусинок, пуговиц, бахрома из металлических ниток со стеклярусом. То есть они украшены, по преимуществу, мишурной тесьмой и бусами, а с боков над ушами – кисточками махры из красного гаруса, унизанными бисером и стеклярусом. Что касается кокошников, то их в коллекции два вида – высокий (с округлым передом) и невысокие (в форме шапочки). Если рассматривать первый вид (Рис.5), то его лобная часть украшена шестилепестковыми розетками, составленными из трех скрещивающихся полосок, пришитых в прикреп серебряной нитью.

В центре розеток расположены бесцветные многогранные стеклянные пуговки в металлическом корпусе. Свободное пространство уложено металлическими блестками с нашитыми на них бисеринками. Второй вид – это кокошники в виде шапочки с круглым дном, присборенные на затылке. По краю шапочки пришита тесьма, на которую, чередуясь нашиты металлические блестки. По верхнему краю расположены разноцветные пуговицы, бисер, вокруг нашиты стеклянные бусинки; по краям – полосы с бусинками и бисером на нитке. Иногда сзади шапочки пришивали ленты (синие, белые, коричневые, красные).

Рис.5

Повойники (Рис.6) представляют собой изделия в виде мягкой шапочки с невысоким очельем и плоским дном. Надо лбом – полоса льняного холста, которая сплошь устлана узкой ленточной тесьмой с пряденой металлической нитью. Нашиты металлические блестки, бисер, по краям – разноцветные граненые стеклянные бусинки. На затылочной части – позумент.

Чепка (Рис.7) – изделие в виде двух бисерных полос, соединенных спереди. По краям полосы набраны из разного рода бисера (цветовая гамма – черный, голубой, зеленый, желтый, красный, бежево-коричневый; геометрический рисунок – сочетание крестов и ромбов). К этим полосам прикрепляется большое количество (12 и более) ниток из бисера.

Рис.7

Таким образом, коллекция головных уборов отражает культурную южнорусскую традицию, о чем можно судить по преобладающему числу повойников и позатыльников, по их цветовой гамме (светло-красные, зеленые, желтые тона), по материалу изготовления (ткань, тесьма, бисер, блестки). Однако следует отметить и проникновение северной и западной (кокошники) культурной великорусской традиции.

Литература

1. Пармон, Ф.М. Композиция костюма / Ф.М. Пармон. – М., 1985. – С.15.
2. Российский историко-бытовой словарь. – М., 2000. – С. 39.
3. Традиционный народный костюм Брянской области. – Брянск,1998. – С. 19.
4. Пармон, Ф.М. Там же. – С. 23
5. Российский историко-бытовой словарь. – М., 2000. – С. 46.
6. Искусство одеваться. – СПб., 1989. – С. 151.

7. Русский костюм XVIII – н. XX века. – М., 1983. – С. 58.
8. Маслова, Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядов XIX – н. XX века / Г.С. Маслова. – М., 1984. – С. 87.

Источники

Фонды БГОКМ:

БОМ 10341-8, БОМ 10341-9, БОМ 9721-3, БОМ 5809-5, БОМ 5809-9, БОМ 4876-3, БОМ 4875-5, БОМ 3439-5, БОМ 985-8 – повойники;

БОМ 14348-7, БОМ 14348-11, БОМ 10364-6, БОМ 10364-10, БОМ 9989-1, БОМ 7362-7, БОМ 7362-8, БОМ 5016-5, БОМ 4948-8, БОМ 4729-4, БОМ 3439-8, БОМ 1249-4 – валеки;

БОМ 4838-3, БОМ 4731-15, БОМ 5809-6, БОМ 9721-2, БОМ 10341-2, БОМ 4948-5, БОМ 4729-7, БОМ 7362-8, БОМ 10364-6, БОМ 14348-8, БОМ 1249-5, БОМ 3439-4, БОМ 4319-3 – позатыльники;

БОМ 14348-10, БОМ 11192, БОМ 14364-3, БОМ 4948-7, БОМ 4948-8, БОМ 7362-6, БОМ 5809-7, БОМ 4729-6, БОМ 4838-3 – налобники;

БОМ 7362-9, БОМ 5809-8, БОМ 4844-4, БОМ 4948-6, БОМ 1249-7, БОМ 14348-9 – кокошники;

БОМ 10160/1-5, БОМ 10156/3-5, БОМ 8831, БОМ 8789-3, БОМ 8466-4, БОМ 8086, БОМ 7932-4, БОМ 5190-1, БОМ 4731-17, БОМ 4718-6, БОМ 4319-5, БОМ 1249-9 – чепки;

БОМ 10364-4, БОМ 4729-5, БОМ 4838-3 – шапочки;

БОМ 4948-9, БОМ 10364-11, БОМ 4729-8 – веночки.

В.В. Крашенинников,
к.и.н., доцент Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

Современный взгляд на движение декабристов

Декабризм – одно из тех явлений русской общественно-политической жизни, которое получило самое широкое историческое истолкование. События 180-летней давности, когда в декабре 1825 г. руководители тайных обществ подняли солдат на вооруженное выступление против власти, а император Николай I был вынужден применить силу для подавления этих выступлений, в тридцатилетний период николаевского правления практически замалчивались. Ни известий о судьбах осужденных, ни даже сведений о снисхождениях к ним со стороны власти в печати не появлялось. Единственная книга барона М.А. Корфа, дававшая официальную интерпретацию событиям декабря 1825 года, была издана незначительным тиражом и предназначалась для служебного пользования.

В 1850-е гг. другая, зарубежная Россия в лондонских изданиях А.И. Герцена и Н.П. Огарева попыталась дать свою оценку деятельности декабристов, сначала напечатав книгу М.А. Корфа с собственными комментариями, а затем начав публикацию мемуаров и других документов самих декабристов. Именно проявившийся в этих публикациях подход, в значительной степени идеализировавший облик носителей декабристских идей, среди которых, несомненно, было немало умных, талантливых, нравственно привлекательных лиц, стал затем господствующим и среди либерально настроенных историков и публицистов, и среди широких слоев русской интеллигенции, видевшей в декабристах «первенцев свободы».

Однако были в это время и другие точки зрения. Вот только две из них. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский: «Декабристы – историческая случайность, обросшая литературой». Известный писатель и философ В.В. Розанов: «От 14 декабря 1825 г. до сейчас вся наша история есть отклонение в сторону… Зашли не в тот переулок и никакого дома не нашли… И пишут, и пишут историю этой буффонады».

Но, если в дореволюционной России апологетический взгляд на декабристов хотя бы отчасти уравновешивался более сдержанными и критическими оценками, в первую очередь – со стороны консервативно-охранительных историков и мыслителей, то после 1917 года такого противовеса уже не было, а столетний юбилей выступления декабристов отмечался в 1925 г. на государственном уровне и сопровождался появлением многих публикаций по этой тематике. Именно в этом году был издан первый том многотомного издания «Восстание декабристов», которое остается важнейшим сводом документов по этой теме (последний XIX том издания вышел в 2001 г.).

Однако и в советское время отношение к этой теме не всегда было одинаковым. В 1920-е гг., когда еще сохранялись элементы преемственности в развитии российской исторической науки, немало публикаций о декабристах были достаточно объективными, без явной политизированности или идеологической заданности.

В 1930-е гг. возвеличение заговорщиков, руководивших вооруженными выступлениями против власти, могло восприниматься сугубо «бдительными» гражданами как попытка вредных политических ассоциаций, а дворянское происхождение декабристов, которые к тому же, по часто цитировавшимся словам В.И. Ленина, были «страшно далеки от народа», делало саму декабристскую тематику менее привлекательной. Впрочем, некоторые интересные работы появлялись и тогда (например, исследование Н.М. Дружинина о Никите Муравьеве).

Новым периодом значительной активизации изучения декабристской темы стали 1950-е гг., время 125-летия и 130-летия

вооруженных выступлений декабристов. Среди появившихся многочисленных изданий, подготовленных декабристоведами, по объему информации и широте анализа выделялась двухтомная монография М.В. Нечкиной «Движение декабристов», ставшая для многих последующих исследователей своего рода ориентиром. Сложившаяся в тот период концепция давала высокую оценку декабристам как первым сознательным русским революционерам, особо подчеркивая ведущую роль в движении наиболее радикально мыслящих представителей декабризма и в большей или меньшей степени отмечая слабости в мировоззрении и поведении представителей умеренного крыла, по принципу «чем революционнее – тем лучше».

Конечно, среди десятков кандидатских и докторских диссертаций, сотен монографий, тысяч статей, появившихся в 1950-1980-е гг. и посвященных декабристской тематике, было немало интересных работ, но их содержание и выводы в основном укладывались в достаточно жесткие рамки идеологически допустимых представлений и оценок. Значительный вклад в героизацию декабристского движения внесли и авторы историко-художественных произведений, в значительном количестве появившихся в эти годы, в частности, в известной серии «Пламенные революционеры».

В 1970-1980-е гг. одним из заметных направлений декабристоведения стало изучение его региональной истории. Появились отдельные работы, посвященные местам, где действовали декабристы (Петербург, Украина, Молдавия), где они отбывали каторгу и ссылку (Сибирь, Кавказ) или же местам, откуда они были родом. Наиболее ценной из подобных работ является издававшаяся в Иркутске многотомная серия «Полярная звезда», где каждый том (или двухтомник) посвящался одному из отбывавших ссылку в Сибири декабристов и содержал развернутую статью о его жизни и деятельности, а также написанные им мемуары, письма и другие сочинения.

В 1984 г. в Приокском книжном издательстве была выпущена небольшая книжка Владислава Сергеевича Пасина «Де-

кабристы Брянщины», остающаяся для читателей до сих пор основным источником информации по этому вопросу. Автор, по-настоящему увлеченный темой исследования, проделал большую работу по сбору и систематизации сведений о членах тайных обществ, связанных с Брянским краем, и дал достаточно яркие портреты своих героев. Конечно, как и у всякого первооткрывателя, у В.С. Пасина встречаются отдельные фактические неточности, есть элементы преувеличения роли наших земляков в описываемых событиях, но в целом он свою работу сделал добросовестно.

Позже и сам В.С. Пасин, и другие историки-краеведы, и отдельные журналисты продолжали обращаться к теме «Декабристы и Брянский край», хотя, наряду с привлечением новых интересных фактов, в отдельных публикациях встречались и явные ошибки, вроде той, что декабрист А.И. Тютчев и поэт Ф.И. Тютчев были родными братьями.

Последние десятилетия минувшего века и первые годы века нынешнего оказались не лучшим временем в изучении истории декабризма. Количество новых работ по этой тематике резко сократилось, но еще заметнее изменилась сама тональность в интерпретации рассматриваемых материалов. Если раньше была явной тенденция преувеличения заслуг декабристов, то сейчас маятник исторических оценок качнулся в противоположную сторону – принижения или даже очернения идей декабризма и людей, связанных с ним. Отдельные работы последнего времени еще сохраняют объективный исторический подход, с равной степенью заинтересованности рассматривая как сильные, так и слабые стороны мировоззрения и деятельности декабристов (таковы, к примеру, добротные по своему содержанию работы О.И. Киянской «Южный бунт», «Южное общество декабристов», «Пестель» и другие). Однако в последнее время преобладающее место в этой тематике начинает занимать литература, где главный лейтмотив – осудить декабризм как чуждое России явление или же представить декабристов как исполнителей воли более влиятельных сил в России или вне ее.

Названия некоторых наиболее значительных (по объему, а не по содержанию) работ говорят сами за себя: В.В. Крутов, Л.В. Шевцова-Крутова «Белые пятна красного цвета. Декабристы»; А.Ю. Щербаков «Декабристы. Заговор против России»; В.А. Брюханов «Заговор графа Милорадовича» и т.д. В многочисленных работах О.В. Платонова неоднократно муссируется идея об «антирусском заговоре декабристов-масонов» (именно так назван один из параграфов его книги «Криминальная история масонства»).

К сожалению, научный уровень подобных работ, как правило, невысок. «Разухабистый», ёрнический стиль А.Ю. Щербакова явно свидетельствует, что автор – не историк, а современный журналист средней руки, думающий, что «толпа все проглотит». О степени научной «объективности» О.В. Платонова можно судить хотя бы по такому примеру: в выпущенном под его редакцией обширном словаре-справочнике энциклопедического типа «Русский патриотизм» не нашлось места не только декабристам (это еще можно понять), но даже императорам Александру I и Александру II, которые, таким образом, оказались недостойными именоваться русскими патриотами в отличие от апологетически изображенных Николая I, Александра III, Николая II, а также третьестепенных деятелей черносотенной окраски.

Изменения в общественно-политической жизни страны повлияли и на характер издаваемых в последние годы мемуаров, в том числе – связанных с декабристами. К примеру, известный журналист Н.И. Греч в первой половине 1820-х гг. был близко знаком со многими будущими декабристами и посвятил им немало страниц в написанных позже «Записках» (не очень давно переизданных), в которых давались самые разные оценки этим людям – от положительных до резко негативных. Естественно, что в советское время подобные мемуары появиться в полном виде не могли.

Еще любопытнее ситуация с «Воспоминаниями» известного, но обычно обходимого молчанием декабриста Дмитрия

Завалишина. Не являвшийся членом тайных обществ и не участвовавший в вооруженных выступлениях декабристов, отпущенный после первого ареста, но затем вновь арестованный и осужденный на 20 лет каторги и последующее поселение в Сибири, Д.И. Завалишин отличался критичностью взглядов и оценок и по отношению к власти, и по отношению к собственным товарищам. После объявленной декабристам амнистии он остался в Сибири, но затем по просьбе местных властей выслан (уникальный случай!) из Сибири в Москву.

Именно такой неординарной личностью, умной, волевой, с высокими амбициями, но и с высокими нравственными требованиями к себе и к окружающим предстает Д.И. Завалишин и в своих «Воспоминаниях», впервые изданных уже после смерти автора в 1904 и 1906 гг., а затем в течение столетия не переиздававшихся в полном объеме и лишь в 2003 г. вновь увидевших свет, хотя в свое время Л.Н. Толстой назвал их «самыми важными» из всех воспоминаний декабристов. Дело в том, что даваемые Д.И. Завалишиным оценки движения декабристов и отдельных его участников нередко очень контрастируют с привычными концепциями и мнениями, что в его мемуарах нет той ретуши и глянца, которые явно чувствуются в других подобных воспоминаниях.

Для нас, брянцев, любопытны и сравнительно близкие связи Д.И. Завалишина с семьей Тютчевых. У матери будущего великого поэта Екатерины Львовны (урожденной – Толстой) была сестра, Надежда Львовна, с которой и решил связать свою судьбу отец Д.И. Завалишина, оставшись вдовцом. Таким образом, поэт Федор Тютчев и декабрист Дмитрий Завалишин оказались сводными двоюродными братьями, а сестра Дмитрия, Екатерина, вообще воспитывалась в московском доме Тютчевых. Эти родственные связи не оборвались и после смерти мачехи Д.И. Завалишина, и в 1863 г., прибыв из Сибири в Москву, бывший декабрист первым делом «поехал к сестре покойной мачехи, Екатерине Львовне Тютчевой».

Переходя непосредственно к вопросу о декабристах Брянщины, нужно признать, что здесь, как и вообще в характеристике участников декабристского движения, есть немало не до конца выясненных моментов, начиная с главного: кого считать декабристами? Если членов всех тайных обществ, относимых к декабристским, то многие из участвовавших в них лиц позже отошли от движения и вообще не привлекались к следствию. Если участников вооруженных выступлений в Петербурге и на Украине, то среди них были не только члены тайных обществ, но и увлеченные общим несогласием с переприсягой офицеры, не имевшие отношения к предшествующему движению. Если лиц, сосланных в Сибирь, то как рассматривать тех, к кому были применены другие меры наказания, включая перевод на Кавказ? А как быть с теми, кто, формально не вступая в тайные общества, знал об их деятельности и в чем-то сотрудничал с ними, но не был назван товарищами на следствии и не понес наказания?

Единого подхода к этим вопросам у декабристоведов нет. На наш взгляд, для характеристики декабризма в целом и разных этапов этого движения нужно учитывать всех лиц, относившихся к перечисленным категориям, естественно, не выравнивая их в некоем общем списке, а конкретно определяя степень участия каждого.

Не все однозначно и в определении круга лиц, относимых к декабристам Брянщины. Одна категория бесспорна – уроженцы тех территорий Орловской, Черниговской и Смоленской губерний, которые сейчас относятся к Брянской области. Кроме того, на наш взгляд, с некоторой долей условности к ним могут быть отнесены и те, кто не родился здесь, но достаточно длительное время проживали на этих территориях или периодически приезжали сюда.

Суммируя известные на настоящее время данные, среди участников декабристского движения нашими земляками являются: уроженец села Кабаличи Брянского уезда Алексей Иванович Тютчев (в краеведческой литературе местом его рождения

ошибочно называли сёла Хотылёво и Овстуг), уроженец села Душатин Суражского уезда Демьян Александрович Искрицкий, уроженец села Понуровки Стародубского уезда Александр Михайлович Миклашевский, уроженец села Лакомая Буда Новозыбковского уезда Егор Петрович Немирович-Данченко, уроженец Почепа Василий Алексеевич Перовский.

Если о трех первых основные данные можно найти в упомянутой работе В.С. Пасина, то двое оставшиеся заслуживают некоторого разъяснения. О Е.П. Немировиче-Данченко сведения очень скудны. Наиболее информативный биографический справочник «Декабристы», изданный в 1988 г. и подготовленный С.В. Мироненко, не содержит данных о месте его рождения, но называет родителей – бунчукового товарища Петра Ивановича Немировича-Данченко и Ульяну Григорьевну Искрицкую. В 1820-1821 гг. Е.П. Немирович-Данченко являлся прапорщиком, затем – подпоручиком лейб-гвардейского Измайловского полка, в 1820 г. был принят в тайное общество Ф. Глинки-Перетца, а в начале 1821 г. – в тайное Измайловское общество (в последнее его принимал А.М. Миклашевский). Однако в том же году Е.П. Немирович-Данченко вышел в отставку по болезни, а в начале 1822 г. скончался.

Материалы описей малороссийских губерний, «Русского провинциального некрополя», мемуары Л.И. Дудицкого-Лишня и некоторые другие документы позволяют утверждать, что родовым гнездом для Е.П. Немировича-Данченко было село Лакомая Буда (сейчас – в Климовском районе). Это селение, основанное во второй половине XVII в. как слобода, с 1709 г. стало владением топальского сотника Филиппа Данченко. Представители этой фамилии (с середины XVIII в. – Немировичи-Данченко, но нередко именовавшиеся и короткой первоначальной) владели селом вплоть до второй половины XIX в. Несомненно, что в нем нашел бы свое последнее успокоение и умерший, не достигнув 25 лет, Егор Петрович, но привезти его тело в родовое гнездо было, видимо, некому. Его отец, Петр Иванович, умер в 1820 г. в возрасте 63 лет и был похоронен в Лакомой Бу-

де; два старших брата (к сожалению, их имена пока не удалось установить) погибли в 1812 г. на Бородинском поле; младший брат Михаил был болен и, не дожив до 19 лет, скончался в 1822 г., вскоре после брата Егора.

В историко-краеведческой литературе, в связи с описанием парка в с. Лакомая Буда, который имел необычную форму (щита и меча), встречаются, к сожалению, некоторые ошибки. Создание парка приписывается некоему «помещику Шведу», якобы владевшему селом в начале XIX в. Приведенные ранее факты позволяют сделать вывод, что парк, вероятнее всего, создавался в 1814-1819 гг. Петром Ивановичем Немировичем-Данченко как знак памяти о воинской доблести погибших сыновей и других защитников Отечества в 1812 г. А дворянской фамилии Шведов в Новозыбковском уезде в начале XIX в. просто не было – в описях упомянута лишь фамилия стародубского купца Шведа. Возможно, потомки его приобрели после отмены крепостного права часть лакомобудских земель и устроили здесь свое имение, почему оказались косвенно связаны с парком с. Лакомая Буда. Последний же из прежних местных помещиков, Петр Николаевич Немирович-Данченко, был похоронен в селе в 1883 г. Кем он приходился бывшему члену тайных обществ Егору Петровичу – неизвестно.

Остается добавить, что в годы офицерской службы в Петербурге Е.П. Немировича-Данченко, А.М. Миклашевского и Д.А. Искрицкого наверняка сближали не только земляческие и идейные связи, но и достаточно близкое родство (матерью Е.П. Немировича-Данченко была Искрицкая, а бабкой Д.А. Искрицкого – Миклашевская). К этой земляческой группе мог относиться и младший брат Демьяна Искрицкого, Александр, которого также подозревали в причастности к тайному обществу, но отсутствие явных доказательств позволило ему избежать ареста. Позже А.А. Искрицкий был видным военным топографом, в чине генерал-майора ушел в отставку и умер в своем имении в с. Далисичи Суражского уезда.

Что касается упомянутого В.А. Перовского, то этот видный государственный и военный деятель России был связан с Брянщиной лишь фактом своего рождения и кратким периодом младенчества. Его участие в тайных обществах (Военном и Союзе Благоденствия) также было достаточно кратковременным, а его служба адъютантом великого князя Николая Павловича и активное участие в действиях против мятежников 14 декабря 1825 г. обеспечили ему полное доверие нового императора.

Вполне возможно, что еще одним уроженцем Брянщины среди членов тайных обществ был Степан Михайлович Семенов, выходец из духовенства, в 1810 г. закончивший Севскую духовную семинарию. Фамилия Семеновых встречалась в конце XVIII - начале XIX вв. среди священнослужителей Брянского и Севского уездов, но пока обнаружить документы с достоверной информацией о родословной С.М. Семенова и месте его рождения не удалось. В 1814 г. он завершил обучение в Московском университете, где был одним из лидеров вольномыслящей части студенчества; в 1816 г. стал магистром этико-политических наук. Затем служил в Москве в чине титулярного советника, стал дворянином, но ни землями, ни крепостными не владел. В 1824 г. возглавлял комиссию по проверке фактов жестокого обращения с крепостными со стороны курской помещицы О.К. Брискорн (ее имение с суконной мануфактурой, с. Прилепы, было смежным с Севским уездом). Был одним из руководителей Союза Благоденствия, членом его коренной управы; знал о существовании Северного общества, но участия в его деятельности, вероятно, не принимал. Твердо держался во время следствия, за что и было приказано содержать С.М. Семенова закованным в ручные кандалы «на хлебе и воде». Поскольку прямой вины его доказать не удалось, в июне 1826 г. «высочайше повелено, продержав еще четыре месяца в крепости, отправить в Сибирь на службу, но без повышения чина и ежемесячно доносить о поведении». Умер в 1852 г. в Тобольске, где последние годы служил

в губернском правлении, оставив о себе добрую память и у бывших товарищей, и у многих местных жителей.

К числу членов тайных декабристских обществ, не родившихся на территории современной Брянской области, но связанных с нею значительными периодами своей жизни, следует отнести Семена Егоровича Раича, Александра Федоровича Бригена, Михаила Николаевича Муравьева и Ивана Федоровича Юрасова.

Семен Егорович Раич (настоящая фамилия – Амфитеатров), уроженец Кромского уезда, закончил Севскую духовную семинарию, но, в отличие от старшего брата Федора, в монашестве – Филарета, ставшего выдающимся религиозным деятелем XIX в. и более 20 лет являвшегося митрополитом Киевским, выбрал преподавательскую и литературную деятельность. В 1820-1840-е гг. С.Е. Раич имел определенную известность как поэт, переводчик, журналист, был руководителем литературного общества в Москве, там же преподавал русскую словесность в Московском университетском пансионе. Но еще раньше, с 1813 г. С.Е. Раич занимался в качестве домашнего учителя и воспитателя с Федей Тютчевым и оказал несомненное влияние на формирование личности будущего поэта. Был членом Союза Благоденствия, но после прекращения его деятельности в начале 1821 г. политической активности не проявлял, поэтому в период следствия над декабристами был «оставлен без внимания».

Связан с семейством Тютчевых был еще один участник тайных обществ – Михаил Николаевич Муравьев. У тетки Ф.И. Тютчева, Надежды Николаевны Шереметевой, после гибели ее мужа осталось трое детей: сын Алексей Васильевич (в будущем – член Союза Благоденствия, не привлекавшийся, однако, к следствию) и дочери Пелагея и Анастасия. Старшая из них, Пелагея, в 1818 г. вышла замуж за М.Н. Муравьева, который после отставки в чине подполковника в 1821-1825 гг. жил в имении своей жены в Рославльском уезде (с. Хорошково и сц. Лозицы – в современном Рогнединском районе). К этому времени он уже несколько лет был членом руководимых его старшим братом

Александром преддекабристской Священной артели, затем – Союза Спасения и Союза Благоденствия, причем в последней организации был членом Коренного совета и одним из авторов устава. Оказавшись в Рославльском уезде и видя тяжелое положение местных крестьян в связи с голодом, М.Н. Муравьев, пользуясь поддержкой своей тещи, Н.Н. Шереметевой, ее брата И.Н. Тютчева, некоторых других лиц, а также своих товарищей по Союзу Благоденствия И.А. Фонвизина и И.Д. Якушкина (последний вскоре стал его близким родственником, женившись на Анастасии Шереметевой), сумел оказать значительную помощь голодающим. Был арестован по делу декабристов, но в июне 1826 г. освобожден с оправдательным аттестатом. Позже вернулся на службу, занимал многие ответственные гражданские и военные должности; являясь генерал-губернатором и командующим войсками Виленского военного округа, в 1863-1864 гг. беспощадно подавил польское повстанческое движение, за что был возведен в графское достоинство и стал именоваться Муравьевым-Виленским (в революционных кругах получил прозвище – Муравьев-вешатель).

Благодаря своей женитьбе, не раз бывал на Брянщине еще один из руководителей Союза Благоденствия – Александр Федорович Бриген. Его женой стала Софья Миклашевская, сестра уже упоминавшегося А.М. Миклашевского. Главным родовым гнездом Миклашевских было село Понуровка под Стародубом. Именно здесь, после ухода в 1821 г. в отставку (формально – по болезни, а в реальности – в связи с полученным правительством доносом, где отмечалась особо активная роль А.Ф. Бригена в Союзе Благоденствия), проводил значительную часть своего времени отставной полковник, периодически выезжая то в Петербург, то в Киев по просьбе руководителей Северного общества, хотя формально в состав этого общества он, вероятно, не входил. Здесь же, а точнее, на хуторе Берёзовке близ Стародуба, он и был арестован. После двух лет пребывания на каторге А.Ф. Бриген был переведен на поселение – сначала в с. Пелым, затем в г. Курган. Вернувшись после амнистии из Сибири, А.Ф.

Бриген вновь побывал в Понуровке, но вскоре, находясь в Петербурге, скончался. Жизнь, деятельность, творчество этой очень примечательной личности были внимательно изучены сибирским историком О.С. Тальской, подготовившей к изданию в серии «Полярная Звезда» книгу, посвященную А.Ф. Бригену, которая теперь доступна всем историкам, но которую сама исследовательница, к сожалению, увидеть не успела.

Ивана Федоровича Юрасова можно было бы отнести к нашим землякам – ведь он родился в Карачевском уезде, но в XIX в. уезд был значительно больше по территории, чем современный Карачевский район. Родовым же гнездом для И.Ф. Юрасова, ставшего в декабре 1825г. членом Южного общества, но вскоре серьезно заболевшего и отправленного в отставку с предписанием жить в своем имении, было село Давыдово (сейчас – в Шаблыкинском районе Орловской области). Здесь и проживал отставной подпоручик почти безвыездно вплоть до амнистии 1856 г. Несомненно, что по хозяйственным и прочим надобностям он должен был хотя бы иногда посещать уездный город Карачев, но документальных свидетельств на этот счет не обнаружено. В то же время на основании писем И.С. Тургенева известно, что выдающийся русский писатель был знаком с И.Ф. Юрасовым и порой охотился с ним вместе (в частности, они охотились вместе на дупелей весной 1853 г. в лесных дачах В.В. Апраксина на территории Севского и Трубчевского уездов). Еще до отмены крепостного права И.Ф. Юрасов предоставил своим крестьянам личную свободу и передал «в вечную аренду» за невысокую плату 225 десятин земли на 23 двора. Последний документ с упоминанием И.Ф. Юрасова относится к ноябрю 1863 г., дата смерти остается неизвестной.

Можно назвать и некоторые другие примеры, косвенно связывающие некоторых декабристов с Брянщиной. Так, в начале XIX в. владельцем деревень Бобылёва и Демьяничи в Брянском уезде был князь Николай Петрович Оболенский, старший брат одного из руководителей Северного общества и вооруженного выступления на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

князя Е.П. Оболенского. Еще два участника этого выступления, морские офицеры братья Б.А. и М.А. Бодиско, имели близких родственников в Трубчевском уезде. Одной из старинных дворянских фамилий Брянского уезда были Панютины, хотя к XIX в. большая их часть покинула Брянщину. Одним из декабристов, чье имя осталось неизвестным следствию, был полковник Федор Сергеевич Панютин (1790-1865), командовавший в 1825 г. Севским пехотным полком, располагавшимся вблизи мятежного Черниговского полка. Позже Ф.С. Панютин сделал успешную карьеру, стал генералом от инфантерии. Словом, считать, что все о декабристах Брянщины известно, пока что преждевременно.

Подводя итог, не будем уподобляться авторам, считавшим декабризм чуждым России явлением. Более верной представляется точка зрения уже упоминавшегося Дмитрия Завалишина: «Как недовольство, так и порицание правительственных действий во внешней и внутренней политике, выходило не из подражания и влияния чуждых идей, а было делом … самостоятельного взгляда русских людей на русскую жизнь… Подражание же внешним примерам и образцам было только уже последующим и второстепенным явлением». Однако даже высокие цели и идеалы могут оказаться опороченными, если методы и способы их достижения не соответствуют привычным морально-нравственным нормам.

Поэтому нельзя назвать случайными такие оценки, данные известными современниками: «Нелепая трагедия наших безумных либералистов… Солдаты были только жертвой обмана» (Н.М. Карамзин); «Сто прапорщиков хотят переделать Россию» (А.С. Грибоедов); «Вас развратило Самовластье, и меч его вас поразил…» (Ф.И. Тютчев); «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества» (А.С. Пушкин).

Воля всякого человека – согласиться с этими оценками или нет. Но задуматься над ними в любом случае стоит.

Л.Ф. Осипенко,
главный палеограф Государственного архива Брянской области

Декабристы в семейном и дружеском окружении Тютчевых

Москва, дом Тютчевых в Армянском переулке

Известно, что родители Федора Ивановича Тютчева с 1803 г., в основном, жили в Москве. В 1810 г. у князя Гагарина ими был куплен большой дом в Армянском переулке, куда летом 1810 г. переехала к родным и сестра Ивана Николаевича - Надежда Николаевна Шереметева с детьми.

В 1812 г. оба семейства покинули Москву, и только в 1814 г. Тютчевы стали вновь подолгу жить в уцелевшем от пожаров московском доме. В 1816 г. и Надежда Николаевна поселилась у них. Николай Тютчев и его двоюродный брат Алексей Шереметев поступили в училище колонновожатых, основанное генералом Николаем Николаевичем Муравьевым, отцом трех будущих декабристов. Старший сын генерала полковник Александр Муравьев был одним из основателей декабристского движения в России. Второй сын генерала - штабс-капитан Михаил Муравьев, преподавал в школе математику. Оба брата были членами декабристской "Священной артели",

М.Н. Муравьев

существовавшей в 1814-1817 гг. Когда Александр Муравьев основал "Союз спасения", Михаил стал одним из первых его членов. В числе преподавателей школы колонновожатых были и другие члены тайных обществ, и из среды её слушателей вышло немало декабристов, в том числе Петр Муханов, Алексей Тучков, Александр Корнилович и др. Несомненно, эти молодые люди бывали в доме Тютчевых-Шереметевых у своих товарищей. Особенно сблизились семейства Муравьевых и Шереметевых. Сестра братьев Муравьевых Софья воспитывалась вместе с дочерьми Надежды Николаевны Пелагеей и Анастасией, т.к. она рано лишилась матери.

В 1818 г. семейства породнились - Пелагея Шереметева обвенчалась с Михаилом Муравьевым. Это очень своеобразная, противоречивая личность. Студент Московского университета, в 1812 г. в 16 лет вступил добровольцем в армию, участвовал в Бородинской битве, где был тяжело ранен. Был участником первых тайных обществ, позднее отошел от активной деятельности в них, но был привлечен по делу декабристов и даже сидел в Петропавловской крепости. После беседы с Николаем I был оправдан, в 1826 г. назначен витебским генерал-губернатором. В 1830-1831 гг. принимал активное участие в подавлении польского восстания. Далее член Государственного Совета, министр государственных имуществ, противник отмены крепостного права, в 1863-1864 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями. За подавление восстания поляков получил графский титул и прозвище "Вешатель". Вот таким был родственник Федора Ивановича Тютчева.

Но в 1820 г. этот противник отмены крепостного права очень желал принести народу пользу, и когда в 1820 г. в Смоленской губернии был сильный неурожай и голод, то Михаил Муравьев, у которого было имение в Рославльском уезде, много хлопотал о помощи крестьянам. Особенно возмущало его, что помещики просто выгоняли своих крестьян нищенствовать, с женами и детьми. Друзья декабристы собирали в Москве средства для голодающих, теща Муравьева Надежда Николаевна в

короткое время собрала 15 тыс. руб. И.А. Фонвизин и И.Д. Якушкин отправились к Муравьеву в Смоленскую губернию помогать в оказании помощи голодающим. Там они нашли его с помощниками - родственниками Левашевыми и "дядю его Тютчева", как писал в своих "Записках" Якушкин. "Дядя Тютчев" - Иван Николаевич, дядя Пелагеи Шереметевой. "Ни Левашев, ни Тютчев не были членами тайного общества, но действовали совершенно в его смысле...

...В это время таких людей, как Левашевы и Тютчевы, действующих в смысле тайного общества и сами того не подозревая, было много в России", - вспоминал Якушкин.

И.Д. Якушкин

Иван Дмитриевич Якушкин - второй зять Надежды Николаевны Шереметевой. С 1811 г. служил в Семеновском полку, затем 37-м егерском, которым командовал Фонвизин. Участник Отечественной войны 1812 г. В числе первых вступил в 1816 г. в тайное общество - Союз спасения, наряду с Александром Муравьевым. Друг Чаадаева, хорошо знал Пушкина.

Возможно, Александр Сергеевич использовал его образ при написании "Евгения Онегина".

А.В. Якушкина

У Якушкина было имение в Смоленской губернии, которым управлял дядя. В 1816 г. Якушкин объявил ему, что желает отпустить крестьян на волю, а дядя решил, что он сошел с ума. Когда Якушкин вышел в отставку, крестьяне стали просить его жить в деревне, он согласился. Иван Дмитрие-

вич наполовину сократил барскую запашку, отпустил крестьян на оброк - "ярем старинный оброком легким заменил, и раб судьбу благословил". Он посещал дом в Армянском переулке, где и встретил свою будущую жену - Анастасию Шереметеву. Ей было 15 лет. Надежда Николаевна прочила её за подполковника И.Г. Бурцева, тоже декабриста. Он был намного старше Анастасии, она ему отказала, в чем её поддержал и брат Алексей. Анастасии нравился Якушкин. В 1822 г. состоялась их помолвка, на которой присутствовал и Федор Иванович Тютчев. Правда, на свадьбе он не был, уехал в Мюнхен на службу. Вот как характеризовала семейство Якушкиных их соседка по имению С.М. Салтыкова: "У нас здесь провели несколько дней господин и госпожа Якушкины; его я уже знала, но она была для меня новым знакомством. Ей нет еще 17 лет, она никогда не бывала в свете и никогда в нем не будет, от этого она очаровательна своею естественной простотой. Она красива, интересна, вполне своеобразна; муж её соединяет в себе самые восхитительные качества в смысле внешности, ума, тона, характера, манер и т.д. И маленький Вячеслав красив: он похож на своего отца, бледного, с черными усами (хотя он и в отставке), с великолепными глазами, живыми и черными; нос у него красивый, отличные зубы; несмотря на все эти внешние достоинства, можно еще сказать о нем, что его внутренние качества превосходят его внешнюю очаровательность. Невозможно, однако, составить себе представление об этом человеке, не зная его лично. Это семейство в полном смысле очаровательное".

Подолгу живал в доме в Армянском переулке и другой двоюродный брат Тютчевых, тоже декабрист, Дмитрий Завалишин. А его брат Ипполит, также здесь живший, писал в 1826 г. на брата доносы, порою упоминая в них Алексея Шереметева, Николая и Федора Тютчевых, воспитателя Алексея и Федора Раича, Якушкина, Калошина, что они, мол, говорили весьма вольно о правительстве, религии и прочем. Есть основания полагать, что декабристы собирались и в имении Надежды Николаевны Покровском, что там хранились какие-то документы, т.к.

после ареста Якушкина, опасаясь за сына, Надежда Николаевна послала в Покровское своего управляющего с наказом достать из тайника и сжечь некие бумаги.

В начале декабря 1825 г. Якушкин с беременной женой и маленьким сыном ехали в Москву, где их ждала Надежда Николаевна. В дороге они узнали о смерти Александра I.

В декабре члены Северного общества из Петербурга сообщили московским товарищам о решении выступить для захвата власти, прислав письма ген. М.Ф. Орлову и С.М. Семенову: "Когда получите сие письмо, все будет решено..." Предлагалось поддержать восстание, но прямых указаний о выступлении не давалось.

Якушкин писал в "Записках", что в Москве все время происходили совещания членов тайного общества. Кроме Якушкина и Орлова, на них присутствовали Иван и Михаил Фонвизины, М.М. Нарышкин, М.Ф. Митьков, С.М. Семенов, С.Ю. Нелединский, Алексей Шереметев и др.

Якушкин предлагал отставному генералу М.А. Фонвизину надеть мундир и поехать поднимать войска в Хамовнических казармах. Сам Якушкин с полковником Митьковым должны были воздействовать на старого члена Союза Благоденствия полк. Гурко, начальника штаба 5-го корпуса, с ним поднять войска, арестовать командира корпуса, генерал-губернатора и др. Алексей Шереметев, как адъютант корпусного командира, должен был поднять воинские части, расквартированные вокруг Москвы.

Е.И. Якушкин

Но весь этот сложный план был нереален. Утром 16 декабря узнали, что восстание 14 декабря в Петербурге подавлено. П.А. Муханов предложил поехать в Петербург, убить Николая I и освободить арестованных товарищей из крепости. Но это был безумный план, совершенно нереальный.

В Москве начались аресты. 10 января 1826 г. в доме Тютчевых в Армянском переулке был арестован Якушкин. Алексей Шереметев избежал ареста - он не был видным членом общества, на него не было показаний. Якушкин был приговорен по 1 разряду к 20-летней каторге в Сибирь, с лишением дворянства, чинов и т.д. После беседы его с Николаем I он был отправлен в Петропавловскую крепость и закован в ручные и ножные кандалы. Жена его Анастасия Васильевна с детьми год жила у Тютчевых. В доме в Армянском переулке после ареста мужа 22 января родился её второй сын Евгений.

Надежда Николаевна много хлопотала об облегчении участи зятя, ездила с дочерью на встречи с ним, когда после суда его везли вначале в крепость Форт Слава в Финляндию, а затем в Сибирь. Она долго хлопотала о том, чтобы дочери разрешили выехать с детьми в Сибирь к мужу, собиралась её туда провожать. Но с детьми Анастасии Васильевне ехать не разрешили, и они при встрече с Якушкиным решили, что она останется в России и будет сама воспитывать детей. Умерла она в 1846 г. в возрасте 39 лет.

Надежда Николаевна помогала зятю, переписывалась с ним, с декабристом И.И. Пущиным и др. Она и её дочь принимали участие в проводах жен декабристов в Сибирь. Из дома в Армянском переулке поехала к мужу в 1830 г. жена декабриста А.В. Розена. Члены семей декабристов, родственники, знакомые составляли и круг знакомств Тютчевых-Шереметевых. Иван Дмитриевич Якушкин никогда более не увидел ни жену свою, ни любимую тещу, умершую в 1850 г. Взрослые сыновья, воспитанные матерью и бабушкой в любви и уважении к отцу, навещали его в Сибири еще до освобождения из ссылки. Якушкин вернулся из ссылки больной в начале 1857 г. В Москве ему вначале жить не разрешили, но после хлопот

Н.Н. Шереметева, урожденная Тютчева

Пелагеи Васильевны Муравьевой, он смог жить с сыном в Москве, где и умер 11 августа 1857 г.

В заключение приведем характеристики, данные Н.Н. Шереметевой, её зятю И.Д. Якушкину и его жене, Евгением Ивановичем Якушкиным, сыном и внуком.

О бабушке: "Она не получила хорошего образования и даже по-французски говорила плохо, но у неё был природный ум, и между друзьями она считала Жуковского, Гоголя, Киреевских и Аксаковых. С первыми двумя она была в постоянной переписке. Набожная до чрезвычайности, она соблюдала все постные дни, никогда не пропускала ни одной службы и читала книги только религиозного содержания, и в тоже время у неё было какое-то поклонение моему отцу, хотя она знала, что он человек неверующий. Зная это, она считала его едва не лучшим христианином во всем мире. До самой своей смерти она писала ему непременно раз в неделю. Она была очень добра, готова была объехать весь город, чтобы похлопотать о нуждающемся, хотя и мало известном человеке, но о сделанном ею добре она никогда не говорила никому ни слова".

О матери: "Она была совершенная красавица, замечательно умна и превосходно образована. Её разговор просто блистал, несмотря на чрезвычайную простоту её речи. Но все это было ничто по сравнению с её душевной красотою. Я не встречал женщины, которая была бы добрее её. Она готова была отдать все, что у неё было, чтобы помочь нуждающемуся, нередко просиживала ночи у больных, никогда почти ей неизвестных...

...Она была религиозна, но без всякого ханжества, без особого уважения к обрядам, выше которых она ставила истинное христианское чувство, чувство любви к ближнему. Все люди для неё были равны, все были ближние... В то время произвола её глубоко возмущало всякое насилие, она высказывалась горячо и прямо, с кем бы ей не приходилось говорить".

Сын Евгений Иванович еще в 1855 г. отпустил крестьян на волю и отказал им всю землю вместе с усадьбой.

О дяде его Алексее Васильевиче Шереметеве можно сказать, что он всю жизнь помогал сестре Анастасии, поддерживал связь с её ссыльным мужем и тоже ему помогал.

Литература

Алексеев, В. Тютчевский Овстуг / В. Алексеев. - Брянск, 2000. - С. 43.

Долгоруков, П. Петербургские очерки / П. Долгоруков. - М, 1992. - С. 312-342.

Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. - М. : Изд-во АН СССР, 1951.

Нечкина, М.В. Движение декабристов. В 2-х т. / М.В. Нечкина. - М. : Наука, 1955. - Т. 2. - С. 342-344.

Пущин, И.И. Записки о Пушкине. Письма. / И.И. Пущин. - М., 1988.

Розен, Е.А., бар. Михаил Николаевич Муравьев и участие в тайном обществе. 1816-1821 гг. // Русская старина. - 1884. - Т. XLI С. 61-70.

Русская старина. - 1883. - Т. XXXVIII (апр.). - С. 229-230.

Чагин, Г.В. Армянский переулок, 11-а / Г.А. Чагин. - М, 1990.

Г.П. Поляков,
к.и.н., доцент Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

Музейная реликвия декабристов Искрицких

Во Всероссийском музее А.С. Пушкина в г. Санкт-Петербурге хранится поступивший туда из Ленинградского городского управления внутренних дел (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) походный ящик из

красного дерева с двумя великолепно сохранившимися дуэльными капсульными пистолетами и набором необходимых приспособлений для их зарядки и ухода за ними. Эти пистолеты привлекли внимание петербургского историка Г. Введенского и стали объектом его исследования. [1]

Г. Введенский произвел экспертизу и атрибуцию пистолетов и выяснил, что они были изготовлены в мастерской выдающегося мастера-оружейника г. Праги Антони Винсента Лебеды (1797-1857 гг.).

Лебеда, став оружейным мастером в 1822 г., специализировался на изготовлении капсульных замков, обогатив их своими изобретениями и усовершенствованиями. Его заказчиками были представители не только чешского дворянства, но и большое количество состоятельных людей из Польши и России. С 1848 г. изделия этой фирмы успешно конкурировали с другими европейскими оружейными фирмами. Изготовленное ею оружие преподносилось в дар английскому королю и российскому императору. В 1852 г. австрийский император Франц Иосиф I пожаловал мастеру титул «поставщик Двора Его Императорского Величества» [2]. Известно также, что Лебеда датировал свои работы на внутренней части механизма или ствола. Разобрав один из пистолетов, Введенский обнаружил на стыке ствола и хвостовика дату его изготовления – 1831 год.

Он также определил герб, врезанный в рукояти пистолетов. Вот его описание: «Французский щит разделен по горизонтали на две части. В верхней половине щита в золотом поле помещен государственный двуглавый орел с «вензелевым именем» Павла I, что являлось знаком Высочайшей милости. В нижней половине щита на лазоревом поле помещена стрела, вертикально воткнутая в землю». Согласно «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи» верхняя часть герба была пожалована коллежскому секретарю, обер-секретарю Сената Александру Михайловичу Искрицкому 13 декабря 1800 г. [3]

А.М. Искрицкий родился в 1782 г. и имел трех сыновей, унаследовавших герб. Г. Введенский пришел к следующему вы-

воду: пистолеты не могли принадлежать Александру Михайловичу (т.к. «сомнительно, чтобы в 50 лет человеку пришла в голову фантазия дуэлировать») и его старшему сыну Михаилу (как «человеку сугубо мирному»). [4]

Следовательно, пистолеты могли принадлежать как среднему сыну А.М. Искрицкого Демьяну, так и младшему – Александру, которые были военными.

Демьян Искрицкий родился в 1803 г. Известен как декабрист. Воспитанник иезуитского пансиона, в 1820 г. поступил на службу колонновожатым в свиту императора Александра по квартирмейстерской части. С 1821 г. – прапорщик, служит в Штабе Гвардии. В марте 1825 г. он стал подпоручиком, а в декабре назначается «состоять при училище колонновожатых» в Санкт-Петербурге. Был членом Священной артели, Союза благоденствия, Северного общества. В восстании непосредственного участия не принимал, хотя и находился на Сенатской площади в толпе зрителей. Арестован он был 29 января 1826 г., по-видимому, по доносу своего дяди по материнской линии, которым был не кто иной, как Фаддей Венедиктович Булгарин.

По сведениям известного брянского краеведа В. Пасина, отец Демьяна А.М. Искрицкий был женат на сестре Ф.В. Булгарина по матери Антонине Степановне Менжинской. [5]

Просидев шесть месяцев в Петропавловской крепости, Демьян Искрицкий в том же чине был отправлен служить в гарнизон г. Оренбурга. Затем он был переведен на службу в 42-й егерский полк на Кавказ, где принял участие в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и в войне на Кавказе.

Он погиб в бою с отрядом имама Северного Кавказа Гази-Магомеда в Дагестане 7 сентября 1831 г. в чине штабс-капитана и был похоронен в местечке Царские Колодцы. [6]

Его младший брат Александр родился в 1806 г., в 1823 г. поступил на службу колонновожатым. Вместе с братом Демьяном участвовал в русско-персидской, русско-турецкой и Кавказской войнах, будучи квартирмейстером 18 пехотной дивизии. После тяжелого ранения он переводится в Петербург и назнача-

ется начальником библиотеки Генерального штаба. За первые опыты в распространении в России стенографии А. Искрицкий был отмечен Николаем I. В 1839 г. он становится членом Археологической комиссии Военного министерства, созданной для разборки старых документов в архиве министерства. 15 августа 1840 г. А.А. Искрицкий был назначен начальником архива военно-топографического депо. 29 августа 1848 г. с этой должности он вышел в отставку в чине генерал-майора. Умер в 1867 г. [7]

Мемуаристы, лично знавшие братьев Д.М. и А.М. Искрицких, отмечают, что практически всюду, кроме службы, разумеется, братья были неразлучны. Например, об этом свидетельствуют записки декабриста М.А. Бестужева. [8]

К.Ф. Рылеев при допросе 26 января 1826 г. показал: «… Искрицкий к тайному обществу принадлежал… принадлежал ли к числу членов общества брат его, мне неизвестно» [9]. Похоже, что Рылеев, как и большинство декабристов, не считал необходимым информировать следственный комитет о членстве в декабристских обществах лиц, о которых у комитета не было прямых и неопровержимых доказательств. Поэтому вовсе не исключено, что и на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. братья были вместе, но одного из них дядя выдал, а другого нет. Таким образом, Демьян попал в число «учтенных декабристов», а Александр не попал.

Относительно принадлежности пистолетов из музея А.С. Пушкина, Г. Введенский пришел к следующему выводу: «Как бы не хотелось иметь в коллекции нашего музея пистолеты «учтенного» декабриста, совпадение его даты смерти и изготовление пистолетов не позволяет нам считать его возможным владельцем». [10]

Однако, данный вывод – всего лишь гипотеза Г. Введенского, которому на момент написания его статьи не была известна точная дата гибели Демьяна Михайловича Искрицкого – 7 сентября 1831 г.

В свою очередь, мы считаем необходимым выдвинуть свою гипотезу о том, кто был непосредственным владельцем пистолетов.

Прага, как известно, расположена не на краю света и если заранее заказанные пистолеты были изготовлены в мастерской Лебеды в первом полугодии 1831 г., то они, вне сомнения, могли ещё летом 1831 г. оказаться у Искрицких на Северном Кавказе. Они, кстати, вполне могли изначально принадлежать и Демьяну Михайловичу Искрицкому, а после его гибели перейти к его младшему брату.

Таким образом, в музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге хранятся уникальные мемориальные пистолеты, реликвия, связанная с декабристами брянского происхождения, уроженцами местечка Душатин Суражского уезда Д.М. и А.М. Искрицкими.

Литература

1. Введенский. Г. Пистолеты декабриста? // Орел. - 1992. - №1. - С. 36-37.
2. Там же. - С. 36
3. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. - Спб. - Т.6. -С. 154.
4. Введенский, Г. Ук. соч. С. 36.
5. Пасин, В. Декабристы Брянщины / В. Пасин. - Тула, 1984. - С. 166.
6. Декабристы : биографический справочник. - М., 1982. - С. 74-75.
7. Российский биографический словарь. Ибак-Ключарев. - Спб., 1897. - С. 149.
8. Бестужев, М.А. Записки // Писатели-декабристы в воспоминаниях декабристов. - М., 1980. - Т.1. - С. 232.
9. Декабристы-литераторы : литературное наследство. - М., 1954. - С. 188.
10. Введенский, Г. Ук. соч. С. 37.

С.А. Никулина,

старший научный сотрудник Брянского государственного объединенного краеведческого музея

Под следствием был, к делу не причастен

Отправным пунктом настоящего исследования послужила небольшая – в 14 строк – статья в биографическом справочнике «Декабристы», изданном в 1988 г. в Москве. Текст ее гласит:

Гудим Иван Павлович (ум. 1828). Поручик лейб-гвардии Измайловского полка.

Отец – Павел Максимович Гудим (ум. 1831).

Следствием установлено, что членом тайных обществ не был; допрашивался в Следственном комитете.

Арестован 23.2.1826 и содержался в полку. По высочайшему приказу переведен тем же чином в Дербентский гарнизонный батальон – 7.7.1826 г., поручик Навагинского пехотного полка (1828), исключен из списков умершим в приказе 19.4.1828 (ЦГАОР, ф. 48, оп.1, д.80; ф.109, 1 эксп., 1826 г., д.61, ч.213.). [1]

Отсутствие указания на какую-либо принадлежность («из дворян Витебской (Киевской, Тульской, … и т.п.) губернии») давало надежду разыскать его «брянские корни» (орловские или черниговские).

Тем более, что в документах ГАБО фигурируют несколько дворян с фамилией Гудим.

Об одном из них – как соседе нашего гениального поэта, философа и дипломата Федора Ивановича Тютчева – идет подробный рассказ в ходе экскурсии-сопровождения для туристических групп, едущих по маршруту Брянск - Овстуг. [2]

Зимой 1833 г. генерал Михаил Петрович Бахтин приютил у себя в имении в селе Барышье многочисленное семейство майора Гудима. Пожар лишил эту и без того небогатую семью всего имущества: не только дома, но и всех дворовых построек. За три недели щедрый богатый сосед выстроил на пепелище но-

вый, более обширный, чем сгоревший, дом, а также сарай. Сюда был помещен еще один подарок - весь необходимый в хозяйстве комплект крупного рогатого скота и лошадей.

Этот показательный эпизод нравов Брянского уезда начала XIX века нашел отражение в мемуарах военного инженера Жерве К.К. [3]

Интрига нашего расследования заключалась в том, к какой же из многочисленных линий «брянских» Гудимов окажется родственником несостоявшийся декабрист Иван Павлович Гудим?

Скрупулезное изучение имеющихся документов и родословных таблиц [4] не позволило однозначно отнести Ивана Петровича Гудима (ум. 1828 г.) поручика лейб-гвардии Измайловского полка к дворянам Орловской, либо Черниговской губерний. Что ж, по крайней мере, одной ошибкой в брянском краеведении стало меньше.

Примечания

1. Декабристы : биографический справочник. - М., 1988. - С. 60.
2. Экскурсионный маршрут разработан сотрудниками БГОКМ (руководитель творческой группы – В.П. Алексеев) в 2000 г.
3. Исторический вестник. Т.LXXIII. - СПб., 1898.

4. Автор приносит благодарность В.П. Алексееву за помощь в работе над данными материалами.

Из истории краеведческого движения на Брянщине

З.П. Коваленко,
заместитель начальника Управления по делам архивов Брянской области

Павел Тиханов

13 февраля исполнился 101 год со дня смерти издателя первой брянской газеты "Брянский вестник" и первого брянского краеведа Павла Никитича Тиханова. Он умер 30 января (13 февраля) 1905 года на 67-м году жизни в больнице Брянского рельсопрокатного завода. В некрологе говорилось, что, «всегда строгий к себе и скромный в жизни, он и дни свои окончил при самой простой обстановке... Всю свою жизнь Павел Никитич посвятил печати и русской, особенно церковной, археологии».

П.Н. Тиханов был уроженцем Брянска, учился в Калужской губернской гимназии, Казанском университете, долгие годы работал в разных периодических изданиях, с 1873 по 1888 год - в редакции газеты "Правительственный вестник" в Санкт-Петербурге. Был членом Общества любителей древней письменности, участвовал в выпуске трудов этого общества, подготовив к публикации «Каталог российских рукописных книг, находившихся в библиотеке новгородского Софийского Собора», библиографический труд епископа Дамаскина. П.Н. Тиханов собирал документальные памятники по истории Брянщины, занимался изучением фольклора, народных обычаев и говора.

Церковная история Брянщины обязана ему работами по истории Брянского Петро-Павловского монастыря (1886 г.), Клетневского архиерейского подворья. Он впервые связал историю Брянского Петропавловского монастыря с именем князя Олега Брянского. Публикация в 1893 году в Санкт-Петербурге брошюры «Преподобные князь Олег и Поликарп, брянские чу-

дотворцы» имела следствием значительное в церковной жизни Брянска событие: великий князь Константин Константинович, президент Российской Академии наук, поэт, назвавший своего сына Олегом в честь святого Олега Брянского, пожертвовал в ноябре 1893 года Петропавловскому монастырю икону «св. благоверного князя Олега, Брянского чудотворца, со сребропозлащенною к ней лампадою».

В 1894 году П.Н. Тиханов поселился в Брянске, где издавал газету «Брянский вестник». «Давно, давно пора было появиться в Брянске печатному листку», писал Тиханов в преддверии выхода первого номера газеты. «Само собой разумеется, что уважение к личности будет безусловное, оно будет у нас на первом плане: никаких инсинуаций, тем более бессмысленных продергиваний, будем говорить только с достоверными фактами на руках». Первый номер газеты вышел 23 января (5 февраля) 1894 года. В газете печатались: календарь-месяцеслов с указанием общих и местных праздников, крестных ходов; правительственные сообщения; хроника местной жизни - города и уезда; исторические заметки. В 1894-1895 гг. П.Н. Тиханов издал несколько брошюр о быте, нравах и говоре брянских старцев-нищих.

В1895 году Тиханов предпринял попытку организовать в Брянске историко-археологическое общество. Им был подготовлен проект устава и намечена программа, однако состоялось только одно заседание, на котором был подписан акт о том, что подписавшиеся «вполне сочувствуют основанию исторического общества в Брянске». Тогда Тиханов самостоятельно в 1896 году издал сборник «Старина». Газета «Брянский вестник» прожила три года, прекратив свое существование за недостатком средств на издание.

С 1897 года П.Н. Тиханов работал правителем Черниговской губернской архивной комиссии. В этом же году брошюра Тиханова о брянских святых Олеге и Поликарпе выходит в Брянске, и общественностью города поднимается вопрос о сооружении гробниц в их память. Гробница «в память подвигов

преподобного Поликарпа Брянского» была сооружена в 1900 году и поставлена в левом приделе Покровского собора «на предполагаемом месте погребения Святого Поликарпа». Так как не было известно место захоронения князя Олега Брянского, основавшего, по преданию, Петропавловский монастырь, на территории которого «под спудом» находились его мощи, памятник-гробница «святого благоверного князя Олега Брянского с сенью» был установлен в 1902 году во Введенском соборе Петропавловского монастыря.

На территории Петропавловского монастыря в 1905 году был похоронен и П.Н. Тиханов своей младшей сестрой Анной Никитичной, в монашестве Валерией, жившей в монастыре с 1880 года.

Любовью к городу и желанием видеть его лучшим наполнены слова Павла Никитича, написанные им о Брянске: «Каждый, кому приходилось въезжать в Брянск со стороны ли станции железной дороги, или по шоссе из-за Черного моста, наверное, помнит, какое впечатление производил на него город, живописно раскинутый по горам. За Бабаевой рощей есть один пункт, откуда Брянск замечательно хорош: древний Покров (некогда крепостная церковь), Верхний Никола (место былого веча в столице Брянского княжества), Воскресенье (бывший девичий монастырь), Троица-Валы, Спас на гробах владык (главный храм Брянской кафедры) и Петровский монастырь (с мощами св. благоверного князя Олега) составляют чудную группу. Но каждый тоже, вероятно, помнит, какое разочарование постигало его при въезде в самый город... Между тем чего не сделала бы здесь любящая рука и в какой вид можно бы привести город, пользуясь его исключительным, счастливым положением. Наше единственное желание, чтобы вблизи Брянск был так же хорош, каким он кажется издали... и был он хорош не только одним своим внешним видом».

Павлу Никитичу Тиханову, наш город обязан рождением своей первой газеты и первыми шагами исторического краеведения. Жаль, что бесследно исчезла его могила, первой брян-

ской газеты нет в архиве, музее и библиотеках. Нет и многих его работ.

Но брянскими краеведами используются документы его богатейшего фонда, хранящиеся в рукописном отделе библиотеки Санкт-Петербурга и думается, что изучение собранных им документов еще принесут открытия.

Эта конференция, посвященная его памяти – признание его заслуг и большого вклада в историю нашего города.

Закончить хочется словами Павла Никитича Тиханова из такого далекого 1894 года: «Итак, с Богом, в путь, с искренним желанием добра родному Брянску и всем брянчанам».

Литература

Орловские Епархиальные Ведомости. - 1905. - 20 февр. (№8).

С.А. Никулина,
старший научный сотрудник Брянского Государственного объединенного краеведческого музея

«Не зарастет травой забвенья».

Раскопки 1840-х гг. во Вщиже Веры Михайловны Зиновьевой (Фоминой). Неопубликованные документы

Цель данного исследования – введение в научный оборот комплекса документов по истории первых известных нам раскопок во Вщиже. (см. Приложение)

Необходимость данной публикации представляется давно назревшей. Подтверждением этому может служить следующее:

– имя В.М. Зиновьевой (Фоминой) не фигурирует в документации ГИМ – там все артефакты раскопок из Вщижа 1840-х гг. (инвентарные номера ГИМ – 6.562,…,6.564) числятся посту-

пившими в дар от Московского Археологического общества; [1]

– продолживший в 1940 г. – почти сто лет спустя после В.М. Зиновьевой – раскопки во Вщиже, в т.ч. и на месте бывшего храма, советский археолог, старший научный сотрудник Института Истории Материальной Культуры АН СССР Б.А. Рыбаков «вспомнил» о ней в газетной публикации «В развалинах древней крепости» (Орловская правда, 1940 г.): «В 1844 г. местный **помещик произвел** раскопки и **обнаружил** там ряд интересных вещей: бронзовые арки, работы русского мастера Константина, бронзовое паникадило и медный подсвечник с эмалью французской работы…» [выделено мной – С. Н.]. Подобное представляется не оговоркой и не опечаткой. В более поздних публикациях, рассчитанных уже не на широкий слой местных жителей, а на крайне узкий – специалистов (к тому же, в труднодоступных рядовому советскому читателю научных изданиях) – справедливость была ненадолго восстановлена. Но в широком – обывательском – сознании вопросы: «Кто был первый?» и «Что было найдено?» так и продолжают ныне оставаться весьма смутными; [2]

Бронзовые подсвечник и водолей из Вщижа в современной экспозиции ГИМ. Фото Никулиной С.А. – 2001 г.

– в популярном у читателей, неоднократно переиздававшемся труде «Язычество древней Руси» академик Б.А. Рыбаков «информирует»: «…бронзовые арки, найденные А. С. Уваровым в алтаре церкви…»

– эта дезинформация перекочевала и на страницы Интернета (см сайт\ historic/ ru / books/ item/ f00/ s00/ z0000030/ st006);

– в результате подобной путаницы даже такой эрудированный журналист, как Александр Нестик, запустил тиражом в двадцать одну тысячу экземпляров газетную «утку»: «…на вщижском пепелище христианского храма бронзовую арку нашел полтораста лет назад сын известного графа и любитель археоло-

гии Уваров». Статья «Чью память корни роют?» 23 октября – 4 ноября 1999 г., печатавшаяся с продолжениями в пяти номерах газеты «Брянский рабочий», надолго теперь вдолбила в умы жаждущих информации сельских учителей Брянской области (с населением почти 1,5 миллиона человек) фамилию «первооткрывателя»;

- в фондах и научном архиве БГОКМ нет никаких материалов о самой Вере Михайловне Зиновьевой (равно как и о ее последователях первой половины XIX - первой трети XX вв.). Современным краеведам не известны ни дата ее жизни, ни место погребения. [3]

Герб рода Зиновьевых

Зиновьевы – один из старинных дворянских родов, ведущий свое начало от выходца из Литвы. [4] В качестве помещиков Брянского уезда впервые о них упоминают документы начала XVII в. [5] Вщиж в 1646 г. – поместье владельца 75-ти крепостных Якова Ивановича Зиновьева. Потомки его обеднели в XVIII веке настолько, что новое здание обветшавшего сельского храма во имя Преображения Господня выстроил на свои средства «помещик деревни Дятькович прапорщик Яков Васильевич Мочихин». [6]

Не сохранилось письменных свидетельств, в чем проявилось стремление к сохранению российских древностей у провинциальных представителей господствовавшего класса с времен «Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софии» [7], владевших бывшей княжеской резиденцией предков царствующей в стране династии.

Двести лет спустя одна из последних представительниц рода Зиновьевых сделала все от нее зависящее, чтобы не канули в небытие последние вещественные свидетельства славного исторического прошлого ее малой родины – Вщижа.

Как будто предвидела она ясно, что всего лишь через столетие средневековую плинфу из стен храма полностью раз-

воруют, чугунные плиты надгробных памятников ее предков пустят в переплавку, могильные курганы на Кальницком поле распашут железные кони, а само село захиреет, попадет в разряд вымирающих и, наконец, станет историческим фантомом…

Публикуемые в настоящем сообщении документы [8] не только восстанавливают исследовательский приоритет вщижской помещицы XIX века, но и воскрешают само ее имя – Вера Михайловна Зиновьева (в замужестве Фомина). Глава брянских краеведов В.В.Крашенинников назвал ее «первым брянским археологом» (насколько может быть применен этот термин к дилетанту, совершившему главное дело своей жизни в то время, когда археология как наука еще только зарождалась). [9]

1.

Через год после кончины отца – Михаила Николаевича Зиновьева [10] – наследница земель и крепостных познакомилась с о. Никитой (Митропольским) – новым священником, поступившим во вщижскую Преображенскую церковь. Результатом их общения явилась «разборка кургана», издревле находившегося внутри села. [11]

Эти любительские («любовь к отеческим гробам») раскопки в селе Вщиж Брянского уезда Орловской губернии велись несколько лет и стали настоящей сенсацией. Отчет о них (вернее о первых результатах) появился уже в 1844 г. в столичной газете «Санкт-Петербургские ведомости» (№№93, 94, автор статьи Поляновский). Именно в этом году были обнаружены артефакты, до сих пор являющиеся предметом научных исследований и споров. [12]

Несколько десятилетий добытые из земли «немые свидетели» хранились в домашнем архиве В.М. Зиновьевой, а затем были представлены Московскому археологическому обществу и императорской семье.

После создания в 1872 г. Московского исторического музея (ныне ГИМ) «арки» с надписями мастера Константина,

подсвечники, водолей и др. поступили в качестве дара в фонды музея уже от МАО. Так первооткрывательница была забыта для потомков. [13]

2.

Деятельность В.М. Зиновьевой не ограничилась лишь «разрытием земляной насыпи» в центре села. [14]

Она попыталась воссоздать храм, разрушенный в XIII веке, но все еще остававшийся центром христианского православного некрополя. [15]

Во-первых, началась, выражаясь современным языком, пиар-кампания. О Вщиже и его древностях появилась информация как в прессе, так и в научных сборниках.

Во-вторых, обнаруженные артефакты были представлены ученым кругам Российской империи, в частности, Московскому Археологическому обществу. Здесь помогли связи мужа, отставного генерала артиллерии М.М. Фомина.

В-третьих, удостоверившись в ценности найденного, в августе 1866 г. генеральша В. М. Фомина, проживавшая с мужем в Москве, обратилась с верноподданным предложением: «восстановить в родовом ее имении селе Вщиж древнерусский храм». Его стены все еще возвышались над землей на 2,5 аршина, а фундамент в плане был сходен с двумя древнерусскими храмами, сохранившимися к тому времени (один из них – знаменитый ныне храм Покрова на Нерли). Как вариант предлагался сбор средств на постройку совершенно нового здания храма.

В-четвертых, по ее распоряжению, остатки храма были обнесены оградой. Замок калитки запирался на ключ и надежно охранял вход. Над драгоценной кладкой был сооружен капитальный «навес» от атмосферных осадков. (Свидетельство П.Н. Тиханова служит косвенным доказательством, что в 1882г. кто-то из Фоминых, возможно, был еще жив: вся конструкция тщательно охранялась).

3.

Ходатайство вщижской помещицы на высочайшее имя удовлетворено не было, хотя и признано «весьма уважительным». Можно только догадываться, какую бурную деятельность развернула она по сбору средств и агитации среди местных помещиков! Среди них оказалась и семья Тютчевых, а одним из результатов – шедевр философской лирики нашего земляка «От жизни той, что бушевала здесь…»!

Бездетные супруги Фомины не оставили наследников своего дела. Может быть, тем удалось бы выбрать более благоприятный момент для повторного обращения к властям…

О. Василий – родившийся в 1844 году сын Никиты Митропольского - священник вщижской церкви Преображения Господня, присматривал за навесом, пока был жив.

4.

Выдающийся брянский краевед Павел Никитич Тиханов (1839-1905) посетил село Вщиж несколько раз, начиная с 1882 г. и горячо принял к сердцу судьбу остатков древнего сооружения.

«Обмерили древнюю Вщижскую церковь и определили ее положение плохим. О сем написали заметку в Петербург, а теперь следует сказать, что памятник этот содержится чрезвычайно небрежно, так что пройдет несколько времени, довольно лет пять-шесть – и от него не останется ни кирпича. Некогда, по распоряжению Зиновьевой, над церковью сделано покрытие, теперь пришедшее в ветхость и нисколько не защищающее храм от перемен погоды. Все пространство церкви поросло бурьяном и сорными травами, в 1882 году, при первом моем посещении Вщижа, здесь была гладкая земля. Стены поднимались выше значительно (ныне они почти вровень с землей), на крыше футляра была прекрасная солома, кровля была крыта, и в самую церковь мы могли пройти, только тогда отыскали ключ от замка, которым запиралась ограда памятника. Теперь только плетень

вокруг древней церкви; крыша над нею светится; солома сорвана и развеяна ветром, о замке, конечно, нет и помину. Интересно – чем выразится участие и внимание к этому памятнику со стороны Орловской ученой архивной комиссии». [16]

5.

Даже в трудные годы первой мировой войны за судьбой реликвии следили в столице. Так, по сведениям, полученным Императорской Археологической комиссией, развалины активно разбирались новым хозяином, неким крестьянином, на кирпич. В январе 1916 г. началась переписка с канцелярией орловского губернатора.

«Навес» над руинами храма (наверху – крест). Фоторепродукция фото В. Восинского 1917 г.

Вскоре в столицу был отправлен официальный ответ о том, что на развалинах храма «устроена деревянная часовня в 1909году. Часовня эта запирается и разбора развалин храма никем не производится.

Уездному исправнику мной предложено установить строгий надзор за сохранением сказанных развалин». [17]

Побывавший во Вщиже несколько раз на протяжении лета 1917 и осени 1924 гг. школьный учитель из г. Бежица Владимир Адамович Восинский оставил бесценные для нас свидетельства и фотодокументы утраченных позднее вщижских древностей: валов и рвов городища, курганов кальницкого поля и т.д. Вопрос авторства раскопок для Восинского уже был неясным. [18]

Особый интерес представляют его материалы о судьбе развалин храма, к тому времени уже восемьдесят лет как освобожденных от веками сберегавшего их слоя земли. Фото 1917 г.

запечатлело «довольно большой сарай с четырехскатной крышей и крестом на верху. Он далеко не покрывает всего места, где был древний храм, и стоит вдоль улицы, не придерживаясь направления храмовых стен. В сарае и кругом него на улице и на огороде много разбитого кирпича». Образец целого кирпича с клеймом был передан В.Восинским в Брянский губернский музей (коллекции музея полностью утрачены в 1943 г.).

Сарай тогда использовался как склад «для урожая».

Последующие годы социалистического строительства, войн и обострявшейся классовой борьбы уничтожили и деревянное строение XX века, и бесценную реликвию X111 века…

6.

Макет церкви XII в. во Вщиже. Реконструкция 1999 г. брянского архитектора Э.А. Алиева. Фото А.И. Шкроба сделано в музее с. Вщиж.

В 1940-е гг. раскопки во Вщиже были продолжены.

За прошедшее столетие археология накопила новые методы и стала более точной наукой. Новые находки во Вщиже оказались связаны с масштабными работами Б.А. Рыбакова, будущего академика, непререкаемого авторитета (совсем молодыми людьми приняли в них участие и будущие знаменитости В.Л. Янин и Ф.М. Заверняев). Он детально исследовал руины храма (уточнив план 1840-х гг.) и законсервировал их. (19) Находки пополнили коллекцию Государственного исторического музея, незначительное количество в 1949 году стараниями Ф.М. Заверняева оказалось в фондах Брянского областного краеведческого музея. [20] Здесь можно ознакомиться и с материалами подъемок БГОКМ 1990-х гг.

В конце XX в. общественность Брянщины осознала ценность вымирающего Вщижа, как в историческом, так и в материальном плане. 11 июля 2000 г. был торжественно открыт новый туристический маршрут БГОКМ «Тютчевская дорога»:

Брянск – Овстуг – Неготино – Вщиж – Брянск. Теперь стало возможным по новой асфальтовой дороге проехать от трассы Брянск-Рославль мимо бывшего кальницкого поля с единственным уцелевшим курганом к бывшему детинцу – центру удельного города Вщижа. Здесь, в сохранившемся с 1898 года здании церковноприходской школы, расположился небольшой музей, а в пристройке – храм.

На месте древней церкви водружен памятный крест.

Приложение

Документы публикуются по ЦГИА РФ фонд 797, опись 36, III отделение, №98.

Документ 1

По прошению жены отставного генерал-майора Веры Фоминой, о пособии на возобновление в имении ее Орловской губернии, Брянского уезда в селе Вщиж, древней церкви, на месте погребения удельного князя Святослава Владимировича.

Его Превосходительству
Толстому Ю.В.

10 августа 1866 г.
№8474
Милостивый Государь
Юрий Васильевич

По Высочайшему повелению Генерал-Адъютант Граф Адлерберг 2-й сообщил мне, что проживающая в г. Москве жена отставного Генерал-Майора Фомина обратилась с всеподданейшим ходатайством, изъясняя, что в родовом ее имении Орловской губернии Брянского уезда в селе Вщиж находится древняя ветхая церковь на месте погребения удельного князя Святослава Владимировича, просит о пособии на возобновление этой церкви или на постройку новой по добровольной подписке.

Независимо от сего в особой докладной записке на мое имя Фомина дополняет ходатайство свое некоторыми подробностями.

Препровождая при сем сию записку имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство с возвращением оной сообщить мне сведения по содержанию объяснений проситель-

ницы с присовокуплением Вашего, Милостивый государь, мнения по предмету ее ходатайства.

Примите уверения в совершеннейшем моем почтении и преданности.

Князь Сергий Долгорукий

Копия с записки жены Генерал-Майора Фоминой.

В сороковых годах по распоряжению моему разрыт курган в родовом моем имении селе Вщиж, Орловской губернии Брянского уезда, на берегу реки Десны и отрыты значительные остатки стен каменной церкви времен удельного княжества Вщижского, существовавшего по летописям в 1144-м году и где защищался против Князей Черниговских и Половцев князь Святослав Владимирович, женатый на дочери Андрея Боголюбского и который скончался и погребен во Вщиже в 1166-м году (история Карамзина том II, издание второе), и место погребения его при разрытии церкви отыскано у наружной стены с левой стороны жертвенника. При разрытии также найдены в церкви разные древние церковные вещи: два медных подсвечника, два медных орнамента со славянской надписью, по месту их нахождения, вероятно от Северных и Южных алтарных дверей. Малое паникадило, медные образки – складной серебряный крестик с изображением распятия и много разных железных и свинцовых вещей. Все это мужем моим предъявлено на рассмотрение Московского Археологического Общества, которого он состоит членом.

При самом открытии развалин этой церкви во мне проявилось желание, если нельзя возобновить, то в таком же древнем стиле воздвигнуть церковь во имя Преображения Господня с приделом святого Великомученика Георгия, которыми именуется ныне находящаяся в селе Вщиж ветхая деревянная церковь. Своими средствами я не в состоянии этого сделать, муж мой прослужа 38 лет в Артиллерии, удостоившись производства в Генералы уволен с пансионом от службы и при искреннем же-

лании не имеет также средств на возобновление этого храма, Вщижский приход очень бедный, и так мы должны остаться при одном желании; по смерти же нашей как мы бездетные, то и желание наше вместе с древнею церковью заростет травой забвения.

Нам пришла вдохновенная мысль просить Вас найти счастливый случай предоставить посылаемые при этом некоторые найденные церковные вещи на благосклонное Всемилостивейшее воззрение Их Императорских Величеств и не будет ли оказано милостивого внимания к древней Русской святыне, какою-либо жертвою и соучастием. Благоговейное внимание Русских людей к Главе и Покровителям Православия дополнит остальное и с священного Верховного начала, при покровительстве Божием, возрастут средства воздвигнуть над развалинами древней Княжеской церкви новый храм, для приношения бескровной жертвы и самой усердной молитвы за долголетие и благоденствие Их Императорских Величеств и всего Царствующего Дома.

Верно: За старшего Чиновника (подпись)

Документ 2

Его Преосвященству
Поликарпу Епископу
Орловскому

25 августа, 1866 г.
№4877

Преосвященнейший Владыко
Милостивый Госуд. и Арх.

По высочайшему повелению Генерал-Адъютант Граф Адлерберг 2-й сообщил Статс-Секретарю о принятии прошения к Высочайше Князю Долгорукому, что проживающая в Москве

жена отставного Генерал-Майора Фомина обратилась с всеподданейшим ходатайством, в котором, изъяснено, что в родовом ее имении Орловской губернии Брянского уезда в селе Вщиж находится древняя ветхая церковь на месте погребения удельного Князя Святослава Владимировича, просит о пособии на возобновление этой церкви, или на постройку новой по добровольной подписке.

Князь Долгорукий со своей стороны об этом мне и передал поданную не зависимо от сего на его имя особую докладную записку, в коей госпожа Фомина дополнила ходатайство свое некоторыми подробностями, просит сообщить ему по содержанию объяснений просительницы сведений по предмету ее ходатайства.

В следствии сего я должен поставить означенную записку препроводить к Вашему Преосвященству в копии, покорнейше просит Вас, М.Г. и Арх. не оставить без отзыва по высочайшему требованию Князя Долгорукого

Поручая себя молитвам Вашим и пр.

Подписал Юрий Толстой

верно: А. Сапожников

Документ 3

Обер-прокурор
Святейшего Синода

_____
Канцелярия
6 сентября, 1866 г.
№5175

Его Сиятельству
графу А.С. Уварову

Милостивый Государь
Граф Алексей Сергеевич

В исполнение Высочайшей воли возникла переписка по просьбе жены отставного Генерал-Майора Фомина о пособии на возобновление по добровольной подписке древней церкви, находящейся в имении ее, Орловской губернии Брянского уезда, в селе Вщиж, на месте погребения удельного князя Святослава Владимировича.

Г-жа Фомина в записке своей по этому предмету объясняет, что остатки этой церкви открыты при разрытии, по ее распоряжению кургана, при чем найдено несколько древних церковных принадлежностей, которые и представлены мужем ее на рассмотрение Московского Археологического общества, в котором он состоит членом.

Вследствие сего имею честь обратиться к Вашему Сиятельству, с покорнейшею просьбою уведомить меня о мнении общества на счет древности означенных предметов, а равно о степени исторической достоверности сведений, изложенных в упомянутой записке, при сем прилагаемой.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал Юрий Толстой

верно: А.Сапожников

Документ 4

Московское
археологическое
общество
под покровительством
Его Императорского
Высочества

Государя Наследника

_____

Москва
10 октября 1866 года
№382

Его Превосходительству Юрию Васильевичу Толстому

Милостивый Государь
Юрий Васильевич

В следствии желания вашего, выраженного в письме от 6 сентября за №5175, честь имею сообщить все доселе известные сведения о вещах, найденных в имении Г-жи Фоминой, Орловской губернии, Брянского уезда, в селе Вщиж, и которые были представлены супругом ее Генерал-Майором Фоминым на рассмотрение Московского Археологического общества.

Первое печатное известие о разрытии насыпи в селе Вщиж и о найденных в ней предметах, сообщено И.М. Снегиревым в первом выпуске Памятников древних художеств в России (Москва 1850 в 4). В описании и в определении самых предметов вкрались некоторые неточности, потому что И.М. Снегирев не совершенно ясно разъяснил себе назначение каждого из них.

Г-жа Фомина в сороковых годах разрыла в самом селе Вщиж насыпь, не правильно названную курганом, потому что эта насыпь не могильная, а состоящая из остатков разрушившейся каменной церкви, между которыми нашла обломки, принадлежавшие почти все к предметам церковным. Так, например, две стороны осьмиугольного медного паникадила, коего форма доселе еще попадается часто во многих церквах Греции и Афона, и известна под именем хорос. Два подсвечника, западного изделия изготовленные или на Рейне или в Лиможе, носят отпечаток XII века; и вообще все найденные предметы принадлежат к тому же столетию, так что из этого можно заключить положи-

тельно, что храм разрушился или был разрушен не позднее XII века.

Карамзин в своей истории (том II, прим. 397) упоминает о прежних находках в селе Вщиж, известных ему по сведениям доставленным владетелем этой местности, Михаилом Николаевичем Зиновьевым.

Теперь, раскрывая наши летописи, мы находим в них следующие сведения о княжестве Вщижском, как уделе князей Черниговских:

1142 год. Всеволод между прочими городами разделяет своим приверженцам и город Вщиж (Ипатьевск. летоп.).

1159. Святослав Владимирович осажден во Вщиже Князем Черниговским Святославом Ольговичем.

1166. «Преставися Святослав Володимерич, внук Давыдо, в Вщиже (Ипатьевс.).

«В том же году Святослав Всеволодович посадил своего сына во Вщиже.

Переходя теперь к архитектуре Вщижского храма, можно по открытым в насыпи следам заключить о самой форме бывшей церкви. И.М. Снегирев, вероятно, со слов очевидца пишет, что «церковь состоит из квадрата; восточная часть ее оканчивается тремя полукружиями (алтарные следы), а западная архиволютами (?) особенной формы на обе стороны входа» и т.д. Сравнивая этот план с церквами, построенными в одно время со Вщижской церковью, и следовательно, выстроенными в одном с нею стиле, ибо существенные изменения в форме и стиле церквей, заметны только в постройках разных столетий, мы убеждаемся, что Вщижский храм должен был иметь архитектуру сходную с другими церквами, воздвигнутыми в XII веке. Таких построек в особенности хорошо уцелели два образца: церковь села Кидекши, близ Суздаля, построенная Великим Князем Юрием Владимировичем, и церковь Покрова близ Боголюбова монастыря в той же губернии, построенная Великим Князем Андреем Юрьевичем около 1166 года (Древний Боголюбов город. В. Доброхотова, Москва, 11852 в 4-м). Эти здания сохранившись

почти в целости передают нам тот красивый и правильный стиль, который характеризует постройки первой половины XII века и служат переходом к более вычурному стилю Дмитриевского собора во Владимире на Клязьме (построен около 1197). Сравнивая описание Вщижского храма с планами Кудекшинской и Покровской церквей, мы легко убедимся, что все они выстроены по одному плану и даже с небольшими различиями в размерах.

Сообщив по Вашему желанию, Милостивый Государь, все сведения мне известные о развалинах в селе Вщиж, прошу Вас принять уверения в совершенном моем почтении и преданности.

(подписал) Граф Уваров

По Высочайшему повелению Генерал-Адъютант Граф Адлерберг 2-й сообщил Статс-Секретарю о принятии прошений на Высочайшее Имя приносимых, а сей последний Господину Исправлявшему должность Обер-Прокурора Святейшего Синода, что проживающая в Москве жена отставного Генерал-Майора Фомина обратилась с всеподданейшим ходатайством, в котором изъясняя, что в родовом ее имении Орловской губернии, Брянского уезда, в селе Вщиж находится древняя ветхая церковь на месте погребения удельного князя Святослава Владимировича, просит о пособии на возобновление этой церкви или на постройку новой по добровольной подписке. При этом Статс-Секретарь Князь Долгорукий, передав поданную на его имя особую докладную записку, в коей г-жа Фомина дополняет ходатайство свое некоторыми подробностями, просил сообщить ему по содержанию объяснений просительницы сведения и мнение по предмету ее ходатайства.

Копия помянутой записки г-жи Фоминой 25 августа сообщена Преосвященному Орловскому и в начале минувшего сентября сделано было сношение с Председателем Московского Археологического общества графом Уваровым. Отзыва от Преосвященного еще не получено.

Прилагаемое письмо Председателя Московского Археологического общества Графа Уварова составляет ответ на запрос Его Превосходительства Карла Васильевича по следующему делу.

В августе передано было по Высочайшему повелению просьба проживающей в Москве жены отставного Генерал-Майора Фоминой о пособии на возобновление древней ветхой церкви, находящейся в родовом ее имении Орловской губернии, в селе Вщиж, на месте погребения удельного князя Святослава Владимировича или же о построении новой церкви по добровольной подписке. При этом препровождена была особая докладная записка, в коей Фомина означенное ходатайство дополнила некоторыми подробностями. Юрий Васильевич просил Графа Уварова сообщить мнение общества о степени исторической достоверности сведений, изложенных в докладной записке Фоминой.

Вместе с тем затребованы от Преосвященного Орловского содержание всеподданейшего прошения Фоминой. Отзыва пока еще не получено.

Документ 5

ноября 14 дня 1866 г.
№11242
Его Сиятельству,
Господину Обер-
Прокурору Святейшего
Синода, графу
Дмитрию Андреевичу
Толстому

копия
Ваше Сиятельство,
Милостивый Государь!

В следствии отношения Вашего Сиятельства, от 25 августа сего 1866 года за №4877, с препровождением копии с докладной записки жены отставного Генерал-Майора Фоминой, ходатайствующей о восстановлении древней церкви, бывшей в селе Вщиж, Брянского уезда, на месте погребения удельного князя Святослава Владимировича, по распоряжению моему, забраны на месте чрез местного Благочинного священника Стефана Красовского, об означенном древнем храме, следующие сведения:

1. Село Вщиж, состоящее в 40 верстах от г. Брянска, на берегу р. Десны, весьма замечательно по своей глубокой древности. Оно носит на себе имя города Вщиж, и находится на том самом месте, где был этот самый город, древность которого, как видно из Истории Русского народа, восходит до 11-го века по рождестве Христове (История Русского народа Николай Полевой. Т. 3-й, стр. 34). Здесь в местах некогда укрывался от преследований Родичей Берладчин Великий Князь Святослав Владимирович. Здесь некогда во время нашествия татар и монголов открытое поле обагрено было кровию христиан за веру и страну родную (там же примечание и сноски 24). Здесь еще и теперь видны следы древних укреплений и курганов, и на одном из них разрытом, видны следы храма древнего. До 1840 г. никто не обращал внимания на этот курган, находящийся внутри села. Поступивший в том году в село Вщиж священник Никита Митропольский (ныне умерший), по своей любознательности расположил помещицу этого села Веру Зиновьеву, ныне Фомину, разобрать этот курган. Следствием этой разработки кургана было то, что в глубине его отыскано было основание церкви; найдены были разные церковные вещи: подсвечники, полукруги (вероятно находящиеся над царскими вратами), несколько крестов, и все эти вещи хранятся в доме помещицы Фоминой. Разработка этого кургана окончена была тогда, когда найдено было место,

где лежали балки, на которых находился помост храма. Судя по уцелевшим стенам, которые и доселе возвышаются на 2,5 аршина, можно заключить, что устройство этой церкви древнегреческого стиля. Кругом церкви была галерея; толщина стены 1 арш. 3 четверти, а в тех местах, где выпущены были колонны, 2 ½ ар. и 2 вер. За тем видно место, где были северные и южные двери. Форма кирпича древняя, длиною этот кирпич 6 вер., шириною 4 ½ вер. и толщиною 1 вер. Способ постройки тоже древний. Кладен был кирпич, толщина коего как уже сказано, было 1 вер. и на нем полагался такой же толщины слой извести. Длина всей церкви, принимая в счет и место алтаря, 14 ½ ар., а ширина 10 ½ ар.

2. Г-жа Фомина, некоторые из прихожан и священноцерковнослужители передали тому Благочинному Красовскому, что при разрытии кургана найдено до 50, в разных местах человеческих скелетов, и все оные, как обыкновенно, лежали лицами на восток, а у наружней стены с правой стороны жертвенника, каменный склеп, по вскрытии коего оказалось, что и в нем тоже человеческий скелет, более же в этом склепе ничего не было. Отличие сего места и могилы от прочих могил, а равно и то, что смерть Вщижского Князя Святослава Владимировича летописцами записано под 1167 годом, навели их, г. Фомину и священноцерковнослужителей на ту мысль, что могила эта ничья другая, как Великого Князя Святослава Владимировича, смиренно здесь скончавшегося. На основании таких данных священноцерковнослужители двух-штатного села Вщижа, когда развалины отысканной церкви обнесены были деревянным срубом, отслужили по просьбе г. Фоминой благодарственный Господу Богу молебен с провозглашением многолетия Государю Императору и всей Его Августейшей фамилии и пропели Великому князю Святославу Владимировичу с его подвижниками вечную память.

3. Настоящий Вщижский деревянный храм во имя Преображения Господня, построенный в 1763 г. тщанием помещика деревни Дятькович Мачихина, был очень ветх, но в 1855 и 1857 гг. на средства из лесной церковной дачи поновлен, крыша

вновь покрыта железом, окрашена медянкой, а стены масляною белильною краскою; в прошлом же 1865 г. обнесен деревянною оградою.

4. Письменных преданий о найденных развалинах древнего храма в церковном архиве никаких не оказалось. По смерти Святослава Владимировича, как говорят летописцы («История». Соловьев. Т.2, стр. 235 и «Орловские Епархиальные Ведомости» №4, 1866 г.), Вщижское Княжество потеряло цельность своих владений, утратило существование и самое свое название, от того и последующая судьба сего города осталась неизвестною. Город Вщиж и все, что в нем находилось забыто летописцами.

Сообщая Вашему Сиятельству таковые сведения о древнем Вщижском храме и возвращая при сем присланную ко мне копию с докладной записки Фоминой, имею честь присовокупить, что более сих сведений как на месте в селе Вщиж, так и в Консисторском архиве не имеется.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства
Милостивого Государя покорнейшим
слугою (подписал) Поликарп Епископ Орловский и Севский
верно с подлинником младший чиновник (подпись)

Документ 6

«24» ноября 1866 г.
№6811
Святейшему Правительствующему Синоду
Предложение.

Жена отставного Генерал-Майора Фомина обратилась с всеподданейшим ходатайством, в котором изъясняя, что в родовом ее имении, Орловской губернии, Брянского уезда, в селе Вщиж находятся остатки древней церкви на месте погребения

удельного князя Святослава Владимировича, просит о пособии на возобновление этой церкви, или на постройку новой, по добровольной подписке.

Статс-Секретарь у принятия прошений на Высочайшее Имя приносимых, сообщая, по Высочайшему повелению, о вышеизложенном и препровождая полученную особо от Г-жи Фоминой записку, просит о доставлении по настоящему предмету сведений с заключением.

По содержанию означенной записки сделано было сношение с Московским Археологическим обществом и Преосвященным Орловским.

Полученные от них сведения имею честь предложить Святейшему Синоду, прилагая записку г-жи Фоминой.

Обер-прокурор (подпись) Граф Дмитрий Толстой.
Исправляющий должность Директора
(скреп.) Н. Сергиевский.
верно: подпись.

Документ 7

Ведомство
Православного Исповедания

В канцелярию Обер-Прокурора
Святейшего Синода

_____
Канцелярия
Святейшего
Правительствующего
Синода

_____
отделение III
экспедиция 2

_____
С. Петербург
апр. 11 дня 1867 г.

№1815

Синодальная канцелярия, препровождая при сем в Канцелярию Обер-Прокурора Святейшего Синода на время исполнения определения Святейшего Синода от 9 марта/ 7 апреля 1867 г. за №593, по делу о пособии на возобновление церкви в селе Вщиж, Орловской епархии, в имении г-жи Фоминой, покорнейше просит возвратить означенное определение по миновании в нем надобности.

Управляющий Синодальною Канцеляриею (подп.)

В Синодальную Канцелярию с препровождением
определения за №593, 8 июля 1867 года №3587

Обер-Секретарь (подп.)

Документ 8

14 апр. 1867 г.
№1835

В III отделение Канцелярии Святейшего Синода

По встретившейся надобности III отделение Канцелярии Обер-Прокурора Св. Синода покорнейше просит о доставлении на короткое время предложенных Св. Синоду 24 нояб. 1866 г. за №1811 отзывов Преосвященного Орловского и Московского Археологического общества по всеподданейшему ходатайству жены генерал-майора Фомина о пособии на возобновление древней церкви в селе Вщиж Брянского уезда.

(подписал) Старший чиновник Басов
(скрепил) Помощник Старшего чиновника В. Адамович
верно: А. Сапожников

Документ 9

«23» апр. 1867 г.
№2010

Его Сият-ву
князю С.А. Долгорукому

Милостивый государь,
князь Сергей Александрович!

По поводу всеподданейшего ходатайства жены отставного генерал-майора Веры Фоминой о пособии на возобновление древней церкви, остатки которой над прахом удельного князя Святослава Владимировича сохранились еще в родовом имении ее, Брянского уезда, в селе Вщиж, Ваше Сиятельство, препровождая записку о сем Г-жи Фоминой, изволили просить сообщения сведений по содержанию объяснений просительницы и мнения по предмету ее ходатайства.

Так как в записке упоминалось, что найденные при раскопках насыпи, образовавшейся около остатков церкви, церковные вещи предъявлены были Московскому Археологическому обществу, то сделано было сношение с Председателем этого общества Графом Уваровым о сообщении мнения общества на счет древности означенных вещей и степени исторической достоверности сведений, изложенных в записке.

Из отзыва его видно, что все найденные в насыпи вещи принадлежат к XII столетию, из чего можно заключить, что храм разрушился или был разрушен не позднее этого века и что форма его, как она описана в первом выпуске Памятника древних художеств в России, совершенно сходна с архитектурой других церквей, воздвигнутых в XII веке, из которых две уцелели доселе.

Некоторые другие подробности об открытом храме и предполагаемом месте погребения князя Святослава Владими-

ровича заключаются в отношении Преосвященного Орловского по сему предмету.

Прилагая в списках как отзыв Графа Уварова, так и упомянутое отношение Преосвященного, имею честь сообщить, что Святейший Синод, по рассмотрении этих бумаг вместе с запиской г-жи Фоминой, признает желание ее воздвигнуть на развалинах древнего церковного памятника храм, по возможности в прежнем стиле, весьма уважительным; но оказать ей пособие на этот предмет из церковно-строительного капитала не находит возможным как по ограниченности этого капитала, так и по многочисленности строительных нужд, подлежащих удовлетворения на счет оного.

По определению Святейшего Синода имею честь уведомить о сем ваше Сиятельство с возвращением записки Г-жи Фоминой.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга Юрий Толстой

верно: А. Сапожников

Примечания

1. Автор статьи выражает благодарность за помощь в работе с.н.с. отдела археологии ГИМ Наталье Ивановне Асташовой.

2. Еще в 2000-м году на конференции «Из истории Жуковского района» в докладе «160 лет археологического исследования Вщижа» С.А. Никулина систематизировала все сведения о раскопках с 1840-х по 2000-й годы. (Сборник в печати.)

3. Состояние помещичьего кладбища во Вщиже на погосте деревянной церкви Преображения Господня в 1917-24 гг. описал краевед Восинский. Тогда оно включало девять могил под чугунными плитами. Даты смерти с 1746 по 1860 год. Шесть из них – представители трех поколений предков В.М. Зиновьевой по отцовской линии: прадед, дед и бабушка, отец, мать, а также тетушка. Местонахождение надгробий ныне неизвестно. В ГАБО выявлены сведения о количестве крепостных, принадлежавших в разные годы В.М. Зиновьевой согласно ревизским сказкам.

4. См. герб рода Зиновьевых. Илл. №1

5. Алексеев, В.П.. Брянские люди XVII века / В.П. Алексеев. - Брянск, 2001. - С. 230.

О вкладах представителей рода Зиновьевых и погребенных в Свенском монастыре см.: Вкладная книга Брянского Свенского Новопечерского монастыря ЦГАДА. Ф. 1200, оп. 1, д. 2., а также: Никулина, С.А. К вопросу о некрополе Свенского монастыря XVI-XVII веков // Россия в X-XVII вв. Проблемы истории и источниковедения : тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. - М. : РГГУ, 1995.

6. Метрика для получения верных сведений о древнеправославных храмов Божиих и художественных предметов. Архив археологии Института истории материальной культуры. Фонд Р.III, ед. хр. 4253. Новая церковь существовала с 1629 года – уже при Зиновьевых.

7. Из письма М.Н. Зиновьева историку Н.М. Карамзину. См. История государства Российского. Издание 5, том 2, примечание 397.

8. Ранее была опубликована особая докладная записка В.М. Зиновьевой (Фоминой) на имя князя Сергея Александровича Долгорукого, датированная августом 1866г.См.: Никулина, С.А., Ф.И. Тютчев и Вщиж: соседство пространства и времени // Тютчевские чтения на Брянщине. Материалы 1-5 чтений. - Брянск, 2001. - С. 179-180.

9. Крашенинников В.В. Вступительная речь на конференции «Брянское краеведение на пороге XXI века» 11 ноября 2000 г. (Сборник в печати.)

10. «Гвардии штабс-капитан Михаил Николаевич Зиновьев (30 августа 1782 – 15 июня 1839)» – гласила надпись на надгробной плите.

11. Представляется, что в этом дочь просто продолжила дело отца, чье письмо опубликовал во втором издании «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин. Вщижский помещик помог тогда столичному историку локализовать летописный город.

12. См. Пуцко, В.Г. Вщижский бронзовый хорос // Деснинские древности. Вып. II. -Брянск, 2002. - С. 133-142; Он же. Подсвечники из Вщижа: западная средневековая церковная утварь в древнерусском храме // Деснинские древности. Вып. III. - Брянск, 2004. - С. 115-124.

13. Даже в новейших исследованиях можно прочесть: «Найденные в церкви вещи некий господин Фомин передал в Московское археологическое общество». См. Краснощёкова, С.Д. Археологические исследования в Брянском уезде Орловской губернии в конце XIX – нач. XX в. // Деснинские древности. Вып. III. - Брянск, 2004.

14. Чуев С.А. сообщает устные сведения местных жителей о раскопках В.М. Зиновьевой также и кальницких курганов.

15. Вокруг храма были обнаружены до 50 человеческих скелетов, лежавших головой на восток, снаружи храма справа от

алтаря (на особо почетном месте для донаторов) – погребение в кирпичном склепе – предположительно – князя Святослава Владимировича (+ 1167). См. также Энциклопедический словарь. Брокгауз и Эфрон. Т.13. Стр. 461-2; 1871 , 1872 год.

16. В фонде Тиханова хранятся собранные во Вщиже: сведения этнографического характера, материалы, непосредственно связанные с храмом и навесом над ним, который устроила Вера Зиновьева (Фомина). Материал публикуется впервые.

РНБ. Фонд 777, оп.1, д.211.

17. АА ИИМК. Ф.Р 3, ед. хр. 4253, №137. Автор статьи выражает благодарность В.П. Алексееву за многолетнее сотрудничество.

18. Вщиж. Экскурсии В. Восинского // Брянский край. Вып. 3. 1928. - Брянск : Издание общества изучения Брянского края, 1929. - С. 86-102. Фотоматериалы Д.Ю. Морица до сих пор не введены в научный оборот. Примечательный факт: В 1920 году, получив у тогдашнего директора Брянского музея С.С.Деева удостоверение сотрудника, В.А. Восинский смог посетить в Москве ГИМ и полюбоваться на раритеты из Вщижа, выставленные в одной из витрин.

19. Рыбаков, Б.А. Раскопки во Вщиже в 1948-1949 гг. // КСИИМК. 1951 г., вып.38

20. «Коллекция археологического материала из раскопок городища Вщиж профессором Рыбаковым Б.А. в 1949 г.» в количестве 87 предметов имеет инвентарные номера БОМ-901. См. КП №1, с. 57.

О.Н. Горелая,
гл. хранитель фондов Брянского государственного объединенного краеведческого музея

«Криптоглоссарий» Павла Никитича Тиханова

Есть и таких много на світі знайдует
Лежнюв, котрие, в миру ходячи, плутуют.
Будет иний здоровим, да не хочет робить, –
Потреба б такого сім раз на день кием бить.

Климентий, Зиновьев сын, иеромонах времен Мазепы. Рядом примечание П.Н. Тиханова: «Отзыв сравнительно мягкий».

Человек потрясающе разносторонний, энциклопедически образованный, известный краевед и историк, Павел Никитич Тиханов проявил себя и как чуткий филолог, составив наиболее полный из известных нам словарь тайных языков – «Криптоглоссарий. Язык нищих, арестантов, офеней, прасолов, шулеров: музыка, жаргон».

Сразу оговоримся, статья написана по материалам черновиков П.Н. Тиханова, хранящимся в отделе рукописей РНБ, значительно более полным по сравнению с его книжечками, выпущенными в 1890-е годы. [1] Так как некоторые места рукописи и книг совпадают, часть цитат приводится по книге П.Н. Тиханова «Тайный язык нищих. Этнологический очерк».

Материалы для словаря собирались и обрабатывались годами, если не десятилетиями, а началось все в Брянске. Вот как пишет об этом Тиханов: «Давно как-то, во время летнего пребывания своего в Брянске, я пригласил к себе одного слепого старца, калику перехожего, и попросил его передать мне говорком все те духовные стихи, что он обычно псалит моля тем прохожих о спасне […] когда записывать уже было нечего, я в разговоре намекнул, что у старцев и нищих, сколько известно, есть

свой язык, которым они иногда перебрасываются между собой не желая быть понятыми от посторонних. Собеседник подтвердил это и тут же на мою просьбу продиктовал все что мог припомнить или что знал из своего тайного языка […] Выражения эти образовали небольшой лексикон, представляющий любопытную страницу русской этнологии». [10;1] В записях П.Н. Тиханова сохранилось имя старца, передавшего ему тайные знания, перечень слов сопровождается таким замечанием: «Вот словарь тайного языка брянских нищих, записанный от слепого старца Карпа Антонова Перфильева, из села Голяжья, Брянского уезда» [8].

Впоследствии Павел Никитич, видимо, заинтересовался тайным языком как жизненным явлением в целом, начал изучать причины его возникновения, среду бытования, даже дал прогноз ожидающего его будущего. Он отмечал, что «…едва ли не в каждом слое общества, и притом на всех его ступенях – есть или по крайней мере был какой-либо особый, свой тайный язык, обусловленный тою или другою необходимостью. Такова, повторим, была христианская символика, носящая характер прообразовательный, таков таинственный язык икон, божественных изображений; таково шифрованное письмо и всякий условный язык; таковы, наконец, вымирающие остатки тайного языка нищих, старцев, быть может, некогда употреблявшегося в среде наших первых паломников, ходивших в христианский Восток для поклонения святыне, и занесенного ими оттуда; таков же тайный язык офеней, почти во всем сходный с нищенским и без сомнения подобно ему образовавшийся под сильным влиянием греческим».[8]

Собирая слова и выражения тайных языков, Тиханов накопил огромное количество фактического материала, разработал на его основе теоретические положения, касающиеся происхождения языка офеней и нищих в целом, этимологии отдельных слов и выражений, словообразования и грамматики. Собственную гипотезу происхождения языка офеней и нищих он высказал только после обстоятельного анализа взглядов на данную

проблему различных ученых, среди которых - Даль и Срезневский: «У первых (офеней) он мог явиться вследствие потребности при сношениях с греками, с которыми русские или непосредственно приходили в соприкосновение в самой Византии, или по северному побережью Черного моря, или же сталкивались с ними в Болгарии, в местах, лежащих по Дунаю. Есть известие, что торговля русских купцов с Византиею чрез Черное море и с мусульманскими странами чрез Каспийское, – производилась еще в сороковых годах IX столетия, самые же торговые связи образовались, конечно, хоть несколькими десятилетиями ранее. […]

У вторых (нищих) – это остатки того малого разговорного языка, что некогда приходилось употреблять русским странным людям во время путешествия своего также на юг, на Афон и в Палестину. Известно, что стремление русских ко Святым местам современно просвещению России христианскою верой, и едва ли уже не с этой поры отмечается у нас бродячий люд».[10;26-27] Гипотеза Тиханова представляется обоснованной, так как подтверждена многими примерами. Например, после перечня слов брянских нищих он делает такой вывод: «Из этого материала видно, что многие слова несомненно греческого происхождения (наприм.: Ахвес, галость, декун, кресо, трепелый, херка, и проч.), если же добавить к сему выражения офенские, также греческие, то получится процент еще больший».[10;20]

Словарь П.Н. Тиханова уникален не только своей тематикой [2], но и структурой словарных статей. Каждое слово (или выражение) сопровождается объяснением лексического значения (отражена и многозначность слов), по возможности прослеживается этимология, рассматривается способ образования слова, приводятся примеры использования его в речи. В некоторых случаях Павел Никитич проводит параллели со словами и выражениями из других языков. [3] Яркий пример – объяснение выражения «адмиральский час»:

«Адмиральский час – обычай, некогда существовавший при Основателе Российского флота – в одиннадцать часов дня пить водку с своими сотрудниками, нередко в австерии (аустерии) [4] […], при Петре была основана в Москве и Петербурге. Полдень – время закуски или обеда». Рядом такой отрывок:

– Ваше благородие, пакет… предписание…

– Пакет? Предписание? – удивился я.

– Откуда еще? От кого?

– Из батарейной канцелярии, ваше благородие… от командира батареи.

Что за притча, – подумал я. – Батарейная канцелярия от меня в 20 шагах, заходил я туда сегодня раз двадцать – и ничего; батарейного командира тоже видел, беседовал с ним и даже в «адмиральский час» водку вместе пили – и все было ничего, ни слова о каком-либо новом поручении. А теперь на вот: в запечатанном конверте… и проч.» (Бирж. Ведом. 2 изд. 15 янв.)

Далее: «Ср. Admiral of the red – человек, красное лицо которого обнаруживает приверженность к крепким напиткам (В. Бутузов: Словарь особенных слов, фраз и оборотов английского народного языка. Спб., 1867.)».[7]

Очень важным Тиханов считал указание местности, на которой распространен тот или иной тайный язык, так как: «Язык нищих и калик перехожих, язык офеней, отверницкая речь, катрушницкий лемезень, любецкий лемент, язык лаборей, и проч., – все это ветви одного дерева, потомки одного отца, выродившиеся вследствие различных требований и условий жизни и затем принявшие в себя оттенки местного говора». [10;30] Анализируя различные мнения по поводу argot, Павел Никитич приводит следующее рассуждение В. В. Крестовского: «…Характер московского argot уже несколько разнится от петербургского: в нем менее и даже совсем почти нет звуков нерусских, допускаются только одни татарские, и это точно также зависит от того, что состав жульнических (мазурнических) обществ в Москве более петербургского носит на себе характер почвенный, российский. Москва как будто и во всем старается

проводить свои собственные, славяно-московские тенденции…» [8] При рассмотрении диалектов языка нищих Тиханов большое внимание уделил брянскому говору, но при этом не забывал и о других российских губерниях, например: «Жеребячья порода – так в Калуге называют лиц, происходящих из духовенства». [7]

Рассматривая грамматику тайного языка нищих, офеней и т.д., Тиханов отмечает, что «образовавшись под влиянием русской речи, тем самым во всем строе своем и во всех своих видоизменениях подчиняется законам языка господствующего, великорусского. Особой грамматики сего языка поэтому нет и быть не может, иначе за жаргоном или каким-нибудь языком искусственным следовало бы признать самостоятельность, на что он права не имеет. […] Возьмем на выдержку слово микрый – малый. Это чисто греческое слово русский человек освоил и сделал отсюда: микренький – маленький, микрец – малец, и проч. […] Склонение всех этих слов будет совершенно русское, причем числительные подчиняются или русским законам или строю языка церковнославянского. Местоимения или общие с языком русским, или же свои (у офеней). Спряжение глаголов – русское. Так, взятое с греческого кимать будет: кимаю, кимаешь, и т. дал. Наречия, предлоги и союзы, также как у офеней, в музыке, и проч. – русские, но междометия, как производная часть русской речи – могут быть свои». [10; 20-21]

Интересны для исследователей экскурсы в историю, встречающиеся и в очерке «Тайный язык нищих», и в черновиках. Тем более, некоторые из них касаются непосредственно Брянщины. Например:

«Патент и пакент – кабак, сменивший питейный дом, каковой […] заменила «казенная винная лавка». Питейные дома в Брянске носили названия, ставшие историческими. Так, недалеко от арсенала, у подошвы Покровской горы, при самом на нее подъеме, стоял «Кузнечный» питейный дом; возле орловской заставы, у Галерного двора, что ныне артиллерийский склад, а в старину была верфь гребных судов – находился «Морской питейный дом; у соляных казенных магазинов – «Соляной»; был

«Стрелецкий» питейный дом, «Лубянский», «Кананыкинский», и др.» [6]

А слово «братина» сопровождается не только определением («чаша вроде горшка, металлическая или сделанная из другого материала, с поддоном и с кровлею»), но и описанием нескольких братин наиболее замечательных. Большой интерес представляют отсылки к рукописям, собранным Тихановым, данные им описания различных обычаев. [5]

В материалах к словарю не только слова, выражения, объяснение их лексического значения, но и множество заметок, касающихся невербальных способов общения (страницы черновиков пестрят вклейками из различных газет, журналов, книг и т.д.), например, о языке цветов, языке перчаток. Приведем одну из них:

«Язык перчаток.

Если хотят сказать да – роняют одну из перчаток.

Если нет – их мнут в правой руке.

Если хотят показать равнодушие – снимают с левой руки перчатку до половины.

Если хотят сказать: следуйте за мной – обеими перчатками ударяют себя по левому плечу.

Чтобы сказать: я вас больше не люблю – потихоньку хлопают себя перчаткой по подбородку.

Я вас ненавижу – вывертывают перчатку наизнанку.

Чтобы спросить: любите ли вы меня? – надевают перчатку на левую руку, кроме большого пальца.

Если хотят сказать: я вас люблю – роняют обе перчатки на пол.» (Курск. Губернские ведомости, 86,96). [8]

Тиханов нередко выходил за пределы темы своей рукописи, расширяя ее границы до описания жизни, привычек и развлечений своих героев – носителей языка. Так, попали в его словарь описания тюремных игр (название каждой игры – выражение, понятное только «сидельцам»). Например: «Голоса слушать – каждый из участвующих становится на свою койку и начинает издавать музыкальные ноты. Очередь доходит до новичка: его

схватывают, дерут за уши и за волосы, бьют и пинают, и когда он начинает кричать – арестанты говорят, что у него голос лучше всех: «Так лихо поешь, что всем подольше послушать хочется». И бьют, пока не натешатся». [7]

Через изучение тайного языка Тиханов открывал для нас особый мир, загадочный, привлекательный, опасный. Он сумел соединить в своей работе научный подход к проблеме с занимательностью интеллектуального детектива.

Труд Павла Никитича Тиханова был, видимо, почти закончен. Он уже подобрал библиографию и составил список литературы. К сожалению, до сих пор его исследование не опубликовано полностью и, следовательно, не доступно читателям, всем тем, кто интересуется языком и его историей.

Примечания

1. П.Н. Тиханов. Криптоглоссарий. Отрывок. (Представление глагола "выпить"). – С.-Петербург, – 1891 г.; П.Н. Тиханов. Тайный язык нищих. Этнологический очерк. – Брянск, типография А. Арцишевского, 1894 г.

2. Как отмечает сам собиратель, до него подобные опыты уже были: «…несколько слов белорусских старцев помещено в Материалах для сравнительного словаря (С. Микуцкий) и затем как нечто самостоятельно целое – в Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук под заглавием: «Русско-нищенский словарь» (Ф. Сцепуры), с отзывом о нем академика Бычкова…» [8]

3. К сожалению, в издании 1894 г. «Тайный язык нищих. Этнологический очерк» к словам даны очень краткие пояснения, как говорит сам автор, из-за недостатка «средств местной типографии».

4. Аустерия (австерия) – гостиница, трактир, харчевня, питейный дом. Говоря об этимологии данного слова, Тиханов приводит не только научную точку зрения, но и народную: «Название аустерии (австерии и остерии) производят от немецкого

gasterey […] По любимому Русскими сближению […] производят истерию от истеряния, траты». [7]

5. В отрывке из «Криптоглоссария», который был назван П.Н. Тихановым «Представление глагола выпить» и даже издан отдельной книжицей в 1891 г. читаем: «В собрании рукописей составителя сего словаря есть тетрадка скорописью XVIII века, озаглавленная: «Книга, содержащая в себе описания как […] меды варить, фрукты делать сахарные, и протчие, с ценами по московской покупке». Всего там 98 наборов или сортов водки…» А слово «боровик» сопровождается таким объяснением: «Торговля (при откупной системе) производилась ведрами из бочек на меду, а в чарочной продаже из боровиков. Это была круглая медная глубокая чаша с широкими полями, вместимостью около ведра, и вставлялась она посредине стойки, т.е. прилавка, отделявшего часть заведения (питейного дома, харчевни и т.п.) для посетителей. В эту чашу опускались довольно тяжелые с длинными ручками, узким верхом и широким дном медные листы в одну двадцатую, пятидесятую и сотую часть ведра, из которых выпить и не расплескать жидкость или вылить в чистую не было никакой возможности. Стойка была довольно высокая: посудина покупателя с воронкой или стакан ставились на поле боровика, и все что расплескивалось и оставалось в мере – стекало обратно в боровик. Туда же выливались остатки из недопитых стаканов потребителей». (Русский Вестник: 1885. III. 307.) [7]

Источники

6. РНБ, Ф. 777, оп. 3, д. 170./ Тиханов П.Н. Криптоглоссарий. Язык нищих, арестантов, офеней, прасолов, шулеров: музыка, жаргон. – Петербург, 1891. – 29 л.

7. РНБ, Ф. 777, оп. 3, д. 171. /Тиханов П.Н. Криптоглоссарий. Представление глагола: Выпить. Словарь пьяниц, нищих, воров и т.п. (т.1) Черновой автограф. – 206 л.

8. РНБ, Ф. 777, оп. 3, д. 178./ Тиханов П.Н. Тайный язык нищих : этнологический очерк. – 1890-е гг. – 65 л.

9. РНБ, Ф. 777, оп. 3, д. 280./ Тиханов П.Н. Словарь нищих, пьяниц и воров – Криптоглоссарий. Картотека: А-В. – 83 л.

10. Тиханов, П.Н. Тайный язык нищих : этнологический очерк / П.Н. Тиханов. – Брянск : типография А. Арцишевского, 1894 .

О.Ю. Куликова,
заместитель директора Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева

Книжный Брянск времен Тиханова Павла Никитича (1894 -1905 гг.)

"Знание - столь драгоценная вещь, что его не зазорно добывать из любого источника".
Фома Аквинский (ок. 1224-1274)

Воссоздание истории возможно при изучении деятельности тех или иных лиц в сопоставлении с событиями, при которых эта деятельность протекала.

Россия вступила в XX век с населением в 125,6 млн. человек, 71,6% которого было неграмотным. Среди взрослого населения не умели читать и писать 60% мужчин и 83% женщин. [1] В конце XIX в Брянске процент грамотных был выше среднероссийского и составлял 47,3%. [2] Это объяснялось в первую очередь пролетаризацией крестьянской массы, ростом количества рабочих на крупных предприятиях, заводах города. За более, чем тридцать лет с 1860 года до 1897 года население города почти удвоилось. (В 1860 году - 13.4 тыс. человек, в 1897 году - 24.78 тыс. человек). [3]

Состояние «книжного дела» представляло особое значение для становления местной интеллигенции, развития общественной мысли, духовного и нравственного становления жителей провинции. Не случайно в начале века появляется ста-

тья Рубакина Н.А. в Русской мысли (1903 год, №3, С. 6) «Книжный поток». Именно так можно назвать то явление, которое происходит в Росси: за десятилетие (1891-1901) тиражи, а значит и спрос, увеличиваются более, чем в 2.5 раза, (1891 г. - 22918405, 1901 г. - 58539480) количество названий увеличивается за этот период на 3730 наименований (1891 г. – 6588, 1901 г. - 10318). [4]

На деятельность Тиханова П.Н. в Брянске не могло не оказать влияние состояние книжной культуры и общей уровень грамотности и образованности населения провинциального города, который не мыслим без чтения и книги. В условиях небольшого города появление такой яркой личности, каким был Тиханов П.Н., не могло быть незамеченным и остаться без внимания со стороны брянской интеллигенции. Образованный, эрудированный человек, получивший университетское образование в одном из самых известных университетов тогдашней России – Казанском, имеющий точное представление о том, какое значение имеет изучение старины и истории края для его современного развития. Все это нашло отражение в его деятельности, в тех инициативах, которые он пытался реализовать в небольшом уездном городке Орловской губернии.

Очень любопытное описание Тиханова было найдено в Интернете со ссылкой на отрывок из книги воронежского профессора Олега Григорьевича Ласунского «Записки библиофила». [5] «*На Руси никогда не ощущалось недостатка в чудаках. К их числу, видимо, относился и скромный служитель Императорской Публичной библиотеки в Петербурге - Павел Никитич Тиханов. Он коллекционировал древние манускрипты и часто ходил по антикварным лавкам в поисках не известных науке рукописей. Один из его близких друзей вспоминал, что был Павел Никитич человек высокого роста, весьма представительный, с грубым голосом. Букинистам было непросто угодить ему. К концу жизни ему удалось составить недурное собрание, которое по его завещанию частично поступило потом в фонды библиотеки, в которой он столько лет проработал».*

О разносторонности интересов, эрудированности и образованности Тиханова говорит то, что адресатами его писем были известный языковед А.А. Шахматов и этнограф Л.Н. Майков, поэт И.С. Аксаков и филолог Я.Т. Гротов, историк, археолог В.В. Стасов.

Живя в Петербурге, Тиханов интересовался изданиями, посвященными истории Брянска. 26 января 1885 года он обращается в орловскую типографию А. Матвеева с просьбой выслать ему два экземпляра книги Пясецкого "Исторические очерки города Брянска Орловской губернии", вышедшей в этой типографии в 1882 году. Письмо было передано автору книги, который 28 января отвечает Тиханову: «Испрашиваемые Вами два экземпляра "Очерков г. Брянска" будут высланы завтра. Цены им нет, так как они (в числе 100 экз.) предполагались для одних любителей старины. Впрочем, если Вы желаете участвовать в расходах моих по сему изданию, то благоволите приложить 2 руб. по следующему адресу: в г. Орле, преподавателю Д(уховной) семинарии Гавриилу Михайловичу Пясецкому. Не имеющий счастья знать Вас лично, но высоко уважающий Ваше расположение к орловской старине, коей я служу уже два десятка лет, преподаватель семинарии Гавриил Пясецкий".

Месяц спустя, получив письмо от петербургского адресата с выражением благодарности за полученную им первую часть "Исторических очерков города Брянска Орловской губернии", Пясецкий отвечает 26 февраля 1885 года:

«Милостивый государь Павел Никитич! Чтобы не остаться в долгу перед дорогим брянчанином, как изволили Вы называть себя, … спешу также принести Вам искреннюю благодарность за сочувствие моему скромному труду, услаждающему меня в часы досуга от служебной суеты. Относительно продолжения моего "Брянска" встретились затруднения, не зависящие от меня…

Однако приемлю смелость выразить при этом желание, чтобы и имеющиеся у Вас материалы из милой нашей старины не остались под спудом. Теперь век такой практичный, но чаю,

со временем полюбят люди свое родное и поинтересуются тем, что пролетело над головами их отцов и дедов. Вы живете в центре Русского просвещения и много могли бы помочь нашему провинциальному мраку…». [6]

Брянск того времени мало чем отличался от других уездных городов Орловской губернии. Во время пребывания Тиханова П.Н. в Брянске читающая, даже лучше сказать грамотная, публика не была избалована обилием мест, где можно было приобрести или взять домой литературу для чтения.

В соответствии с Уставом о цензуре и печати (1865 г.) все учреждения книжного сектора – типографии, книжные магазины и лавки, библиотеки можно было открывать только с разрешения губернатора. А из-за того, что население в большинстве своем было не грамотным, то и ходатайства об открытии библиотек, книжных магазинов просто игнорировалось, в силу того, что особой пользы от них не ждали. В конце 90-х годов Брянск становится крупным железнодорожным узлом. Поезда отправлялись на Москву, Гомель Льгов. В знаменитой монографии Михаила Николаевича Куфаева «История русской книги в XIX веке» находим такие строки: «Всякая новая железнодорожная линия давала новый обширный рывок для русской торговли и промышленности, а вместе с тем и новую почву для сбыта книги, потребность в книге возникает уже везде: не только в городе, но и в деревне и особенно, может быть, в фабрично-заводском центре. Вполне естественно, что и типографии растут в производительности в столицах и провинции. В 1864 году их было всего 181, а в 1894 году число типографий достигает 1315, увеличившись за тридцатилетие в 7 ¼ раз». [7]

В 1895 году в Брянске были открыты две типографии. В апреле было получено разрешение губернатора, и была открыта типография губернского секретаря Михаила Ивановича Юдина. Именно в типографии Юдина «В 1897 году были изданы исторические работы П.Н. Тиханова «Старина» и «Брянские чудотворцы святой князь Олег и преподобный Поликарп», которая ранее, в 1893 году, была издана в Санкт-Петербурге.

В августе 1895 года мещанин Арон Исаевич Итин получил разрешение губернатора и открыл типографию на ул. Московской, где в 1896 году печаталась газета «Брянский вестник» [8], редактором-издателем которой был П.Н. Тиханов.

В книге Дозорцева С.С., Дозорцева М.С. «Брянск» находим такое описание этой субботней восьмиполосной газеты, которая начинает свою трех - летнюю судьбу 23 января 1894 года. «У «Брянского вестника» сразу же оказалось два врага – равнодушие обывателей и цензура. Если небольшое количество подписчиков как-то компенсировалось высокой ценой номера (15 копеек), то от цензуры спастись было труднее. Из-за невиннейших, казалось бы, статей происходили постоянные столкновения с вице-губернатором, осуществлявшим цензорские функции, материалы, отправленные на просмотр в Орел, задерживались там и опаздывали в очередной номер. Кончилось тем, что редактор – издатель П. Тиханов в 1897 году вынужден был объявить о прекращении выпуска «Брянский вестник». [9]

Есть сведения, что в 1902 и 1903 годах в Брянске были открыты еще типографии мещанином Петром Павловичем Смирновым и купцом 1-й гильдии Яковом Нотовичем Подземским (соответственно).

Таким образом, во времена П.Н. Тиханова в Брянске действовали четыре типографии.

Согласно опубликованным данным, в период с 1894 года по 1905 год, кроме двух библиотек, предназначенных для учащихся прогимназии и технического училища, в Брянске и в ближайшей рабочей Бежице действовало 7 библиотек. Они играли существенную роль в деле просвещения населения и облагораживания нравов провинциального жителя.

Ряд сведений о брянских библиотеках представлен в справочнике Ю.В. Жуковой «Книжное дело Орловской губернии: конец XVII - начало XX века».

Начиная с 1868 года, действовала бесплатная библиотека Брянского общественного собрания, предназначенная для членов Собрания. После пожара 1875 года она была восста-

новлена на прежнем месте в Красном переулке. Заведовал библиотекой инспектор начального училища Алексей Никитич Сычев. Фонд состоял из русских книг, имелся каталог. Действовала до 1917 года.

С января 1896 года Брянское вольно-пожарное общество имело бесплатную библиотеку – читальню, которая содержалась на пособие Брянской городской думы, ежегодные ассигнования Общества, пожертвования учреждений и частных лиц, сборы с публичных лекций. И хотя библиотека в первую очередь предназначалась для членов общества, но в кабинет для чтения допускались все желающие. Заведовал председатель общества А. Баженов. Фонд составляли русские книги и периодические издания. Действовала на основании правил о бесплатных народных библиотеках от 15 мая 1890 г., согласно которым документация библиотеки представлялась местным властям, а также за персоналом библиотеки осуществлялся контроль со стороны полиции.

Располагалась в здании управы (1896-1908 гг.). [10]

В 1898 году правление Общества обращалось с просьбой к губернатору за разрешением открыть еще одну библиотеку, предназначенную только для членов Общества, т.к. «фонды, строго определенные правилами, не удовлетворяют потребностей Общества», но получили отказ.

Платная библиотека для чтения была открыта мещанином Иваном Николаевичем Пухановым на основании разрешения губернатора 29 ноября 1897 года, фонд составляли русские книги, имелся каталог. Располагалась в привокзальной части города.

В книге Мизеровой Н.А. и Ронжина А.В. «Культура и быт заводчан в прошлом и настоящем» (Брянск, 2001) можно найти сведения об открытии в 1884 году в начальном училище для детей состоятельных мастеровых и служащих Брянского машиностроительного завода библиотеки. А заводская рабочая бесплатная библиотека основана 1 февраля 1884 года и в 1896

году в ней насчитывалось 2400 томов и 300 постоянных читателей. [11]

Далее, в вышеупомянутой книге читаем: «в 1894 году по инициативе Марии Клавдиевны Тенишевой в пустующем доме бывшего первого директора завода В.Ф. Крахта был открыт клуб заводского общественного собрания с читальней и библиотекой, которому суждено было стать центром общественной жизни дореволюционной Бежицы». [12] Очень большой популярностью с первых дней пользовалась бесплатная читальня, открытая в здании народной столовой в 1903 году. Такую популярность она обрела благодаря своим фондам и наиболее известным в России изданиям: «Нива», «Новый мир», «Вокруг света», «Родина», «Русский паломник», «Биржевые ведомости» и др.

Центром сосредоточения всей городской активности становится Московская улица, где наряду с различными купеческими торговыми рядами регулярно открываются все новые и новые книжные лавки: в 1894 г. отставным унтером офицером Федоровым Федором Федоровичем; в 1896 г. купцом 2-ой гильдии Иваном Феофановичем Аверьяновым; в 1897 г. подполковником Гамулецким Владимиром Петровичем; в 1900 г. поручиком Цигре Павлом Николаевичем; в 1904 г. учителем Преображенским Иваном Ивановичем. Покупателям предлагалась светская литература, русские книги духовно-нравственного содержания, календари. При книжных лавках нередко открывались платные библиотеки, велись каталоги.

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя и не так интенсивно, как в губернском городе, но интерес к книге, печатному слову рос среди разных слоев нашего провинциального города. Даже в рабочей среде книга, газета приобретают все большую популярность, что позднее и проявилось в революционной активности брянских рабочих. Рубеж веков отмечен, с одной стороны, глубокими духовными поисками и благородными желаниями и поступками русской культурной элиты, с другой стороны - стремлением простого народа к образованию

и просвещению. Этот интерес и особое отношение к книге, как средству самовыражения и просвещения, становятся неотъемлемой частью жизни интеллигенции, состоящей из образованных, творчески активных личностей, ярким представителем которой являлся Павел Никитич Тиханов.

Литература

1. Заболотный, Н.Ф. Школы, гимназии, лицеи России и Брянской области : историко-краеведческие очерки о развитии образования / Н.Ф. Заболотный. - Брянск, 2002. - С. -146.
2. Наша родная Брянщина. - Тула : Приок. кн. изд-во, 1983. - С. 73.
3. Куница, М.Н. Население Брянской области: геодемографическая структура и система расселения / М.Н. Куница. – Брянск, 1998. - С. 21.
4. Куфаев, М.Н. История русской книги в XIX веке. / М.Н. Куфаев. – М. : Пашков дом, 2003. – С. 186.
5. http://bubomix.narod.ru/index.html
6. Новое о краеведе Пясецком. http://www.oryol.ru/material.php?id=5835
7. Куфаев, М.Н. История русской книги в XIX веке. / М.Н. Куфаев. – М. : Пашков дом, 2003. – С. 182.
8. Жукова, Ю.В. Книжное дело Орловской губернии: конец XYII - начало XX века. / Ю.В. Жукова. - Орел, 2005. – С. 99-100.
9. Дозорцев, С.С. Брянск : историко-экономический очерк. / С.С. Дозорцев, М.С. Дозорцев – Тула, 1986 . - С. 66.
10. Жукова, Ю.В. Книжное дело Орловской губернии: конец XYII- начало XX века./ Ю.В. Жукова.- Орел, 2005. – С. 107-108
11. Мизерова, Н.А. Культура и быт заводчан в прошлом и настоящем / Н.А. Мизерова А.В., А.В. Ронжин. - 2001. – С. 11.
12. Там же. – С. 17.

М.Ф. Вершило,
директор Центра новейшей истории Брянской области
Государственного архива Брянской области

Архивы – окно в мир прошлого

Без архива нет истории,
Без истории нет науки.

Каждая историческая эпоха отражается в материальных памятниках и документальных материалах. Чем полнее и всестороннее эти материалы, тем ценнее и обширнее они отражают минувшее время.

Архивы стали зарождаться еще в древней Руси, при княжеских дворах, монастырях, церквях. Позже они накапливаются и в государственных учреждениях. В XVI в. в Москве был создан Царский архив, вобравший в себя архивы ликвидированных княжеств. В 1720 г. был опубликован, подписанный Петром Великим, «Генеральный Регламент или Устав» - первый в России общегосударственный правовой акт, определивший основы организации централизованной системы архивного дела в стране. Генеральный регламент предписывал центральным государственным учреждениям передавать документы в архивы, устанавливал обязательный учет государственных бумаг и вводил государственную должность актуариуса, которому надлежало «письма прилежно собирать, оным реестры чинить, листы перемечивать...»

В 1724 году из документов упраздненного Посольского приказа образован первый исторический архив как самостоятельное государственное учреждение. Деятельность русских историков-архивистов, археографов (В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, М.М. Щербаков, Н.И. Новиков, С.М. Соловьев и др.) сыграла большую роль в выявлении рукописного материала, его сохранении и систематизации, описании и публикации.

Работа по собиранию материалов, касающихся истории Октябрьской революции и РКП началась незадолго до опубликования постановления Совета Народных Комиссаров об учреждении Истпарта – комиссии по истории Октябрьской революции и РКП.

Первые шесть декретов советского правительства об архивах направлены на собирание и сохранение, изучение и издание материалов истории государства российского.

Одним из первых был декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», подписанный 1 июня 1918 года. Этим декретом положено начало советскому архивоведению, был образован Единый Государственный архивный фонд, что послужило началом создания прочной исторической базы для работы историков нашей страны.

В 1919 году В.И. Ленин подписал еще несколько важнейших декретов – «Об архивах расформированной прежней армии», «Положение о губернских архивных фондах», «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых».

В целях выявления, учета памятников истории и культуры, их популяризации в Петрограде организовывали выставки. В.Д. Бонч-Бруевич, управляющий Делами Совета Народных Комиссаров издал брошюру «Сохраняйте архивы», в которой призывал разъяснять везде и всюду широким массам о ценности и важности сохранения архивов для нужд современных ученых и для работ будущих поколений.

Архивное строительство в РСФСР началось и развивалось в тяжелых условиях гражданской войны и разрухи. Были случаи утраты и продажи документов. Поэтому 9 июня 1922 г. ВЦИК издал циркуляр «О мерах борьбы против истребления архивных материалов» на основании которого ответственные за сохранность документов и допустившие их хищения привлекались к строгой ответственности.

Представитель Главного управления архивного дела М.С. Вишневский, ознакомившись в 1919 году с состоянием архивов

в Брянске, с огорчением доложил Брянскому исполкому о слабой деятельности архивистов. Исполком принял постановление о передаче архивной службы в ведение отдела народного образования.

Организация архивного дела стала более продуктивной с образованием в 1920 г. Брянской губернии. Был создан губернский архивный фонд, а с 22 июля 1922 года на заседании президиума губисполкома принято решение о создании губернского управления по делам архивов, которое осенью того же года переименовано в губернское архивное бюро.

Бюро в составе трех человек возглавлял Сергей Сергеевич Деев, выпускник Петербургского учительского института, с 1916 года работавший в Брянске инспектором народных училищ. Вначале документы хранились в двух сараях, в 1927 году архивному бюро передано здание Покровского собора. Штат вырос до 11 человек. В настоящее время в областном и Брянском городском государственных архивах работает 71 человек, в 30 муниципальных архивах – 70 человек.

Руководит архивной службой области управление по делам архивов Брянской области в составе 9 человек. Деятельность архивных учреждений области проходит в условиях поддержки архивной отрасли на областном и районных уровнях, улучшения финансового обеспечения деятельности архивов.

1 февраля 2002 года на базе партийного архива Брянского обкома КПСС (август 1991-2001 гг. – архивохранилище государственного архива Брянской области) в структуре государственного архива создан Центр Новейшей истории Брянской области (ЦНИБО) с правом комплектования, хранения и использования документальных материалов.

У Центра как у структурного подразделения госархива те же задачи в сфере архивного дела области.

Центр использует архивные документы в научных, справочных и пропагандистских целях, публикует документы по актуальной тематике. На основании хранящихся документов Центр выполняет запросы государственных органов, учрежде-

ний, общественных, политических организаций, граждан, выдает копии документов, справки социально-правового характера: о трудовом стаже, об участии в партизанском движении.

В фондах Центра новейшей истории Брянской области хранится более 470 тысяч дел за 1897-1991 годы.

Документы ЦНИБО раскрывают деятельность партийных комитетов Брянской губернской, областной, городских, районных, уездных, волостных, первичных партийных организаций, комсомольских организаций, политотделов, военкомата, начиная с 1917 года по 1991 год.

Наиболее полными по составу документов и емкими по содержанию являются фонды губернской и областной организаций Коммунистической партии. Документы дают разностороннюю характеристику жизни Брянского края на разных этапах развития. Раскрываются все направления деятельности партийных комитетов: организационно-партийная, идеологическая работа, работа по организации и руководству всеми отраслями народного хозяйства – промышленности, транспорта, строительства, агропромышленного комплекса, сферы бытовых услуг и др.

Основные виды документов – это постановления, циркуляры, инструкции ЦК РКП(б), ВКП(б), президиума ВЦИК РСФСР(Совминов СССР, РСФСР, губкома, обкома ВКП(б), КПСС, протоколы и стенограммы партийных конференций, пленумов, заседаний бюро, секретариата, партийного, партийно-хозяйственного актива губкома и обкома партии). Докладные записки, справки, информации, отчеты о выполнении постановлений партийных органов по вопросам работы промышленных предприятий Брянска и области, транспорта и связи, легкой и пищевой промышленности, промкооперации; о работе по строительству мостов через овраги и реки, Полпинского фосфоритного завода, вокзала на станции Брянск-1, Брянского цементного завода, о ремонте дорог, об организации производства по изготовлению товаров народного потребления, о закупке товаров местного производства, о состоянии торговли в области, об открытии в Брянске фирменных магазинов; об экономическом со-

стоянии колхозов, совхозов области, карты районов Брянской области с обозначением границ земельных угодий колхозов и совхозов; сведения лесозаготовительных организаций о выполнении планов лесозаготовок; о мероприятиях по охране леса.

Докладные записки, отчеты, справки, сведения горкомов и райкомов партии об идеологической, массово-политической, культурно-просветительной работе; о работе с пропагандистскими кадрами, с интеллигенцией, молодежью, о работе по подбору, расстановке и воспитанию кадров; о разделении Орловской области и образовании Брянской области.

Тексты выступлений секретарей обкома.

Документы о проведении в области коммунистических субботников, о проведении Всесоюзных Тютчевских праздников поэзии.

Государственная программа неотложных мер по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990-1995 годы.

Справки о ходе ликвидации последствий радиоактивного загрязнения, об оказании лечебно-профилактической помощи населению западных районов Брянской области (1987).

Стенограммы, учебные планы, расписания семинаров и совещаний: секретарей горкомов и райкомов, заведующих отделами пропаганды и агитации, заведующих парткабинетами, лекторов обкома, горкомов и райкомов партии, редакторов районных газет, секретарей первичных организаций, внештатных и штатных пропагандистов, партийно-советского актива.

В документах первичных партийных организаций отражена жизнь трудовых коллективов, взаимоотношения работников, проблемы, которые возникали в процессе производственной деятельности, пути их преодоления.

В фондах комсомольских органов сосредоточены документы губернского, областного, городских и районных комитетов ВЛКСМ, первичных комсомольских организаций. Все они – источник информации об истории молодежного движения, участии брянских комсомольцев в гражданской и Великой Отечест-

венной войнах, индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в стране, культурной революции, освоении целинных и залежных земель, послевоенном восстановлении разрушенного народного хозяйства.

Своеобразен по составу и содержанию фонд Истпарта, где сосредоточены материалы по истории Брянщины конца XIX – начала XX вв.

В фонде Истпарта имеются воспоминания старых большевиков о революционной деятельности на Брянщине, о борьбе брянских печатников, документы 1898 года – циркуляры Орловского губернатора о мерах борьбы с революционным движением, статьи из «Рабочей газеты», газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий», дневник одного из организаторов «Союза сознательных рабочих» на Брянском заводе Г.А. Корхова, находившегося в 1902 году в Бутырской тюрьме за революционную деятельность. Имеются документы, свидетельствующие о деятельности брянских большевиков накануне и в годы первой русской революции, а также в годы реакции и нового революционного подъема. О событиях на Брянщине в период подготовки, проведения социалистической революции и установления Советской власти на местах свидетельствуют воспоминания самих участников, написанные по свежим следам событий, объем их составляет 4 тома, более 1000 листов. В фонде Истпарта имеется Хроника революционных событий за 1917 год по Брянскому, Бежицкому, Карачевскому, Севскому, Трубчевскому уездам, материалы по истории революционного движения в Мглинской волости, протоколы заседаний Брянского совета рабочих и солдатских депутатов за 1917 год.

Фонды Истпарта, Брянского губкома и 9 укомов партии – это фонды периода установления советской власти на Брянщине, в них хранятся документы времен гражданской войны и иностранной военной интервенции. Имеются подлинные заявления коммунистов с просьбой направить их на фронт для борьбы с белогвардейцами и интервентами, материалы из газет и журна-

лов о создании и боевой деятельности Богунского и Таращанского полков, о Н.А. Щорсе.

Имеются воспоминания активных участников гражданской войны и командира Ленинского полка Д.Д. Гришелева, сформированного на Брянщине.

В 1944 г. с созданием Брянской области в партийный архив были возвращены все документы Брянского губкома ВКП(б) и ВЛКСМ, Брянского и Клинцовского окружных комитетов партии, районных и городских партийных и комсомольских комитетов, которые до этого находились в архивах Смоленского, Орловского, Черниговского и Гомельского обкомов партии. Из материалов Центра уникальными являются документы периода Великой Отечественной войны, в частности документы по истории партизанского движения на Брянщине. Это фонды Брянского штаба партизанского движения, подпольных комитетов партии, которые включают в себя документы партизанских соединений. Более чем на 60 тысяч участников партизанского движения на Брянщине в архиве имеется картотека, которая служит основным справочным материалом.

Часть партизанских отрядов и соединений, действовавших в брянских лесах, подчинялись Западному штабу партизанского движения. Это Дятьковские, Бытошевские, Клетнянские, Жуковский, Дубровский, Рогнединский и др. отряды, документальные материалы которых хранятся в Центре документации новейшей истории Смоленской области. Вот далеко неполный перечень документов ЦНИБО.

Работники архивов области ведут большую и важную работу по сохранению государственных документов, осуществляют научную деятельность. Ежегодно госархивами области исполнение запросов социально-правового характера (до 10 тысяч и столько же муниципальными архивами) осуществляется в тесном взаимодействии с учреждениями социальной защиты населения, Пенсионным фондом области, информационным центром УВД области, Фондом взаимопонимания и примирения, областным Фондом малолетних узников. Только краткое упоминание

использования документов госархива показывает многогранный широкий диапазон архивно-информационного пространства. За последнее десятилетие облгосархивом исполнено более 150 генеалогических запросов, поступивших из разных городов России, Украины, Белоруссии и стран дальнего зарубежья, подготовлено более 50 выставок документов, которые экспонировались в читальном зале госархива, областной библиотеке, краеведческом и художественном музеях, учебных заведениях, промышленных предприятиях города Брянска. Посвящены выставки 100-летию ОАО Мальцовского портландцемента, 100-летию Брянского строительного техникума, 70-летию Брянского госпедуниверситета, 65-летию начала Великой Отечественной войны, 65-летию партизанского движения, дню освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков, по истории малых городов Брянщины - Новозыбкова, Трубчевска; знаменитым и известным людям, чьи имена связаны с Брянщиной: Ф.И. Тютчеву, А. Вяльцевой, В.В. Розанову, Л.М. Добычину, братьям Могилевцевым. Этот перечень выставок документов далеко неполный.

При подготовке статей, публиковавшихся в местной периодической печати, привлекались источники, ранее мало используемые исследователями, с целью вовлечения их в научный оборот.

Публикации архива интересны тем, что при их подготовке использованы подлинные документы. Тематика статей разнообразная:

• гражданская и Великая Отечественная войны, коллективизация на Брянщине;

• памятные и юбилейные даты выдающихся земляков и людей, чьи имена связаны с историей Брянщины; о Героях Советского Союза, о первом космонавте планеты Ю.А. Гагарине;

• по истории рода Ф.И. Тютчева;

• по истории Брянской милиции;

• истории малых городов, населенных пунктов, учреждений, организаций, учебных заведений;

• культурная жизнь общества;

• история православной церкви и традиции русского православия;

• развитию думского самоуправления и др.

Госархивом подготовлены к печати: буклет, посвященный 60-летию партизанского движения на Брянщине; календарь на 2003 год.

Свои основные задачи: комплектование, хранение, использование документов архив, несмотря на имеющиеся трудности, успешно выполняет. Руководство области воспринимает архивы как кладезь богатейшего материала прошлого, использует документы для принятия новых решений в интересах общества. С этой точки зрения архивы являются не только окном в мир прошлого, но и благодаря неутомимому труду архивистов, они открывают окно в мир будущего. Вот почему мы призваны беречь каждый листок архивного документа как зеницу ока.

А.А. Чубур,
д.и.н., профессор РАЕ, заведующий сектором кафедры Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

О судьбе архива археолога Константина Михайловича Поликарповича

«Книга бытия моего» – так когда-то озаглавил один из своих дневников юноша по имени Костя. Дневники эти пролежали много десятилетий в безвестности вместе со значительной частью архива известного ученого, которым Костя стал спустя десятилетия после того, как легли аккуратные строчки в его первые записные книжки. Именно эти записные книжки, а также многочисленные письма, рукописи, черновики, помогают теперь раскрыть и понять яркую и многогранную личность патриарха

белорусской археологии Константина Михайловича Поликарповича.

С именем кавалера ордена «Знак Почета» К.М. Поликарповича связана целая эпоха в археологии Верхнего Поднепровья. Именно им открыт и в значительной степени исследован палеолит на территории Белоруссии (стоянки Бердыж и Юровичи), памятники древнекаменного века в Брянской области на р. Судость – Юдиново и Елисеевичи, ставшие эталонными. Признаны классикой его работы, посвященные разведкам в бассейне реки Сож, где Константин Михайлович выявил и нанес на карту сотни новых археологических объектов. Его исследования навсегда вплетены золотой нитью в ткань мировой археологии. Немало он сделал и как организатор науки, и как учитель, воспитавший на смену себе целую плеяду талантливых научных сотрудников.

Всю жизнь К.М. Поликарпович скрупулезно собирал и хранил личный архив – черновики и окончательные, выверенные тексты рукописей, картотеку, газетные вырезки, огромную по объему переписку. Даже в годы войны личный архив был им частично спрятан (по всей видимости, вывезен на родину в Самотеевичи), а по возвращении из эвакуации возвращен в Минск. Лишь некоторые рукописи, оставленные археологом в Институте Истории АН БССР (его подготовленная к защите докторская диссертация, ряд статей, готовившихся к изданию) безвозвратно были утрачены в годы оккупации.

Константин Михайлович скончался 20 февраля 1963 г., не дожив полмесяца до 74-летия. Основной труд его жизни – монография «Палеолит верхнего Поднепровья» увидел свет лишь спустя 5 лет в сильно урезанном, ущербном виде. Но и в этом варианте работа до сих пор остается одним из основных источников информации о древнейшем прошлом обширного региона.

Печально сложилась судьба уникального личного архива ученого. Отдельные документы оказались в научном архиве Института Истории АН БССР (ныне Национальной Академии наук Республики Беларусь), некоторые взял «в личное пользование»

и не вернул ученик К.М. Поликарповича – В.Д. Будько, ныне уже покойный. [1] В целом же архив К.М. Поликарповича и значительная часть его богатейшей личной библиотеки (несколько тысяч томов) в течение десятилетий считались загадочно исчезнувшими, утраченными для исторической науки.

В начале 1990-х гг. велась перестройка дома в с. Юдиново Погарского района Брянской области, в котором в 1948-1963 гг. подолгу бывал и работал К.М. Поликарпович (дом принадлежал семье Шевцовых – родителям его молодой жены). В её ходе на чердаке были обнаружены несколько мешков, чемоданов, ящиков и связок бумаг со старыми документами и рукописями. К счастью, об этом событии стало известно заслуженному работнику культуры, создателю и директору Юдиновского краеведческого музея Леониду Ивановичу Гришину. Всё найденное было переправлено им в музей. Так был вновь обретен архив К.М. Поликарповича.

Оказалось, что личный архив и личная библиотека ученого были, без ведома других родственников, перевезены в Юдиново братом его вдовы – Марии Климентьевны Шевцовой. Книги библиотеки разошлись по селу, разыскать большую часть из них теперь не представляется возможным. А многочисленные папки и связки бумаг оказались брошенными на чердаке дома Шевцовых, как ненужный хлам. К 1980-м гг. род Шевцовых прервался, дом перешел к купившим его посторонним людям, которые впоследствии и затеяли ремонт. Обретенный в его результате архив, представлял собой в момент обнаружения в основном набор листов бумаги с рукописным и машинописным текстом, часто мятых, отсыревших, перепутанных и разрозненных, иногда рваных и заплесневелых. Среди них попадались открытки, фотографии. Часть документов сохранилась заметно лучше, будучи сложенными в подписанные картонные папки еще при жизни Константина Михайловича.

Почти десять лет вывезенные в музей из дома Шевцовых документы лежали в музее без движения – у поглощенного хозяйственными заботами, ведением экскурсий и созданием на-

родного театра Л.И. Гришина нашлось время лишь для ознакомления с некоторыми дневниками ученого. Весной 2000 г. к обработке архива приступил автор сообщения. [2]

В настоящее время практически полностью обработана основная часть – выделенный нами первый фонд – т.е. собственно личный архив. Второй фонд – картотека коллекции, собранной при раскопках стоянки Елисеевичи – еще ожидает своего часа. Документы личного архива К.М. Поликарповича нами рассортированы и сгруппированы по видам и времени создания, а отчасти и отреставрированы.

В общей сложности первый фонд включает 120 архивных дел. Все их можно разделить на несколько основных групп:

1. Личные дневники – тетради и записные книжки с отдельными вложенными листками, датирующиеся периодом с 1908 по 1958 гг. включительно, сгруппированные в 4-х архивных папках. Интересны как юношеские дневники народного учителя, романтика и идеалиста-толстовца, так и дневники военных лет, написанные в эвакуации. Есть в дневниках, особенно в ранних, множество зарисовок, которые Константин Михайлович никогда не публиковал. Это настоящие стихотворения в прозе, гимн природе и жажде странствий, лиричный, восторженный, а порой и трагичный.

2. Переписка с родными и близкими (в эту категорию попали и некоторые друзья-краеведы) – 4 архивных дела, объединяющие 459 листов. Помимо прочего они повествуют о романтической истории любви всемирно известного ученого и простой крестьянской девушки из села Юдиново, ставшей впоследствии женой и помощницей Константина Михайловича.

3. Переписка с коллегами (включая письма таких светил археологической науки XX века, как П.П. Ефименко, М.Я. Рудинский, С.Н. Замятнин, Б.С. Жуков, М.В. Воеводский, А.Н. Рогачев, О.Н. Мельниковская, Ф.М. Заверняев и др., таких выдающихся геологов и палеонтологов, как В.И. Громов, Г.Ф. Мирчинк, В.Е. Гарутт, В.С. Докторовский и др.,) - 11 архивных дел, включающих 830 листов. Обнаруженное эпистолярное на-

следие, представляющее немалый интерес, как для историков науки, так и для современных археологов, мы предполагаем выборочно опубликовать в ближайшее время. Пять писем повествуют о трагической судьбе ушедшего из жизни в 14 лет талантливого юного археолога Володи Кравцова из г. Чаусы. [3] Переписка помогла пролить новый свет и на биографии репрессированных археологов – расстрелянных в 1937 г. А.Н. Лявданского, С.А. Дубинского, А.Д. Ковалени, отправленных в сталинские лагеря в послевоенные годы Е.А. Калитиной и В.П. Левенка.

4. Некоторые сведения о репрессиях 1937 г. в белорусской науке можно почерпнуть и из выделенного в отдельное дело документа, озаглавленного «В Комиссию по обследованию Института Истории АН БССР» - копию объяснений, данных К.М. Поликарповичем по требованию работников НКВД после расстрела его коллег. [4]

5. Документы о деятельности Сектора Археологии Института Истории АН БССР, возглавлявшегося в 1939-1941 и 1944-1961 гг. К.М. Поликарповичем (протоколы заседаний, отчеты, сметы и т.д.) - всего 23 архивных дела, включающих 2242 листа. Документы из открытого в Юдиново архива позволяют представить реальное положение дел в белорусской археологии 1950-х гг. Уникальные коллекции были свалены в гараже с дырявой крышей, в секторе археологии несколько лет не могли сделать элементарные стеллажи, не было своей фотолаборатории, ставок художника и фотографа. Не лучше обстояло дело и с полевыми исследованиями.

6. Рукописи научных монографий, статей и рецензий, написанных К.М. Поликарповичем. Наиболее обширная часть архива, включающая 37 дел (свыше 4500 листов). Среди рукописей многочисленные варианты глав монографии «Палеолит верхнего Поднепровья» с авторской правкой. Обнаружены и неопубликованные работы белорусского археолога («Археологические памятники Белоруссии», «Ударные орудия верхнего палеолита», «К вопросу о Томском мамонте», «Исторические памятники Полоччины» и др.). Часть из них уже подготовлена на-

ми к посмертной публикации. Так, статья, посвященная каменному инвентарю палеолитической стоянки Елисеевичи по материалам раскопок 1948 г., [5] выходит в свет в археологическом сборнике Музея Антропологии и Этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера).

7. Полевые дневники, отчеты о полевых исследованиях, полевые коллекционные описи (12 архивных дел, более 1000 листов). В их числе полевые дневники К.М. Поликарповича за 1927, 1928, 1923, 1930, 1931, 1934, 1947, 1953 и некоторые другие годы, освещающие разведки по рекам Сож, Судость, Десна, Припять, раскопки палеолита и неолита в Юровичах, Бердыже, Кривине, Гамково, Подлужье, Елисеевичах, Новых Бобовичах, Юдиново. Особую ценность представляет обнаруженная в архиве схема раскопа 1935 года на стоянке Елисеевичи. Планы раскопа безвозвратно утрачены и схема – единственный документ, позволяющий достоверно восстановить расположение находок и объектов на этом участке уникального памятника.

8. Личные документы К.М. Поликарповича (удостоверения, читательские билеты, сберегательные книжки, расписки, командировочные удостоверения, квитанции, справки, Открытые листы на право производства археологических изысканий и т.п.; сюда же входит сохранившийся экземпляр личного дела К.М. Поликарповича, подготовленный для оформления соискательства ученой степени доктора исторических наук) – 8 архивных дел, 574 листа. Тщательный подбор документов свидетельствует о педантизме ученого, проявлявшемся во всем, включая переписку: на каждом письме чернилами либо карандашом непременно проставлялась дата, а порой и обстоятельства получения послания. Создается почти мистическое ощущение, что историк с юных лет знал, что оставляет документы для истории! Впрочем, может быть, так и было?

9. Рисунки К.М. Поликарповича (100 листов, собранных в архивном деле №111) тушью и карандашом – пейзажи, натюрморты, портреты и автопортреты, этнографические этюды и т.д. (большая часть сделана в юношеские годы), свидетельствуют о

немалом художественном таланте, прекрасном знании анатомии и невероятной аккуратности.

10. Вырезки из газет и журналов, выписки из книг (часть – на карточках) занимают 8 архивных дел (более 1300 листов). Константин Михайлович выписывал множество газет и журналов, в особенности в последние десятилетия жизни. Сохранившиеся вырезки, сделанные рукой Поликарповича, дают и представление об интересах ученого, сходных и в двадцатых, и в тридцатых годах, и к концу жизни. Это кино и опера, живопись и литература, интересные находки, астрономия, природа, краеведение, достижения науки и техники. Почему-то вырезались и фельетоны – ныне почти забытый жанр. Чтение было одной из страстей Константина Михайловича. Иногда создается ощущение, что этот человек дня не мог прожить без книги или, хотя бы, газеты. К.М. Поликарпович вел дневники «Прочитанное» из года в год, из месяца в месяц, четко, с 1908 г. до последних дней жизни. Даже в годы Великой Отечественной войны, порой на клочках газет, записывались прочитанные книги, имена авторов, полюбившиеся цитаты. Наверное, благодаря чтению рано сформировался и прекрасный литературный слог исследователя, обращающий на себя внимание даже в его сугубо научных произведениях.

11. Отдельные оттиски некоторых публикаций К.М. Поликарповича в одной архивной папке, особенно ценны давно ставшие библиографической редкостью довоенные статьи из сборника «Працы секцыі археалогіі АН БССР».

12. Материалы по четвертичной фауне Белоруссии (карта и картотека из 67 карточек) – сведения о находках останков мамонта, шерстистого носорога и других животных.

13. Три архивных дела содержат материалы (фрагменты рукописи, карточки, зарисовки) по бронзовому веку верхнего Поднепровья. Это части работы К.М. Поликарповича, которая так и не увидела свет сначала в довоенные годы, а затем, в дополненном виде – в конце 1950-х. В настоящее время многие выводы морально устарели, однако фактологический материал

важен и для современных специалистов в области археологии и первобытной истории. В этой части материалы планируется опубликовать, снабдив комментариями.

14. Оставшиеся архивные дела разнородны. Так в двух архивных делах собраны различные фотографии, фотооткрытки и негативы, одно объединило документы, связанные с описаниями находок кладов на территории Белоруссии, еще одно содержит историческую карту Пинщины в XVI столетии, имеется и архивное дело с гербарием, к сожалению, без указаний на место его сбора. В одной из папок архива – несколько документов XVIII в., связанных с историей малой родины К.М. Поликарповича, а точнее – Самотеевского церковного прихода. Вероятно, они остались в наследство от деда и отца – приходских священнослужителей. Кроме того, в двух папках находятся рукописи И.М. Хозерова и В.И. Голубовича, работавших в конце 1940-х гг. в штате Сектора Археологии Института Истории АН БССР.

Скажем несколько слов и о втором фонде. Он включает в себя несколько тысяч карточек, пока еще в значительной степени разрозненных, с описанием (а иногда и рисунками) различных находок, сделанных при раскопках палеолитической стоянки Елисеевичи (ныне Жирятинский район Брянской области). Эта часть архива в настоящее время находится в обработке, помощь в этом процессе нам оказывает научный сотрудник отдела археологии Музея Антропологии и Этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Г.А. Хлопачёв. Именно в фондах Кунсткамеры хранится большая часть предметов, описанных в картотеке.

В заключение вернемся к личности хозяина архива. За время, прошедшее после того, как археолог завершил жизненный путь, его жизнеописания историографы касались нечасто. Некролог в «Советской археологии» [6], да краткая и неточная биография в одну страницу со списком трудов (тоже неполным) в конце посмертно вышедшей в свет его монографии [7] и еще более краткие очерки об ученом в монографии «Курский край. Эпоха раннего металла» [8] да в биографическом словаре «Ис-

торики Курского края» [9] – вот, пожалуй, и все, что было о нем написано и издано. Еще назовем курсовую работу студента исторического факультета Белорусского государственного университета В.Н. Казакова, написанную в конце 1960-х гг. под руководством Э.М. Загорульского – одного из учеников Поликарповича. Посвящена была памяти Поликарповича историографическая статья другого его ученика – Л.В. Алексеева. [10] Теперь материалы, открывшиеся в обретенном архиве, позволяют составить целостное представление об этой уникальной личности.

В его личном листке по учету кадров от 15 мая 1952 г. показано потрясающее знание языков: «Хорошо: английский, французский, немецкий, польский, латинский, русский, украинский, белорусский, древнерусский, церковнославянский. Слабо: чешский, болгарский, древнегреческий, итальянский, древнееврейский, испанский, казахский, узбекский, литовский, латышский, финский, эстонский» - итого 22! [11] Такое знание языков позволяло не только знакомиться со всеми доступными изданиями по интересующим темам, часто их рецензируя, но и прекрасно переводить некоторые статьи на русский язык. Примером могут служить переводы с литовского статьи доктора И. Пузинаса «Послеледниковая культура обитателей Литвы», с польского заметки палеонтолога Т. Яниковского «Дикая лошадь на Польше» [12] и т.д. Поражает картотека прочитанных книг и статей – это перечень тысяч томов и выписок из них на многих из перечисленных выше языков.

Поликарпович обладал поистине энциклопедическими знаниями и столь же широкой сферой интересов, далеко выходившей за пределы основной его профессии – археологии и истории. Так, Константин Михайлович был сведущ в области искусствоведения, в особенности – живописи и архитектуры. Работая с археологическими коллекциями в музеях, он неизменно интересовался живописью, скульптурой. Вот очередное его свидание с Эрмитажем, оставившее след в дневнике 29 декабря 1937 г.: «В Эрмитаже. Коллекции по археологии. Бронза. Успел перед самым закрытием посмотреть всего Лоррена. Со сладкой

тоской вспомнил, смотря на его картины, про те странствия, которые мнились, переживались в оные дни перед ними. Рембрандта (блудный сын) не успел уже посмотреть: было поздно. Закрывали. Остались не виденными и Бартоломе и Роден». [13]

Не только археологом, полиглотом и искусствоведом был Константин Михайлович. Еще одной стезей оказалось естествознание: он помнил сотни русских, латинских и народных названий трав, вел фенологические наблюдения даже в голодные годы Гражданской войны, когда батрачил на паровой мельнице в местечке Зельцы близ Днестровского лимана. [14] Писал он физико-географические очерки и научно-популярные статьи – и не только о природе и полезных ископаемых Белоруссии, но и, к примеру, о покорении Эвереста. [15] Мало кто даже в Белоруссии знает и помнит ныне, что именно Поликарпович готовил справку о возможности изображения зубра на капотах могучих грузовиков Минского автомобильного завода. [16] Как близких друзей он воспринимал деревья, печально переговаривающиеся о чем-то своими кронами. Еще юношей он смотрел на ночное небо, приветствуя звезды по именам, словно старых знакомых. Еще одно увлечение – астрономию и космогонию – Константин Поликарпович также пронес сквозь всю свою жизнь. Например, в 1934 г. он, уже известный археолог, с увлечением изучал труд Дж. Джонса «Общие идеи космогонии», перечитывал «Микромегаса» Вольтера. В его архиве оказались школьные таблицы по астрономии, многочисленные вырезки газетных заметок о первых шагах по освоению космоса, солнечных затмениях и падениях метеоритов.

Еще одной гранью деятельности К.М. Поликарповича была история науки, в особенности, конечно, археологической. Так, 18 ноября 1947 г. на юбилейной сессии Академии наук БССР он делал доклад «Археология в БССР за 30 лет». Позже истории археологии был посвящен целый ряд его трудов. [17]

Читать Поликарповича всегда интересно. И говорил он, судя по воспоминаниям родных и коллег, так же как писал. Рассказывал увлеченно, самозабвенно, лекции содержали массу по-

знавательного материала. Его рассказ не мог не захватывать. Его увлеченность археологией завораживала и вела за собой сквозь пласты времени. И это несмотря на то, что сам он говаривал, в очередной раз расстроенный нехваткой средств, произволом чиновничества, бытовыми неурядицами: «Как в наше время надо не уважать себя, чтобы заниматься археологией!» [18]

Из-за безотказности, интеллигентности и невероятной эрудиции на плечи Поликарповича ложилось немало общественных нагрузок. Например, в конце 1940-х Константин Михайлович входил в состав редколлегии журнала «Беларусь», а с марта 1953 г. ему пришлось исполнять обязанности ученого секретаря Комиссии по истории земледелия, созданной при Президиуме АН БССР. При всех своих знаниях и талантах Константин Михайлович оставался чрезвычайно скромным, добрым, и безмерно отзывчивым человеком. Практически никто из обращавшихся к нему за помощью (а таких были десятки – одним была нужна консультация, другим – деньги в трудной ситуации, третьим просто человеческое внимание) не был оставлен без внимания. Некоторые беззастенчиво пользовались этим.

Дневники говорят о многом. Местами, когда речь идет о личном, щемящем душу, строки размыты каплями слез. Сентиментальность в нашем представлении сочетается с безвольностью, но Константин Михайлович был необычайно энергичным, жизнерадостным, остроумным человеком. Он очень любил шутки, порой беззлобно подтрунивал над окружающими. [19] Грусть, горе, тоска, одиночество – все это оставалось внутри, и доверялась только дневникам. Теперь они, как и весь личный архив выдающегося археолога, стали достоянием истории.

Источники и примечания

1. Будько Владимир Дмитриевич (1927-2003, родился в с. Лиски Рогачевского р-на Гомельской обл.). Служил в госбезопасности. Окончил истфак Белорусского гос. университета (1957). С 1958 г. аспирант сектора Археологии Ин-та Исто-

рии АН БССР, с 1961 г. науч. сотр. сектора, в 1965-69 гг. – зав. сектором. канд. ист. наук (1962 «Палеолит Белоруссии»). В 1970-72 гг. доцент Гомельского гос. университета. С 1973 г. старший науч. сотр. Ин-та искусствоведения этнографии и фольклора АН БССР, затем сотрудник издательства «Белорусская энциклопедия» и пенсионер. Полевые исследования палеолита: стоянки Костенки 13; Бердыж, Юровичи, Гренск, (1959-61, 1964), Клеевичи (1958); Юдиново и Елисеевичи (1961-67 гг.). Многие опубликованные работы, несмотря на глобальность выводов, крайне сомнительны в плане достоверности материала.

2. Чубур. А.А. Очарованный наукой // Вечерний Минск. - 2002. - 17 янв. (№8 (9824)
3. Юдиновский музей, ф.1, д.16/1, л.1-14.
4. там же, д.57, л. 1-8.
5. там же, д.23, л. 1-44, Поликарпович К.М. «Кремневая индустрия верхнепалеолитической стоянки Елисеевичи (по материалам раскопок 1948 г.)» (рукопись).
6. К.М. Поликарпович (некролог) // Советская археология. - 1963. - №4.
7. К.М. Поликарпович. Краткая биографическая справка // Поликарпович, К.М. Палеолит верхнего Поднепровья / К.М. Поликарпович. - Минск, 1968. - С.199-201.
8. Чубур, А.А. Курский край. Т.2: Эпоха раннего металла / А.А. Чубур. - Курск, 2000. - 275 с.
9. Щавелев С.П. Историки Курского края / С.П. Щавелев, Г.Ю. Стародубцев. - Курск, 1998.
10. Советская археология. - 1968 - №4.
11. Юдиновский музей, ф.1, д.48/14, л.1.
12. там же, ф.1, д.41.
13. там же, ф.1, д.68/15.
14. там же, ф.1, д.1/10, л.1-15; д.105,6, л.6.
15. там же, ф.1, д.4/22, л.1-5.
16. там же, ф.1, д.103/10, л.1-8.
17. Поликарпович, К.М. Археологические исследования в БССР в 1945-1953 гг. // Материалы по археологии БССР. - Минск,

1957. - С. 5-29; он же: Археологические исследования в БССР в 1954-1955 гг. // Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики. - М., 1955. - С.18-19; он же: Археологические исследования в Белоруссии за 1945-1958 гг. Юдиновский музей, Архив Поликарповича, ф. 1, д. 12/3, л.1-18.
18. Юдиновский музей, ф. 1, д. 45/6, л. 28.
19. по воспоминаниям проживающих в Минске племянниц археолога – Татьяны Петровны и Валентины Петровны Поликарпович (2002 г.).

Г.П. Поляков,
к.и.н., доцент Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского
В.В. Машин,
специалист Администрации Навлинского района

Археолог-краевед А.М. Романов

В истории брянской археологии свое, пусть и не очень высокое, но достойное место принадлежит Алексею (Александру) Михайловичу Романову. Он родился в 1896 г. в с. Мирковы Уты Уручьевской волости Трубчевского уезда Орловской губернии (ныне – Выгоничского района Брянской области). Его отец М.Я. Романов владел бакалейной лавкой в сельце Алексеевке того же уезда. [1] Сведений об образовании и биографии в целом А.М. Романова до 1918 г. пока разыскать не удалось.

С 1918 по 1920 гг. он работал внешкольным инструктором Трубчевского уездного отдела народного образования (УОНО). Благодаря его стараниям в населенных пунктах Салтановской волости (Зелепуговке, Еловиках, Сивском и ряде других) были открыты «начальные школы и школы грамоты для граждан старше 15 лет. Он был активистом народного просвещения, создавал в селах уезда первичные комсомольские орга-

низации, а также стоял у истоков «Общества охраны книжного фонда Трубчевского уезда». [2]

В 1918 г. тогда преподаватель природоведения Трубчевской женской гимназии, а с 1919 г. – основатель и первый заведующий Трубчевского естественно-исторического и археологического музея Георгий Михайлович Поршняков (1868-1939) [3] - организовал сбор сведений среди местных работников образования о памятниках старины Трубчевского уезда и их регистрацию в Бюро по организации музея. Наиболее полные и обстоятельные данные поступили от молодого и энергичного Алексея Романова. С тех пор начинается их сотрудничество на поприще археологии.

По совету Г.М. Поршнякова Романов 4 апреля 1920 г. опубликовал в газете «Порыв» - органа Трубчевской уездной организации РКСМ статью под названием «Краткий обзор археологических древностей нашего уезда» где сформулировал программу археологических исследований в уезде. Он писал: «Трубчевский естественно-исторический и археологический музей, созданный в дни революции, находится в периоде своей первоначальной организации и, таким образом, он ещё не обеспечен собраниями по всем главнейшим отраслям своей программы… Я коснусь только одной отрасли, именно археологической, к успешному завершению которой и должны быть направлены ныне стремления местных любителей родной старины. Предстоящая дальнейшая работа потребует ещё целый ряд лет для собирания древностей, чтобы наглядно и в общедоступной форме представить всю историю города Трубчевска и его уезда в отдаленном прошлом». [4]

Далее Романов сообщает о результатах своих археологических исследований, произведенных им в конце лета – начале осени 1919 г. на территории Пролысовской волости. Здесь он обнаружил и описал два курганных могильника у д. Алексеевка (у «Селецких ключей», у «Алешинских ключей»), один у д. Святое и четыре у с. Салтановка, две неолитические стоянки и стоянку эпохи бронзы у той же д. Алексеевки, неолитическую сто-

янку у с. Глинное, селище эпохи Древней Руси у д. Алексеевки и курган той же эпохи у с. Усох под Трубчевском. На этих памятниках он собрал солидную коллекцию артефактов. [5]

Кроме этого, в своей статье Романов отмечает «скопления археологических остатков… на побережьях р. Ревны, текущей в северо-западном углу Пролысовской волости. В Трубчевском музее хранится великолепной работы кремневый топор, найденный у с. Ревен на правом берегу реки». [6]

В 1921-1924 гг. А.М. Романов работал секретарем Салтановского волостного исполкома, а после создания в 1924 г. в течение года был секретарем Навлинского волисполкома. [7] Впоследствии в данном исполкоме он возглавлял мобилизационный отдел, был волостным статистом и заведующим волостным культстолом. [8]

В 1925 г. Романов, по рекомендации Г.М. Поршнякова, отправил в Москву в Главнауку Народного комиссариата просвещения заявку на «Открытый лист», дающий право на проведение самостоятельных археологических исследований. Его заявка была удовлетворена, после чего он осуществил археологическую разведку – поиск неизвестных ранее науке памятников. По результатам своих изысканий археолог-любитель подготовил научный отчет под названием «Работа А.М. Романова в Брянской губернии в 1925 г.» и неопубликованную до сих пор статью «Остатки доисторического человека в Навлинской волости». [9]

По сведениям внука Г.М. Поршнякова, Георгия Александровича Мазохина-Поршнякова, доктора биологических наук, профессора МГУ, его «дед совместно с сотрудником Трубчевского музея (!) Александром (!) Романовым в 1925 г. составил археологическую карту». Это была «Карта памятников старины Трубчевского уезда», дополненная в том же году первым директором Брянского губернского музея местного края Сергеем Сергеевичем Деевым. [10]

В декабре 1925 г. он перешел из волисполкома на работу в правление Алешенско-Навлинского сельскохозяйственного

товарищества, которое в годы НЭПа снабжало крестьян льготными кредитами и сельскохозяйственным инвентарем. [11]

В следующем 1926 г. Алексей Михайлович продолжил поиск древних поселений и погребений на р. Навле и подготовил об этом научный отчет «Разведки А.М. Романова на р. Навле». [12] К 1928 г. он открыл 8 новых стоянок, 73 кургана и одно городище. Кроме археологических разведок Романов осуществил раскопки стоянок и курганов в окрестностях Алексеевки (в урочищах «Дунец», «Кременщина», «Самощиков бор»). Добытые находки он передал в музеи Трубчевска, Брянска и в Государственную академию истории материальной культуры в Москве. В том же году в третьем выпуске журнала «Брянский край» была опубликована его статья «Об исследовании и охране памятников старины реки Навли». В ней он подводит итог своим многолетним полевым исследованиям в бассейне этой реки, описывая открытые и исследованные им археологические памятники от эпохи неолита до Древней Руси. [13]

В 30-е годы краевед преподавал в Алексеевской массовой школе, где организовал «Общество любителей археологических древностей». Активисты «Общества» во главе с руководителем, обнаружили, обследовали и изучили десятки археологических памятников Навлинского района Западной области. В очерке «Памятники материальной культуры», опубликованном в навлинской газете «Колхозная стройка» в августе 1932 г. Романов уточняет список открытых его «Обществом» памятников археологии: это городища у сел Борщево, Салтановка, станции Синезерки; стоянки «доисторического человека на р. Навле (д. Сычевка, пос. Дела, д. Алексеевка, д. Святое, с. Глинное), на р. Ревне (д. Кольцовка); курганы в Алексеевке, Глинном, Думче, Гавани, Борщево – общим числом около 100. [14]

Последние документальные упоминания об А.М. Романове датируются 1936-1937 гг. Так, он упоминается в июне 1936 г. как инициатор и участник экспедиции Смоленского исторического музея (отдела Западного областного государственного музея) по исследованию археологических памятников Навлинского

района под руководством заведующей музеем Е.А. Калитиной. [15] Экспедиция проводила свои работы, руководствуясь информацией Романова о местоположении и научной значимости местных археологических памятников. Кроме того, Е.А. Калитина приобрела у него для Смоленского музея «значительную, собранную в течение нескольких лет коллекцию археологических предметов с этих памятников… Это неолитические скребки, резцы, наконечники стрел и копья, ножевидные пластины, тесло, нуклеусы; вещи XII-XIII вв. (подвеска бронзовая крестовидная, фрагмент железного ножа, железная фигурная пряжка, медная пластинка с пустыми гнездами (позднейшая басма), фрагмент семилопастного височного кольца (Г.П.), фрагмент черного стеклянного браслета, шиферное пряслице, бронзовый бубенчик, донце с клеймом гончарного сосуда (все находки из городища и курганов у с. Глажево); фибула бронзовая с пустыми гнездами от эмали («готская»), подвеска бронзовая нагрудная с эмалью; три бронзовых браслета, три бронзовых шейных гривны, бубенчик; к «готской» подвеске придано спиральное из тонкой проволоки кольцо позднейшей работы – скорее могут быть отнесены к курганному инвентарю». На селище у Глажево Романов нашел «диоритовый топор фатьяновской культуры, а в осыпях берега Ревны нашел следующие древности (находятся в Трубчевском музее): плоскую свинцовую серьгу с перекрестием, фрагмент рубчатого браслета, лист свинца, свернутый в трубку весом 4 кг, керамику с волнистым и штриховым орнаментом, фрагменты кремней». [16]

Последняя публикация Романова – «Монастырский дурман» в навлинской газете – датируется 17 июля 1937 г., [17] после чего его имя исчезает со страниц документов. Не исключено, что он был репрессирован в 1937-1938 гг.

В московских и смоленских архивных документах герой нашей статьи упомянут под именем Александра, а в брянских – Алексей. Казалось бы, это несоответствие решается наличием двух братьев Романовых – Алексея и Александра. Действительно, А.М. Романов имел младшего брата, но его звали Иваном

Михайловичем Романовым. Известно, что Иван Михайлович с 1920 г. преподавал в Святовской начальной школе и был активистом местного комитета работников просвещения – «Работпроса». [18] По-видимому, в данном случае мы имеем дело с иногда встречающимся в России несовпадением письменной формы имени «по паспорту» (или по церковной метрике) с реальным именем, которым называли человека родственники и знакомые. Следовательно, Романова в семье звали Алексеем, а в официальных документах он проходит как Александр.

Конечно, Романов не был археологом-профессионалом, у него не было соответствующего образования, он не вполне владел методикой полевых археологических исследований и позволял себе далекие от научных высказывания. Так, например, заведующий Трубчевским музеем Всеволод Протасьевич Левенок (впоследствии известный археолог, кандидат исторических наук) в письме видному белорусскому ученому Константину Михайловичу Поликарповичу писал о себе: «Прежде, чем решиться печататься, мне нужно многому ещё учиться и проверять каждую строчку своих «стихов о черепках». Правда, стараюсь как можно меньше делать общих выводов, чтобы не быть похожим на навлинского Романова, разглагольствующего об «отважных кудеярах», «городищах неолитического века», «славных витязях» и пр. белиберду…» (Левенок – Поликарповичу 20.12.1936 г.). [19]

Впрочем, теперь по прошествии 70 лет, на наш взгляд, Всеволод Протасьевич все же был излишне резок в критике по отношению к А.М. Романову. Алексей-Александр Михайлович Романов прекрасно знал археологические памятники своего микрорегиона и, по мере своих знаний, старался их популяризировать. Он открыл десятки неизвестных ранее науке памятников археологии и нанес их на карту, тем самым, подготовив почву для будущих исследователей.

Таким образом, этот незаурядный археолог-краевед навсегда вписал свое имя в историю брянской и отечественной ар-

хеологии, хотя и как исследователь только одной реки – Навли – и только одного района – ныне Навлинского - Брянской области.

Примечания

1. Государственный архив Брянской области (далее – ГАБО). Ф./85. Оп. 1. Д. 411. Л.12/
2. Там же.
3. Там же. Д. 569. Лл. 106-106 об.
4. Романов, А. Краткий обзор археологических древностей нашего уезда // Порыв. - 1920. - 4 апр. - С. 9.
5. Там же. - С. 11-12.
6. Там же. - С. 12.
7. ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 264. Л. 3.
8. Там же. Д. 382. Л.5 3 об.
9. Архив Института истории материальной культуры Российской Академии Наук (далее – ИИМК РАН). Ф. 2. Оп. 1.№185/1925.
10. Там же. №131/1925. Л. 7.
11. ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 382. Л. 53 об.
12. Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. №220/1926.
13. Романов, А.М. Об исследовании и охране памятников старины р. Навли // Брянский край. Вып.3. – Брянск, 1928. - С. 12-15.
14. Романов, А. Памятники материальной культуры : краеведческий очерк // Колхозная стройка (Навлинский р-н). - 1932. - 29 авг. ; Слуцкая, Т. Археологические памятники // Наше время (Навлинский р-н). - 1998. - 15 июля.
15. Модестов, Ф.Э. Смоленские древности. Вып.1. Курганные могильники IX-XII вв. / Ф.Э. Модестов. – Смоленск, 2001. - С. 225.
16. Там же. – С. 227.
17. Романов, А. Монастырский дурман // Колхозная стройка (Навлинский р-н). - 1937. - 17 июля.
18. ГАБО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 206. Л. 38.

19. Чубур, А.А. Трубчевский самородок (к 100-летию Всеволода Протасьевича Левенка) / А.А. Чубур, Г.П. Поляков, Н.И. Наумова. – Брянск, 2006. – С. 15.

А.В. Ронжин,
заместитель начальника управления
по делам архивов Брянской области

История родного края с древнейших времен до начала XX века в публикациях 1970-1980-х годов

(краткий библиографический обзор)

Семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия - это два последних десятилетия советского периода истории нашей страны. За этот период на Брянщине появилось много книг, статей в местной периодической печати по различным периодам истории.

Некоторые книги вышли вторыми изданиями, дополненными и исправленными. Глубже, по сравнению с 60-ми годами, изучалась история отдельных районов, городов, сел и деревень, история архитектуры, вопросы происхождения отдельных гидронимов.

60-е годы на Брянщине закончились такими знаковыми изданиями по истории родного края, как:

сборник документов и материалов «Брянский ордена Трудового Красного Знамени машиностроительный завод» (Брянск, 1969);

В. Волохов. Брянск (Тула, 1968).

Последнее издание до сих пор популярно среди школьников города, интересующихся краеведением, благодаря простому и легкому изложению материала, хорошему художественному оформлению книги. К сожалению, в монографии В. Волохова присутствуют некоторые (теперь уже очевидные)

ошибки. Например, рассказывается о двухразовом посещении Брянска Петром Первым.

1. ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ КРАЯ, ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНОВ, ГОРОДОВ, ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

1970-е годы на Брянщине для краеведения начались бурно: уже в 1970-м году в Брянске вышел в свет сборник материалов научно-методической конференции Брянского областного совета Общества охраны памятников истории и культуры «Памятники истории и культуры Брянщины». В сборнике имеются статьи известных краеведов: С.П. Кизимовой, Ф.М. Заверняева, В.А. Падина, В.Н. Городкова, Е.С. Пасекунова, Л.М. Губанова, И.М. Полозова, Г.И. Стафеева.

В этом же году в Брянске выходит библиографический указатель «Литература о Брянской области. Общие работы о Брянской области. История Брянской области». В указатель включены как местные издания и статьи в местной периодической печати, так и центральные издания, в которых имеются упоминания о Брянщине.

В этом же 1970-м году в Приокском книжном издательстве (г. Тула) выходит учебное пособие для учащихся 7-8 классов Брянской области «Наша родная Брянщина». Авторы пособия - Ф.М. Заверняев, В.Н. Городков, С.С. Дозорцев, Ю.Б. Колосов, Е.С. Пасекунов, И.И. Фишман, И.Е. Яненко и другие известные на Брянщине историки, архивисты, краеведы.

В 1971 году Брянск отмечал свое 825-летие (считалось, что город основан в 1146 году). В этом году, после десятилетнего перерыва, возобновилось издание «Брянского краеведа» и вышел в свет его IV выпуск. В нем было три раздела: 1) история края, 2) памятники истории и культуры края, 3) природа края.

V выпуск (1973 г.) имеет почти ту же структуру, а вот VI выпуск (вышел тоже в 1973 г.) имеет уже другое деление: 1) Брянщина сражающаяся, 2) Брянщина строящаяся, 3) поиски, находки, хроника краеведческой работы.

В VII выпуске (1974 г.) появляются два новых раздела: «Из революционного прошлого края» и «Народное творчество Брянщины».

Последний VIII выпуск (1976 г.) имеет следующие разделы: «К 1000-летию Трубчевска», «Первая русская революция на Брянщине», «Страницы Великой Отечественной», «Литература и искусство», «Практика краеведческой работы». Прекращение издания «Брянского краеведа» после выхода в свет его восьмого выпуска связано с тем, что Брянская область не имела своего издательства и должна была издавать все свои книги только через Приокское книжное издательство, находящееся в Туле. В Туле же не считали нужным тратить свои средства на какие-то «Брянские краеведы». Вместе с тем нужно признать: выход в свет в первой половине семидесятых годов пяти выпусков «Брянского краеведа» вывело местное краеведение на совершенно иной уровень знаний. Стала возможной детальная проработка «узких», но очень интересных тем.

Например, в VI выпуске была опубликована статья Е.С. Пасекунова «Здесь мы были первыми (о роли Брянского края в техническом прогрессе страны)». В последнем VIII выпуске опубликованы такие значительные работы известного брянского археолога Ф.М. Заверняева, как «Археологические памятники Верхнего Подесенья», «Новые археологические находки в селе Хотылеве». Владимир Петрович Парыгин помещает здесь свою статью «Литераторы нашего края», которая потом перерастет в многотомный труд, посвященный этой теме.

В 1971-м году выходят два юбилейных проспекта, посвященных 825-летию Брянска: один - в Брянске, другой - в Клинцах.

В 1970 году и в последующие годы выходят работы по истории отдельных городов Брянщины. [1]

К общим работам можно отнести следующие работы брянских авторов:

Русанов, Р.В. На славной Брянской земле / Р.В. Русанов, Я.Д. Соколов. - Тула, 1975;

Русанов, Р.В. Дорогие сердцу имена / Р.В. Русанов, Я.Д. Соколов. - Тула, 1983;

Русанов Р.В. Памятники земли брянской / Р.В. Русанов, Я.Д. Соколов. - Тула, 1985.

В 1983 году вторым изданием (исправленным и дополненным) было издано учебное пособие по истории родного края для учащихся 7-8 классов «Наша родная Брянщина», охватывающее период от возникновения первых поселений древнего человека в нашем крае (100 тысяч лет до н.э.) до конца XIX века. Несмотря на небольшой объем - всего 77 страниц - в главах и параграфах книги даны все важнейшие сведения по истории родного края до начала XX века. Пособие снабжено вопросами и заданиями для самостоятельной работы, а также выдержками из документов.

В 1985 году Брянск отметил свое 1000-летие. К этому юбилею вышли в свет три издания: книга Дозорцевых «Брянск. Историко-экономический очерк» (Тула, 1986), сборник документов «Брянску 1000 лет» (Тула, 1986) и справочник «Брянск 1000-летний» В. Полозова и В. Скидана (Тула, 1985).

На книгу Дозорцевых 5 апреля 1987 г. член Союза журналистов СССР Р. Гольцов в газете «Брянский рабочий» публикует довольно критическую рецензию под заголовком «Документы, интерпретация, вымысел». Справедливо критикуя авторов книги по многим моментам, рецензент, однако, и сам допускает ошибки, что заметно снижает научную ценность данной статьи.

В предъюбилейные и юбилейный для Брянска годы на страницах областной газеты «Брянский рабочий», журнала отдела пропаганды и агитации Брянского обкома КПСС «Блокнот агитатора» (единственный журнал в области в то время, где могли размещать свои статьи краеведы) появились работы, посвященные истории отдельных районов, площадей, улиц областного центра. [2]

«Блокнот агитатора» в 1980-х годах дает ряд интересных материалов об истории отдельных сел и районов Брянской области [3], о природе края в историческом аспекте. [4]

Иногда удается издавать специальные сдвоенные и строенные выпуски журнала «Блокнот агитатора», которые выглядят как отдельные брошюры. Таким образом был сделан, например, выпуск 1987 г. «Их помнит Брянщина (о пребывании знатных людей в нашем крае)». Здесь рассказывалось о посещении Дятьково Л.Н. Толстым, берегов Десны И.С. Тургеневым, Овстуга Я.П. Полонским, о многих других известных личностях.

В областных газетах «Брянский рабочий», «Брянский комсомолец» печатаются материалы по истории отдельных учреждений и предприятий. [5]

Иногда (в связи с юбилейными датами) по истории учебных заведений и заводов удается выпустить буклеты, брошюры. Так, в 1973 году вышла тысячным тиражом брошюра «Брянский ордена Трудового Красного Знамени машиностроительный завод. Хронология важнейших событий 100-летней истории завода. 1873-1973 гг.» (составитель - А. Борисенков), в 1974 г. тиражом 2000 экземпляров был издан буклет «Брянский строительный техникум» (редактор М.С. Кузнецова), в 1983 году, в связи с празднованием 200-летия завода дорожных машин, вышли два буклета: «Этапы большого пути» и «Хронология важнейших событий 200-летней истории Брянского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени имени 50-летия Великого Октября завода дорожных машин» (ответственная за выпуски М.Я. Судоргина, тираж 10000 экз. каждый). В буклетах по истории завода дорожных машин имеются неточности. Например, из текста так и не ясно, когда же на заводе при неудачном строительстве артезианской скважины провалилась кузня - в 1894-м или в 1896-м году.

В 1983-1985 гг. в газете «Брянский рабочий» появляются статьи историографического и библиографического характера: А. Дубровского «История города в краеведческих исследованиях» (21.04.1983), В. Каблучко «О прошлом нашего края»

(22.02.1984), В. Скидана «Автографы истории» (02.06.1985). В первой и последней дается краткая историография города Брянска, во второй - обзор книг конца XIX века о Брянщине.

2. ОТДЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XIX ВЕКА) В КРАЕВЕДЧЕСКИХ РАБОТАХ

Очень мало монографий, посвященных конкретным событиям на Брянщине с древнейших времен до конца XIX века. Истории жизни и творчества А.К. Толстого и А.Д. Вяльцевой посвящены работы Г.И. Стафеева и С.П. Кизимовой, о них мы расскажем в следующей главе, здесь же отметим работу Владислава Сергеевича Пасина «Декабристы Брянщины», изданную в Приокском книжном издательстве в 1984 году. Ему же принадлежат статьи о декабристах в «Блокноте агитатора», «Брянском рабочем», «Брянском комсомольце». [6] 26 декабря 1985 г. С. Дозорцев в газете «Брянский рабочий» опубликовал положительную рецензию на эту книгу В.С. Пасина. Справедливости ради следует сказать, что о декабристах писали и другие брянские краеведы - С. Валерьянов, В. Веремьев, В. Даниленко, Ф. Заверняев, Д. Прилепов, В. Столицын, В. Цыганков. [7]

Самый древний период истории - привилегия археологов. У нас древностями в 1970-х годах занимались археологи Ф. Заверняев и В. Падин, в 1980-х к ним присоединились молодые исследователи Е. Шинаков и Г. Поляков, краевед-исследователь истории флоры и фауны Л. Губанов. [8]

В год празднования 825-летия Брянска в «Брянском рабочем» была опубликована статья Т. Равдиной «Пласты веков. Археологические раскопки Брянска в 1971 году» (16.09.1971). Казалось, находки московского археолога не исключали возможности существования города с середины XII века на Покровской горе. Но проходит только пять лет - и в «Брянском рабочем» появляется статья Ф. Заверняева «Сколько же лет Брянску?» (12.12.1976). Здесь впервые появляется научно обоснованная версия возникновения города на «Чашином кургане» ра-

нее XII века. В дальнейшем Ф.М. Заверняев подкрепляет ее новыми и новыми данными. [9]

Следующая историческая страница - возникновение самостоятельных русских княжеств в XII веке. Брянские краеведы на страницах «Брянского рабочего» пытаются разобраться, имеет ли какое-нибудь отношение наше Рогнедино к княжне Рогнеде. И если да, то к какой именно - что жила в X-м или в XII - м веке? [10]

Участию трубчан в походе князя Игоря на половцев посвящены работы В. Епифанцева «Куряне» или «трубяне»?» («Брянский рабочий», 20.06.1982) и Н. Соболева «Земля брянская в «Слове о полку Игореве» («Блокнот агитатора», №8, 1983). В последующие годы эта тема более подробно будет развита Н. Соболевым в книге «...Душа собою вечно недовольна» (Тула, 1991).

В 1980 г. вся страна отмечала 600-летие Куликовской битвы. То, что брянцы принимали в ней участие - сомнению не подлежит. Однако путь следования брянской дружины, количество участников, кто именно из брянских князей принял участие в битве, наконец, был ли поединок Пересвета с татарским богатырем в начале битвы - все это вызывало споры у местных краеведов. Редакции газет охотно брали статьи на модную тему и библиография вопроса очень обширна, тем более что в 1985 году, в связи с празднованием 1000-летия Брянска, обсуждение этой темы имело продолжение. [11] На мой взгляд, наиболее интересной из всех этих работ была статья В. Столицына «Неразгаданная страница», где автор вполне обоснованно выдвигает версию о матери Дмитрия Донского - брянской княжне.

Об участии брянцев в Грюнвальдской битве рассказал в «Брянском рабочем» В.П. Алексеев (24.08.1985). В целом же о событиях XV-XVI веков на Брянщине писали мало. [12] Семнадцатому столетию повезло больше. Внимание краеведов привлекли и битва царских войск с войсками Лжедмитрия I на поле Добрыничском в 1605 году, и события периода воссоединения

Украины с Россией, Свенская ярмарка, история возникновения почты на Брянщине, многое другое. [13]

Для того, чтобы изучать события XVIII века, краеведам совсем не обязательно покидать Брянщину и отправляться в архивы и книгохранилища Москвы и Ленинграда: государственный архив Брянской области содержит довольно большой комплекс исторических документов этого столетия. Благодаря этому в 1970-е - 1980-е годы появляются работы, посвященные отдельным историческим личностям XVIII века [14], развитию судостроения, зарождению промышленности и просвещения в крае. [15]

В 1978 году к.и.н. С. Дозорцев окончательно развенчал популярную местную легенду о двойном посещении Брянска Петром Первым. [16]

Несколько особняком стоит работа В. Кривошеина, опубликованная в «Брянском рабочем» 12 октября 1980 года и посвященная брянским уездным картам первой половины XVIII столетия. Она так и называлась: «Брянские уездные карты».

...Начало XIX века. Отечественная война 1812 года. Этой теме был посвящен целый ряд работ. [17]

Продолжаются биографические исследования [18], актуальными являются темы участия брянских полков в обороне Севастополя [19] и русско-турецкой войне 1877-1878 гг. [20]

В связи с празднованием 1000-летия города Брянска в 1983-1984 гг. в периодической печати появляются статьи известных краеведов В.П. Алексеева и С.С. Дозорцева о дореволюционной истории города в целом. [21]

Ф. Исайчикова в 1985 г. заинтересовали старые мосты Брянска и перепись населения 26 сентября 1881 года, статьи об этом он поместил в журнале «Блокнот агитатора» (№№4, 23).

Истории судоходства на Десне посвящена статья С. Дозорцева и М. Дозорцева «Десна, голубая дорога» в «Брянском рабочем» (28.06.1974).

В 1980-х годах молодой исследователь И. Слепнев начинает интересоваться историей возникновения Брянского желез-

нодорожного узла, в «Брянском рабочем» и «Блокноте агитатора» помещает на эту тему свои труды. [22]

В 1893-1897 гг. выходила первая брянская газета «Брянский вестник». О ней 4 мая 1982 г. в газете «Брянский рабочий» рассказал известный журналист Р. Гольцов.

В конце XIX века ширится и растет рабочее движение на Брянщине. Однако, поскольку основные революционные события развернулись в начале XX века и данная тема имеет свою обширную библиографию, здесь мы ее рассматривать не будем.

3. ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.

Большое значение для краеведов имел выход в издательстве «Искусство» (в Москве) книги Михаила Цапенко «Земля Брянская» (1972 г.) - несмотря на небольшой объем, она богато иллюстрирована фотографиями и рисунками. Книга дает общее представление о памятниках архитектуры на Брянщине, здесь имеется обширный список источников и литературы по теме.

В 1977 г. были изданы «Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Брянская область». Их выпустил Московский научно-исследовательский институт культуры 61-м томом своих «Трудов». Не упомянуть об этой книге нельзя: это единственное издание тех лет, где не только назывались памятники местной архитектуры, но и подробно описывалась их история, рассказывалось, чем они знамениты, какие события с ними связаны.

Из местных исследователей истории архитектуры первое место принадлежит, конечно же, В. Городкову.

Его интересуют и судьба охотничьего замка в Красном Рогу, и Свенского монастыря, в целом облик исторической зоны областного центра и древних городов Брянщины. [23] В 1983 г. в Приокском книжном издательстве вышла его книга «По старинным аллеям», посвященная парковым ансамблям Брянщины.

В. Алексеев и Ф. Исайчиков на страницах «Брянского рабочего» поднимают проблемы Свенского монастыря, [24] Г.

Стафеев - усадьбы А.К. Толстого, [25] Т. Немешаева, Н. Палубис и В. Сагайдако рассказывают о центральных соборах и церквях Брянска. [26]

В статье Е. Коржевской «Добро пожаловать, Антонио Ринальди!» («Брянский рабочий», 24.02.1985) утверждается, что Воскресенский собор в Почепе построен по проекту А. Ринальди, а не Ж.Б. Валлен-Деламота. Е. Коржевская в данном случае следует за Джульеттой Кучариани, рассказавшей об этом в своей книге «Антонио Ринальди» (Ленинградское отделение «Стройиздат», 1984 г.).

Об этом же можно прочитать в книге В.Н. Городкова «Архитектурные образы Брянщины» (Тула, 1990) и «Почеп - славный город на Судости: сборник исторических очерков» (Клинцы, 2000). Однако в книге «Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область» (М.-Л., 1998) вновь утверждается, что автор проекта Воскресенского собора в Почепе - Ж.Б. Валлен-Деламот. Как видим, полемика, открытая в 1980-х годах, перешла и в следующее десятилетие.

Краеведческие исследования, касающиеся биографий известных писателей, в основном посвящены А.К. Толстому, [27] Ф.И. Тютчеву [28] и деятелям, так или иначе связанным с этими двумя классиками русской литературы. [29]

В 1980-е годы уделяется внимание известной писательнице XIX века Р.В. Радонежской [30], связи рода А.С. Пушкина и его окружения с брянской землей. [31]

Представляют интерес исследования В.П. Парыгина о И. Пересветове («Брянский рабочий», 13.01.1985), «Слове о полку Игореве» («Брянский комсомолец», 13.11.1988), П. Васина - о Т.Г. Шевченко («Брянский рабочий», 21.01.1981).

Из работ 1970-х - 1980-х годов, посвященных деятелям искусства, первое место принадлежит книге С.П. Кизимовой «Чайка русской эстрады» (Брянск, 1976), - о жизни и творчестве известной русской эстрадной певицы Анастасии Вяльцевой.

В «Брянском рабочем» в 1970-е годы появляются интересные работы В.В. Савкина «Арки мастера Константина»,

«Свенская» [об иконе «Свенская Богоматерь»], которые позже войдут отдельными статьями в книгу «По следам народного искусства» (автор-составитель Г.В. Мароховский, Тула, 1991).

Развитию искусства на Брянщине до революции посвящена работа В.П. Алексеева «У истоков искусства», опубликованная в «Брянском рабочем» 1 сентября 1983 г. О конкретной иконе из Лопуши рассказывает его статья «Шедевр из древнего села Лопушь» в той же газете 28 февраля 1988 г.

В 1980-е годы брянских исследователей привлекают такие темы, как история деревянного зодчества, изготовление печных изразцов в XVIII веке, крепостные театры начала XIX века, сохранившиеся работы старых мастеров, собранные в Брянском художественном музее, и многое другое. [32]

Конечно же, в краткой работе нельзя дать всю библиографию за 1970-е - 1980-е годы. В стороне остались районные и заводские газеты, а там нередко появлялись исследования высокого научного уровня.

Основное внимание было уделено вышедшим книгам в Брянске и Туле, публикациям в журнале «Блокнот агитатора», газете «Брянский рабочий», в меньшей мере - газете «Брянский комсомолец».

Автор надеется, что показанный материал поможет молодым исследователям истории родного края до начала XX века ориентироваться и в истории брянского краеведения.

Как бы итогом развития краеведения за 1970-е - 1980-е годы явился выход в свет в начале 1990-х годов таких больших работ, как:

«Взгляд через столетия» В.В. Крашенинникова (Тула, 1990),

«Архитектурные образы Брянщины» В.Н. Городкова (Тула, 1990),

«По следам народного искусства» (Тула, 1991).

Исторические исследования 1990-х годов, в частности, газетные публикации, отличаются от публикаций предыдущих

лет, как своим количеством, так и качеством. Но это уже тема иного исследования.

Литература

Горбков, А.И. Новозыбков / А.И. Горбков, И.Е. Кеслер, Ю.Б. Колосов. - Тула, 1970.

Падин, В.А. Трубчевск / В.А. Падин. - 2-е изд., доп., испр. - Тула, 1975 (1 издание - 1966 г.).

Цыганков, В.М. Город на Ипути / В.М. Цыганков. - Тула, 1977.

Тихонов, Н.Г. Десять веков Трубчевска : сборник материалов и документов / Н.Г. Тихонов. - Тула, 1980.

Иванин, Н.А. Заводская сторона : очерк истории Дятьковского промышленного района / Н.А. Иванин, А.С. Кошелев. - Тула, 1983.

Вольный, А.Г. Новозыбков / А.Г. Вольный. - Тула, 1989.

Чернов, В. Улица Майской стачки // Брянский рабочий. - 1983. - 1 мая.

Колосов, Ю. Щит и арсенал (к 1000-летию Брянска) // Брянский рабочий. - 1983. - 8 сент.

Дозорцев, С. Главная улица // Брянский рабочий. - 1984. - 26 янв.

Дозорцев, С. Улица Калинина // Брянский рабочий. - 1984. - 9 февр.

Дозорцев, С. Площадь Карла Маркса // Брянский рабочий. - 1984. - 23 февр.

Дозорцев, С. Володарский район // Брянский рабочий. - 1984. - 22 марта.

Дозорцев, С. Бежицкий район // Брянский рабочий. - 1984. - 5 апр.

Титова, М. Из истории Володарского района (к 1000-летию Брянска) // Блокнот агитатора. - 1984. - №8.

Дозорцев, С. Фокинский район // Брянский рабочий. - 1984. - 17 мая.

Ронжин, А. Из истории Бежицкого района // Блокнот агитатора. - 1984. - №15.

Непомнящая, Р. Главная, историческая // Брянский рабочий. - 1985. - 6 июля.

Алексеев, В. Село Жирятино // Блокнот агитатора. - 1986. - №11

Валерьянов, С. Гербы брянских городов // Блокнот агитатора. - 1987. - №1.

Черепов, В. Историко-экономический очерк о Суземском районе // Блокнот агитатора. - 1988. - №11.

Святогор, С. Историко-экономический очерк о Красногорском районе // Блокнот агитатора. - 1988. - №13.

Пильков, Л. Стародубский район // Блокнот агитатора. - 1988. - №20.

Демехина, Л. Почепский район // Блокнот агитатора. - 1989. - №4.

Поляков, Г. Рогнедино. - Там же.

Тихонов, Н. Трубчевский район // Блокнот агитатора. - 1989. - №15.

Журкина, Т. Историко-экономический очерк о Севском районе // Блокнот агитатора. - 1989. - №24.

Губанов, Л. Древняя Десна // Блокнот агитатора. - 1984. - №8

Губанов, Л. Животный мир края // Блокнот агитатора. - 1985. - №22

Губанов, Л. Реки нашей области: Десна // Блокнот агитатора. - 1987. - №10

Губанов, Л. Ипуть // Блокнот агитатора. - 1987. - №21

Губанов, Л. Судость // Блокнот агитатора. - 1987. - №23

Губанов Л. Снежеть. Беседь // Блокнот агитатора. - 1988. - №12

Губанов, Л. Навля // Блокнот агитатора. - 1989. - №8.

Например: Сидоров, Н. Восемь десятилетий завода // Брянский рабочий. - 1978. - 22 нояб. [об истории Лопандинского сахарного завода]

Евсеев, В. Немного истории // Брянский комсомолец. - 1988. - 25 дек. [о Трубчевском политехникуме].

Пасин, В. Отчизне посвятил... // Брянский рабочий. - 1972. - 15 апр.

Пасин В. Подвиг любви бескорыстной // Брянский рабочий. - 1975. - 11апр.

Пасин, В. Там, где бывал Лермонтов // Брянский рабочий. - 1976. - 18 нояб.

Пасин, В. Декабрист Д.А. Искрицкий // Брянский рабочий. - 1978. - 24 сент.

Пасин, В. Фамильный архив // Брянский рабочий. - 1980. - 17 сент.

Пасин, В. Переписка В.А.Жуковского с декабристом А.Ф.Бриггеном // Брянский рабочий. - 1983. - 9 февр.

Пасин, В. По сибирским местам декабристов // Брянский рабочий. - 1983. - 13 марта.

Пасин, В. «И память Каменки любя...» // Брянский рабочий. - 1985. - 18 дек.

Пасин, В. Первенцы свободы // Брянский комсомолец. - 1985. - 25 дек.

Пасин, В. Е.И. Трубецкая // Брянский рабочий. - 1986. - 9марта.

Пасин, В. «Кованые из чистой стали...» (к 160-летию казни декабристов) // Блокнот агитатора. - 1986. - №12.

Пасин, В. «Ты всегда жил в моей памяти...» // Брянский рабочий. - 1986. - 5 окт.

Пасин, В. «Он жил не для себя» // Брянский рабочий. - 1987. - 6 янв.

Пасин, В. Эпистолярное наследие декабриста А.Ф. Бриггена // Блокнот агитатора. - 1987.. - №23.

Цыганков, В. Отчизны верные сыны // Брянский рабочий. - 1972. - 23 февр.

Декабристы - наши земляки : буклет / сост. В.И. Веремьев.. - Брянск, 1975. - Тираж 5000 экз.

Прилепов, Д. Сберечь на века // Брянский рабочий. - 1979. - 31 нояб.

Валерьянов, С. Декабрист А.Ф. Бригген // Брянский рабочий. - 1985. - 21 авг.

Даниленко, В. «Напишут наши имена» // Брянский комсомолец. - 1985. - 25 дек.

Заверняев, Ф. Он учился в Севске // Брянский рабочий. - 1985. - 26 дек.

Столицын, В. «Богатыри из чистой стали» // Брянский комсомолец. - 1986. - 25 июля.

Заверняев, Ф. Из глубины веков // Брянский рабочий. - 1980. - 22 янв.

Заверняев Ф. У истоков искусства // Брянский рабочий. - 1980. - 6 июля.

Заверняев, Ф. Автографы истории // Брянский рабочий. - 1981. - 15 сент. [здесь - о посещении с. Хотылево французской делегацией]

Падин, В. О чем говорят курганы // Брянский рабочий. - 1982. - 19 янв.

Поляков, Г. Открытие Стародуба // Брянский рабочий. - 1982. - 6 авг.

Заверняев, Ф. В глубь веков // Брянский рабочий. - 1985. - 16 окт.

Шинаков, Е. Ступени в древность, ступени в науку // Брянский рабочий. - 1985. - 25 дек.

Поляков, Г. «От жизни той...» // Брянский рабочий. - 1986. - 21 мая.

Заверняев Ф. Обитали на Брянщине // Брянский рабочий. - 1986. - 24 авг.;

Губанов, Л. Загадка Чашина Кургана // Брянский рабочий. - 1987. - 10 янв.

Шинаков, Е. Сколько стоит каменный топор? // Брянский рабочий. - 1989. - 13 сент.

Заверняев, Ф. И возник на Десне город // Брянский рабочий. - 1982. - 9 сент.

Заверняев, Ф. Еще не был город заложен... // Брянский рабочий. - 1984. - 25 нояб.

Тихонов, Н. Рогнедино - село историческое // Брянский рабочий. - 1977. - 16 янв.

Даниленко, В. То ли это Рогнедино? // Брянский рабочий. - 1977. - 13 февр

Тимко, А. Где жила Рогнеда? / А. Тимко, Г. Поляков // Брянский рабочий. - 1979. - 22 дек.

На эту тему см. также: Крашенинников, В. Взгляд через столетия / В. Крашенинников. - Тула, 1990. - С. 53-54.

Ронжин, А. Брянские герои битвы Куликовской // Брянский комсомолец. - 1979. - 20 июня.

Ронжин, А. Александр Пересвет // Брянский комсомолец. - 1979. - 23 сент.

Федечкин, П. На поле Куликовом // Брянский рабочий. - 1979. - 10 окт.

Васенков, В. «Земля наша вечна» // Брянский рабочий. - 1979. - 9 дек.

Ронжин, А. Захарий Тютчев // Брянский комсомолец. - 1980. - 6 янв.

Морозов, В. Перед Куликовской битвой // Брянский рабочий. - 1980. - 20 марта.

Пасин, В. Куликовская битва: Пересвет, Софоний и другие // Брянский рабочий. - 1980. - 18 июля.

Скидан, В. Легенды о Захарий Тютчеве // Брянский рабочий. - 1980. - 5 сент.

Дозорцев, С. Брянцы в Куликовской битве // Брянский рабочий. - 1980. - 7 сент.

Столицын, В. Неразгаданная страница // Брянский рабочий. - 1980. - 7 сент.

Ронжин, А. Был ли поединок Пересвета? // Брянский комсомолец. - 1983. - 26 авг.

Параева, Н. Преданья старины глубокой // Брянский рабочий. - 1984. - 23 дек.

Ронжин, А. Герои битвы Куликовской // Брянский рабочий. - 1985. - 13 янв.

Полозов, В. «...Пока стоит Россия!» // Брянский рабочий. - 1986. - 6 мая.

Парыгин, В. Брянцы - участники битвы на поле Куликовом в произведениях древнерусской литературы // Брянский комсомолец. - 1988. - 20 нояб.

Одно из немногих исключений - статья Ф. Исайчикова в «Брянском комсомольце» от 9 октября 1988 г. «Брянск в Дмитровском княжестве».

Кизимова, С. Путешествие иноземца // Брянский рабочий. - 1976. - 26 сент.

Морозов, В. Пример братской дружбы. К 325-летию воссоединения Украины с Россией // Брянский рабочий. - 1979. - 16 янв.

Кунцер, В. Запорожцы на Десне // Брянский рабочий. - 1983. - 14 апр.

Дозорцев, С. Из глубины веков // Блокнот агитатора. - 1983. - №16

Андрианов, И. На поле Добрыничском // Брянский рабочий. - 1985. - 31 янв.

Скидан, В. Многоликие ярмарки // Брянский рабочий. - 1986. - 28 сент.

Исайчиков, Ф. Почта на Брянщине // Блокнот агитатора. - 1988. - №20.

14. Крашенинников, В. «Господину послушными» не были // Брянский рабочий. - 1972. - 2 марта.

Веремьев, В. Пугачев в Климовской слободе. Страницы истории // Брянский рабочий. - 1976. - 18 авг.

Даниленко, В. Паспорт Пугачева // Брянский рабочий. - 1978. - 13 окт.

Кублицкий, А. Тайна Голштинского знамени // Брянский рабочий. - 1979. - 14 окт.

Позже, в 1990-х годах, тему «Пугачев на Брянщине» продолжит и по-новому осветит исследователь юго-западных рай-

онов нашего края А.И. Поддубный (см. его статью «Был ли Емельян Пугачев в Климовском монастыре на Брянщине?» во втором выпуске «Деснинских древностей», Брянск, 2002).

Кизимова, С. Просветитель Федор Кречетов // Брянский рабочий. - 1982. - 20 янв.

Дозорцев, С. «Птенец гнезда Петрова...» // Брянский рабочий. - 1984. - 7 июля.

Кизимова, С. Питомцы М.В. Ломоносова // Брянский рабочий. - 1985. - 31 марта.

Ефремов Г. В память о борцах за свободу // Блокнот агитатора. - 1987. - №9.

Столицын, В. Брянский вольнодумец, современник А.Н. Радищева // Блокнот агитатора. - 1987. - №22.

Алексеев, В. Обида Салтычихи / В. Алексеев, Е. Прокофьев // Брянский рабочий. - 1987. - 13 дек.

Борисов, Г. Адмиралтейство... в Брянске // Брянский рабочий. - 1971. - 22 сент.

Борисов, Г. «Состоявшее в Брянске адмиралтейство...» // Брянский рабочий. - 1977. - 13 февр.

Дозорцев, С. Начало просвещения в Брянске // Брянский рабочий. - 1979. - 28 авг.

Козлов, В. То «Десна» брандером прикинулась // Брянский рабочий. - 1979. - 25 окт. Позже эта статья вошла в книгу «На земле Пересвета» (М., 1984. - С. 38-39), без ссылки на первоисточник.

Ляховкина, Е. «Для памяти и на вечную славу» // Брянский рабочий. - 1982. - 7 окт.

Алексеев, В. Зарождение промышленности // Брянский рабочий. - 1985. - 19 марта.

16. Дозорцев, С. Петр I в Брянске // Брянский рабочий. - 1978. - 10 окт.

Дозорцев, С. Действительность и легенда // Брянский рабочий. - 1978. - 24 дек.

Дозорцев С. В годы Северной войны // Брянский рабочий. - 1985. - 17 февр.

17. Навроцкий, В. Боевой арьергард // Брянский рабочий. - 1971. - 28 сент.

Дозорцев, С. Война 1812 года // Брянский рабочий. - 1985. - 19 мая.

Гавриков, А. Генерал, сын солдата // Брянский рабочий. - 1987. - 3 сент. [о генерале Ф.А. Лукове].

Шатунов, Б. Миклухо-Маклай - наш земляк // Брянский рабочий. - 1972. - 21 янв.

Заверняев, Ф. Бадаевская сталь // Брянский рабочий. - 1984. - 3 июля [о С.И. Бадаеве].

Алексеев, В. Писатель, журналист, статистик // Брянский рабочий. - 1985. - 19 мая [о Н.П. Брусилове].

Столицын, В. Из рода Миклух // Брянский комсомолец. - 1986. - 16 июля.

Хохлов, В. Он был первым // Брянский рабочий. - 1987. - 26 сент. [о А.П. Доброславине].

Даниленко, В. Михаил Глинка в Севске // Брянский рабочий. - 1988. - 10 янв.

Балакин, И. Третий бастион // Брянский рабочий. - 1988. - 25 марта.

Погарцев, А. Песни Шипкинских орлов // Брянский рабочий. - 1978. - 26 февр.

Лисютина, В. 35-й пехотный Брянский // Брянский рабочий. - 1978. - 26 февр.

Лисютина, В. Брянский полк в борьбе за свободу Болгарии. 1877-1878 годы. - Брянск, 1978. [Проспект].

Стародубов, А. Дочь Брянского полка // Брянский рабочий. - 1979. 6 нояб. Позже эта статья вошла в книгу «На земле Пересвета» (М., 1984. - С.40-41), без ссылки на первоисточник.

Даниленко, В. На Шипке все спокойно // Брянский рабочий. - 1981. - 22 сент.

Алексеев, В. И поднялся над Десной город // Брянский рабочий. - 1983. - 12 мая.

Алексеев, В. Образование и наука до Великого Октября // Брянский рабочий. - 1983. - 28 июля.

Дозорцев, С. Город на Десне // Блокнот агитатора. - 1983. - №19.

Дозорцев, С. Просвещение и культура города. 1861-1917 гг. // Блокнот агитатора. - 1984. - №4.

Слепнев, И. И разбежались по свету рельсы... // Брянский рабочий. - 1986. - 5 авг.

Слепнев, И. Так рождался Брянский узел // Блокнот агитатора. - 1987. - №13.

Представляет интерес и статья С. Дозорцева «Первая железная дорога на Брянщине» в «Брянском рабочем» от 5 декабря 1978 г.

Городков, В. Охотничий замок // Брянский рабочий. - 1980. - 2 нояб.

Городков, В. Сохраним черты древнего облика // Брянский рабочий. - 1983. - 31 марта.

Городков, В. Возрождение красоты // Брянский рабочий. - 1983. - 15 мая.

Городков, В. Облик древних городов // Брянский рабочий. - 1986. - 2 июля.

Городков, В. История во храмах предстает / В. Городков, Ю. Деревянко // Брянский рабочий. - 1987. - 20 сент. [к 600-летию г. Мглина].

Городков, В. Не забывать старого // Брянский рабочий. - 1987. - 1 окт.

Городков, В. Семь раз отмерь... // Брянский рабочий. - 1988. - 30 окт. [о сносе здания приходской школы в Брянске]

Исайчиков, Ф. Не только храм красоты // Брянский рабочий. - 1979. - 18 окт.

Алексеев, В. Памятники архитектуры // Брянский рабочий. - 1985. - 3 марта.

Стафеев, Г. Спасти мемориальную усадьбу А.К. Толстого // Брянский рабочий. - 1986. - 8 апр.

Сагайдако, В. Покровский собор // Брянский рабочий. - 1985. - 19 марта.

Палубис, Н. Возвращение красоты // Брянский рабочий. - 1988. - 19 апр. [о Спасо-Гробовской церкви].

Немешаева, Т. Золотые купола - свидетели старины // Брянский рабочий. - 1989. - 10 авг. [о восстановлении Воскресенской и Петропавловской церквей].

Стафеев, Г.И.. Сердце полно вдохновенья. Жизнь и творчество А.К. Толстого / Г.И. Стафеев. - Тула, 1973.

Подробный (но не полный) перечень опубликованных работ Г.И. Стафеева см. в книге «...Как жизни беспокойной продолжение» : воспоминания о жизни и творчестве Г.И. Стафеева / сост. А.Н. Стафеева, В.П. Парыгин. - Брянск, 1997).

Пасин, В. Три письма А.К.Толстого. - «Брянский рабочий», 05.10.1980.

Иванин, Н. Кладезь богатства родного // Брянский рабочий. - 1985. - 10 сент.

Госпорьян, А. Возвращение // Брянский рабочий. - 1985. - 7 сент.

Гамолин, В. Мой Тютчев // Брянский рабочий. - 1986. - 15 июня.

Алексеев, В. Реликвии семьи Тютчевых // Брянский рабочий. - 1988. - 9 окт.

Чагин, Г. Стихи Тютчева-сына // Брянский комсомолец. - 1980. - 12 сент.

Деханов, В.Г. Современники о Ф.И. Тютчеве / В.Г. Деханов. - Тула, 1984.

Парыгин, В. «Я жду тебя, певец гражданской чести!» // Блокнот агитатора. - 1986. - №3 [о А.М. Жемчужникове].

Даниленко, В. Учитель Тютчева // Брянский комсомолец. - 1986. - 13 июня. [о С.Е. Раиче].

Пасин, В. Воскрешая страницы былого // Брянский рабочий. - 1986. - 15 июня. [о книге Ф.Ф. Тютчева «Кто прав?»].

Скидан, В. «То лирный звук, то женский вздох...» // Брянский комсомолец. - 1987. - 9 янв. [о Е.П. Ростопчиной (Сушковой)].

Скидан, В. Воспитатель А.К. Толстого (к 200-летию со дня рождения А.А. Перовского) // Блокнот агитатора. - 1987. - №14.

Скидан, В. «Печальница горя народного» // Брянский рабочий. - 1984. - 16 окт.

Парыгин, В. Раиса Радонежская // Блокнот агитатора. - 1985. - №4.

Парыгин, В. «Мой добрый Галич» // Брянский рабочий. - 1983. - 13 нояб.

Даниленко, В. Брянская ветвь пушкинского рода // Брянский рабочий. - 1989. - 25 июня.

Пуцко, В. История деревянного зодчества и ее пороги // Брянский рабочий. - 1980. - 19 нояб.

Афанасьев, З. Руками стародубских мастеров // Брянский рабочий. - 1986. - 4 нояб.

Петров, И. Живопись старых мастеров // Брянский рабочий. - 1987. - 21 июня.

Валерьянов, С. Композитор, фольклорист, педагог (к 150-летию со дня рождения А.И. Рубца) // Блокнот агитатора. - 1987. - №22.

Кизимова, С. Крепостной театр // Брянский рабочий. - 1989. - 22 янв.

Содержание

БРЯНЩИНА И БРЯНЦЫ В ИСТОРИИ РОССИИ……3
Поляков Г. П. Почеп. Первые страницы истории
(XV - 30-е гг. XVI вв.)……...3
Астахова Л. А. Сельцо. (Исторический очерк)……...13
Злотникова И. В. Святой Преподобномученик
Александр Пересвет. Этапы формирования иконографии…….35
Крашенинников В. В. Патрик Гордон и его пребывание
в Севске……52
Алексеев В. П. Путешествие жиздринского купца
в Палестину и Египет……71
Мартынцева Н. В. Материалы по родословной Н. С. Лескова
(по документам государственного архива Брянской области….80
Бобков В. А. Н. Г. Высочанский - работа на Брянском
арсенале……85
Монахиня Сергия (Ежикова). Разрушенные храмы и часовни
Брянского благочиния……93
Монахиня Сергия (Ежикова). Архипастыри Брянской
Епархии. 1920-1945 годы……..129
Снытко В. А. Стахановское движение в годы второй
пятилетки (на примере Красногорского района)……...146
Бобков В. А. История создания и развития Брянского
колледжа экономики, статистики и информатики…….158
Деханов В. Г. Евтихий Павлович Карпов: краткая хроника
жизни и творчества (к 150-летию со дня рождения)……173
Симоненко В. Е. Виктор Иванович Кузьмин - один из
старейших лесоводов Брянщины……185
Чернышов С. В. Русская баня и печь в народной традиции…189
Ермакова Т. А. Головные уборы XIX века из бисера
в коллекции Брянского краеведческого музея……...203

ДЕКАБРИСТЫ И БРЯНЩИНА……210
Крашенинников В. В. Современный взгляд на движение

декабристов……210
Осипенко Л. Ф. Декабристы в семейном и дружеском окружении Тютчевых……224
Поляков Г. П. Музейная реликвия декабристов Искрицких….231
Никулина С. А. Под следствием был, к делу не причастен…..236

ИЗ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА БРЯНЩИНЕ…….238
Коваленко З. П. Павел Тиханов……...238
Никулина С. А. «Не зарастет травой забвенья». Раскопки 1840-х гг. во Вщиже Веры Михайлоны Зиновьевой (Фоминой). Неопубликованные документы……...241
Горелая О. Н. «Криптоглоссарий» Павла Никитича Тиханова…….269
Куликова О. Ю. Книжный Брянск времен Тиханова Павла Никитича (1894-1905 гг.)……..……277
Вершило М. Ф. Архивы - окно в мир прошлого……285
Чубур А. А. О судьбе архива археолога Константина Михайловича Поликарповича…….293
Поляков Г. П., Машин В. В. Археолог-краевед А. М. Романов.....305
Ронжин А. В. История родного края с древнейших времен до начала XX века в публикациях 1970-1980-х годов (краткий библиографический обзор)……..312

ДЛЯ ЗАМЕТОК